Е.П.Блаватская

Из пещер и дебрей Индостана
Письма на Родину

Первая часть

I[1]

Поздно вечером 16 февраля 1879 года после тяжелого тридцатидвухдневного плавания из Ливерпуля раздались с пассажирской палубы радостные восклицания: «Маяк, бомбейский маяк!..» И вот все, кто ни был чем занят, побросали карты, книги, музыку и кинулись наверх. Луна еще не всходила и, невзирая на звездное тропическое небо, на верхней палубе было совершенно темно. Звезды блистали так ярко, что трудно было сразу разглядеть между ними земной огонек: точно громадные глазища навыкате моргали они на нас с черного неба, на склоне которого тихо сиял Южный Крест… Но вот, наконец, еще ниже, на далеком горизонте, заблистал и маяк, ныряя огненною точкой в волнах словно из растопленного фосфора. Горячо приветствовали измученные путешественники давно желанное явление. Все развеселились…

Недолго пришлось нам, однако, любоваться маяком; раздался звонок и в главной каюте потушили огни. Было десять часов вечера, и в приятных мечтах о будущем дне все разошлись по каютам. Зато в эту ночь никто не ложился спать. Все суетливо укладывались, приготовляясь на другое утро как можно ранее распроститься с нашею дырявою, заливаемою водой кадушкой, величаемой «океанским стимером[2]» Ливерпульского общества[3], и с ее вечно пьяным, грубым капитаном, который, между прочим, чуть было не утопил нас, а по воскресным дням запрещал пассажирам не только что играть в карты или шашки, но даже заниматься музыкой.

К четырем часам утра все пассажиры были уже на палубе, даже дамы. Такое раннее появление прекрасного пола не входило в расчет группы англо-индийских офицеров и очень было их переконфузило. Одна партия бравых воинов при помощи матросов весело обливалась водой под палубною помпой, в то время как товарищи их, ожидая очереди, расхаживали кругом в национальных костюмах индусов, то есть без всякого костюма. Но скромные леди тоже *возвращались*, а не ехали в Индию. Видимо, успев уже попривыкнуть к подобной пластической обстановке, они остались совершенно хладнокровными, тем более что теперь вся разница заключалась в одном колорите. К тому же едва светало…

Но что̀ это был за рассвет!.. Пароход уж более не качало… Под искусным управлением только что прибывшего туземного лоцмана в костюме Геркулеса[4], бронзовый силуэт которого резко отделялся на бледном небе, наш стимер, тяжело пыхтя испорченною машиной, тихо скользил по спокойным, прозрачным водам Индийского океана прямо по направлению к гавани. Приближались к заливу, и до Бомбея оставалось всего несколько миль[5]; и тому, кто, подобно нам, за четыре недели до того дрожал от пронзительного холода и снежной бури, застигшей нас у входа

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

[1] Письма эти, принадлежащие перу нашей соотечественницы, печатались в разное время в *Моск[овских] вед[омостях]* за подписью *Радда-Бай* и будут продолжаться в *Русском вестнике*. – *Примечание редакции журнала «Русский вестник» (1883, №1).*

В «Московских ведомостях» первая глава имела заголовок: «Приезд в Бомбей».

Бомбей (*англ.* Bombay) – город на западе Индии, на побережье Аравийского моря, с 1995 г. Мумба́и (Мумбай).

[2] Стимер (*англ.* steamer) – пароход.

[3] Liverpool Steamship Owners Association (*англ.* Ассоциация владельцев пароходов Ливерпуля).

[4] Геракл (*др.-греч.* Ἡρακλῆς, букв. «слава Гере») – персонаж греческой мифологии, сын Зевса и Алкмены. Он появился на свет в Фивах, с самого рождения демонстрировал необыкновенную физическую силу и храбрость. Геракл совершил двенадцать подвигов. Эти подвиги, ставшие наиболее известной частью биографии Геракла, происходили по всему известному грекам миру и за его пределами. Геракла чтили в Риме под именем Геркулес.

[5] Британская миля равна 1609 м.

во много воспеваемый поэтами, но еще более проклинаемый моряками Бискайский залив[6], окружавшая нас обстановка казалась просто волшебным сном!.. После тропических ночей на Красном море и невероятно знойных дней, промучивших всех от самого Адена[7], на нас, северян, веяло чем-то непривычным, тяжело обаятельным в этой чудно-мягкой предрассветной свежести воздуха. Ни одного облачка не виднелось на густо усеянном потухавшими звездами небе… Догорающий свет луны, дотоль серебряною пеленой застилавший небеса, стал теперь мало-помалу исчезать; и по мере того как прямо пред нами на востоке над далеким островом постепенно загоралось первое зарево рассвета, последнее лунное сияние все более и более сосредоточивалось на западе, обрызгивая золотыми искрами прорезаемую кильватером и далеко оставляемую за нами темную водную полосу: словно с нами, людьми из Америки, прощалось сияние Запада и свет Востока приветствовал пришельцев из далеких стран. Все сильнее голубело небо, быстро поглощая одну за другою последние еле мерцавшие звезды; и чудилось нечто трогательное в кротком достоинстве, с каким царица ночи передавала свои верховные права могучему узурпатору. Наконец, она стала тихо погружаться в волны и – исчезла… И вдруг, почти без малейшего перехода от тьмы к свету, багрово-огненный шар, вынырнув с противоположной стороны из-за мыса, уперся на несколько мгновений золотым подбородком в нижний ярус скал острова и, как бы оглядывая нас, на минуту приостановился… Затем одним могучим взмахом очутилось дневное светило высоко над морем и победоносно поплыло вверх по тропе своей, мгновенно рассеяв мрак и разом захватывая в пламенные объятия и посиневшие воды залива, и прибрежные дачи, и острова с их скалами и лесами кокосовых пальм… Не забыли золотые лучи поласкать и толпу благочестивых поклонников своих, парсов-гебров[8], простиравших руки с берега моря к могучему «Оку Ормузда[9]». Картина была до того великолепна, что на минуту все примолкло на палубе; даже красноносый старый матрос, суетившийся возле нас с канатом, приостановил работу и, крякнув, одобрительно кивнул солнцу головой.

Пробираясь тихо и осторожно вдоль столь же прелестного, как и коварного залива, мы имели еще довольно времени любоваться его окрестностями. Направо от нас виднелась группа островов, во главе которой высится головообразный *Гхарипури*[10], или Элефанта, со своим глубокой древности храмом. «Гхарипури» в переводе означает «город пещер» – по мнению ориенталистов, «город очищения», – коли верить туземным санскритологам. Этот высеченный неизвестною рукой в самой сердцевине скалы храм из камня, похожего на порфир[11], давно уже служит яблоком раздора для археологов, из коих ни один не был доселе в состоянии определить даже приблизительно его древность. Высоко вздымается скалистое чело Элефанты; густо обросло оно вековым кактусом, а под челом, у самого подножия скалы, высечены два придела и главный храм… Словно сказочный Змий Горыныч[12], широко разинул он черную зияющую пасть, как бы

---

[6] Бискайский залив – часть Атлантического океана, расположенная к северу от Пиренейского полуострова, омывает берега Испании и Франции.

[7] Аден – порт в Йемене на побережье Аравийского залива, на пути из Европы через Суэцкий канал в Бомбей.

[8] Парсы – этноконфессиональная группа последователей зороастризма в Южной Азии (Индии и Пакистане).

Гебры – исповедующая зороастризм древнейшая этноконфессиональная группа в Иране.

[9] «Ормазд или Ахура-Мазда (зенд.). Бог зороастрийцев или современных парсов. Будучи Светом Светов, он символизирован Солнцем. Эзотерически, он есть синтез своих шести Амеша-Спента*, или Элохимов, и творящий Логос. В маздеистской экзотерической системе Ахура-Мазда является Верховым Богом и идентичен с Верховным Богом ведийского века – Варуной, если читать Веды буквально» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 299).

* Амеша-Спента (*авест.* святые бессмертные) – в иранской мифологии шесть или семь божеств, ближайшее окружение Верховного Божества Ахура-Мазды.

[10] Гхарапури (*англ.* Gharapuri) – остров в Индийском океане в гавани Мумбаи. Название Элефанта было дано острову португальскими исследователями XVI в., увидевшими монолитную базальтовую скульптуру слона (elefante) около входа в пещеры. Они решили взять ее с собой домой, но в итоге бросили в море, потому что их цепи были недостаточно прочными. Позже эта скульптура была перенесена британцами в Музей Виктории и Альберта (ныне Музей доктора Бхау Даджи Лада) в Мумбаи.

[11] Порфир (*др.-греч.* πορφύρεος, porphýreos – темно-красный, пурпурный) – общее название эффузивных (вулканических) горных пород, имеющих порфировую структуру: крупные кристаллы-вкрапленники в тонкозернистой основной массе.

[12] Змей Горыныч – славянский фольклорный змей, похищающий женщин.

готовясь поглотить дерзновенного, пришедшего выведать сокровенную тайну Титана; и скалит он на пришельца два уцелевших, потемневших от времени длинных зуба – две громадные колонны, поддерживающие при входе нёбо чудовища…

Сколько поколений индусов, сколько рас простиралось в прахе пред *Тримурти*[13], тройным божеством твоим, о Элефанта!.. Сколько веков понадобилось слабому человечеству, дабы прорыть в порфирном чреве твоем весь этот город пещерных храмов и мраморных пагод и изваять твои гигантские идолы? Кто может это знать теперь! Много лет прошло с тех пор, как виделись мы с тобою в последний раз, древний и таинственный храм! А все те же беспокойные мысли, те же неотвязные вопросы волнуют меня теперь, как и тогда, и остаются столь же безответными… Чрез несколько дней опять увидимся мы с тобой; снова взгляну я на твое суровое изображение, на твой гранитный тройной лик в 19 футов[14] вышины, чувствуя столь же мало надежды когда-либо проникнуть тайну бытия твоего!.. Эта тайна попала в верные руки еще за три века до нашего столетия. Недаром старый португальский летописец дом[15] Диего де Кута похваляется (8 декада, книга III, глава XI) тем, что «большой квадратный камень, вделанный над аркой пагоды с четкою и крупною на нем надписью, был выломан и послан королю дом Жуану III[16], а затем *таинственно* исчез», и добавляет далее: «Возле этой большой пагоды стояла другая… и даже третья… самое изумительное строение на острове как по красоте, так и по неимоверно громадным размерам своим и богатству материала. Все эти пагоды и пещеры были выстроены царями *Канадскими* (?), главным из коих был один по имени Боназур[17], и на эти-то постройки Сатаны наши (португальские) солдаты накинулись с такою яростью, что в несколько лет не осталось от них камня на камне»[18].

А главное, не осталось надписей, кои могли бы дать ключ ко многому. Благодаря этому фанатизму португальских вандалов, хронология пещерных храмов Индии должна остаться для археологического мира навеки загадкой, начиная от браминов[19], которые уверяют туристов, будто элефантскому храму 374000 лет, и кончая Фергюсоном[20], доказывающим, что этот храм был высечен чуть ли не в XII веке по Р.Х.[21] Куда ни загляни в историю, всюду одни гипотезы, мрак. И однако же, о Гхарипури упоминается в эпической поэме *Махабхарата*[22], написанной, по мнению

---

[13] «Тримурти (санскр.). Буквально, “три лика”, или “тройная форма” – Троица. В современном пантеоне эти три суть Брама, создатель; Вишну, хранитель; и Шива, разрушитель» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 408–409).

[14] 5,8 м.

Фут – единица измерения длины в английской системе мер, равная 0,3048 м.

[15] Дон, дом (*исп., ит.* don, *фр., порт.* dom, от *лат.* dominus господин) – титул в некоторых странах Европы.

[16] Жуан III (1502–1557) – король Португалии (с 1521 г.).

[17] В книге Диогу де Коуту: Canarà, Banasur.

[18] См.: Da Asia De Diogo De Couto. Decada setima. Parte primeira. Lisboa, 1782. P. 259–261 («Азия» Диогу ду Коуту. Седьмая декада. Первая часть. Лиссабон, 1782. С. 259–261).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 292 (*Иствик Э.* Путеводитель по Индии. Часть II. Бомбей. Лондон, 1859. С. 292).

Диогу ду Коуту (1542–1616) – португальский историк, продолжил хронику португальского историка Жуана де Барруша (1496–1570) «Декалогия Азии».

Эдуард Бэкхаус Иствик (1814–1883) – английский востоковед и дипломат.

[19] Брамин (браман, брахман, *санскр*. Brāhmaṇa) – жрец, человек, принадлежащий к высшей жреческой касте.

В тексте пишется по-разному: брамин, браман.

[20] Джеймс Фергюссон (Fergusson, 1808–1886) – шотландский историк архитектуры, интересовался индийской исторической архитектурой и древностями.

[21] *Rock-cut Temples of India. – Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Fergusson J.* Illustrations of the Rock-Cut Temples of India. London, 1845. P. 54 (*Фергюссон Дж.* Иллюстрации высеченных в скалах храмов Индии. Лондон, 1845. С. 54).

[22] «Махабхарата» (*санскр.* mahābhāratam, «Великое сказание о потомках Бхараты», по имени царя Бхараты, потомка древнего царя Куру) – древнеиндийский эпос на санскрите, одно из крупнейших литературных произведений в мире. Состоит из восемнадцати книг (парв) и содержит более 75000 двустиший (шлок), что в несколько раз длиннее «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. Основное содержание – борьба родов Куру и Пуру и поражение первых в истории Северной Индии – период более древний, чем сюжет «Рамаяны» (Южная Индия). Однако фабуле главного сюжета – спору за престолонаследие между сыновьями двух братьев, слепого Дхритараштры (имевшего сто сыновкауравов) и Панду (пять сыновей-пандавов), в борьбе из-за города Хастинапура между двумя княжескими родами Лунной династии, Каурава (род Куру) и Паурава (род Пуру) – отведена только пятая часть всей поэмы. Остальное

Кольбрука[23] и Уильсона[24], задолго до царствования Кира[25]. В другой древней легенде говорится, будто храм Тримурти на Элефанте построен еще сыновьями *Па́нду*, – изгнанными по окончании войны, воспетой в *Маххабхарате,* между династиями Солнца и Луны, – восторжествовавшею расой Солнца: раджпуты (потомки последнего) воспевают еще до сей поры победу свою над врагами. Но и в их народных песнях нет ничего положительного. Прошли и еще пройдут столетия, а вековая тайна так и умрет в скалистой груди пещеры…

Налево, как раз против Элефанты, через залив и как бы в контраст всей этой древности и величию, растянулся Малабарский холм[26], жилище современных европейцев и богачей-туземцев. Их ярко расписанные *бёнглоу*[27] утопают в зелени индийской смоквы, баньяновых и других деревь, а прямые, высокие стволы кокосовых пальм покрывают бахромой верхушек своих весь гребень холмистого мыса. Вон, на самой юго-западной оконечности скалы, окруженной с трех сторон океаном, возвышается прозрачное, словно кружевное строение правительственного дома (Government House). Это самое прохладное и удобное место Бомбея, обвеваемое с трех сторон морскими ветрами: это резиденция сэра Ричарда Темпля, губернатора и повелителя Бомбейского президентства[28]. Развевающийся на высокой мачте флаг оповещает правоверных, как и неверных, что его высокопревосходительство находится в то время «у себя». Место столь же прелестное, как и подходящее для досточтимого баронета, сильно страдающего, между прочим, от разгоряченного воображения. Только прохлада оного спасает его от постоянно угрожающего ему удара вследствие мучительной мономании, центральная точка коей «русские шпионы» и коварная «русская интрига»[29]…

Остров Бомбей, называемый туземцами «Мамбе», получил свое название от богини «Мамба» – на махратском языке Mahima, или «амба», «мама» и «амма», смотря по диалекту – слово, означающее буквально: «Великая Матерь». Едва сто лет назад, там, где теперь городская эспланада[30], стоял храм, посвященный «Мамбе Деви». С невероятными затруднениями и издержками перенесли его ближе к берегу, близ крепости, и поставили против храма «Болешвара»[31], *Владыки Невинных* – одно из названий бога Сивы или, вернее, «Шивы»[32]. Бомбей составляет часть значительной группы островов; самые замечательные из них своими древностями: Сальсетта[33], «перевязанная» с Бомбеем плотиной; Элефанта, так названная

место занимают вставные эпизоды, среди которых к более поздним принадлежат «Бхагавадгита» и эпизод о Нале и Дамаянти; еще позднее по происхождению поэма «Хариванша». Подобными вставками первичный эпический характер текста был сильно видоизменен и заслонен дидактическими намерениями позднейших редакторов (вероятно, брахманов), сделавших из поэмы поэтическую энциклопедию индусской мифологии, истории, права и философии. Это сложный, но органичный комплекс эпических повествований, новелл, басен, притч, легенд, лиро-дидактических диалогов, дидактических рассуждений богословского, политического, правового характера, космогонических мифов, генеалогий, гимнов, плачей, объединенных по типичному для больших форм индийской литературы принципу обрамления.

[23] Генри Томас Колбрук (1765–1837) – английский востоковед.

[24] Хорас Хайман Уилсон (1786–1860) – английский индолог и санскритолог.

[25] Кир II Великий – персидский царь, правил в 559–530 гг. до н.э.

[26] Малаба́р – историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты. Иногда название Малабар применяют ко всему юго-западному побережью Индостана, которое называется Малабарский берег.

[27] Бунгало (*англ.* bungalow) – дом европейцев в Индии; одноэтажный дом дачного типа с плоской крышей.

[28] Увы! Несколько месяцев позже сей грозный повелитель махратов[*], на совести коего лежит погибель полутора миллиона душ, уморенных им во время последнего голода, благодаря его глупости, воспылал желанием сделаться членом парламента. Бросив губернаторство, он поспешил в Англию на выборы, где и получил должное возмездие. При первом случае избиратели забросали его гнилыми яйцами и обратили в постыдное бегство. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Маратхи, махраты (*англ.* Maratha, Mahratta) – народность, обитающая в Западной и Южной Индии.

[29] Следствие происходившего в XIX – начале XX века геополитического соперничества между Британской и Российской империями за господство в Южной и Центральной Азии, так называемой «Большой игры».

[30] Эспланада (*фр.* esplanade) – широкое открытое пространство перед крепостью.

[31] Bhuleshwar (старое название – Bholeśvar) – район в Бомбее.

[32] Ши́ва (*санскр.* śiva, «благой», «милостивый») – индуистское божество, Верховный Бог в шиваизме, вместе с Брахмой, Вишну входит в божественную триаду Тримурти.

[33] Салсетт (*англ.* Salsette).

португальцами вследствие громадной на острове скалы, высеченной наподобие слона[34] в 35 футов[35] длины; и в-третьих, остров Тромбай[36], одинокая скала коего возвышается на 900 футов[37] над морем. Бомбей, похожий на картах на большого морского рака, расположен впереди всех других островов. Далеко протянув в море обе клешни, он как бы стоит несменным часовым и стережет меньших, менее защищенных братьев… Меж им и материком немного узкий при входе рукав реки постоянно расширяется; затем, снова сужаясь, далеко впивается между вогнутыми боками обоих берегов, составляя, таким образом, бесподобнейшую в мире гавань. Недаром изгнанные англичанами португальцы прозвали ее «Buon Bahia», то есть хорошим заливом[38].

В припадке туристского восторга некоторые путешественники сравнивали бомбейский порт с неаполитанским. Но оба, в сущности, столь же похожи друг на друга, как *лаззарони* похож на *кули*[39]; все сходство между последними в цвете кожи, а между портами – в воде. В Бомбее, как и в его гавани, все оригинально и самобытно, ничто не напоминает даже Южной Европы. Взгляните на эти каботажные суда и рыбачьи лодки: оба построены наподобие птицы и обоим служила моделью морская птица *cam*, нечто вроде рыболова. Такая лодка, особенно на ходу, олицетворение грации с ее длинным, совершенно наподобие птичьего носом и тупою округленною кормой; в движении она словно плывет задом, а странной формы косой треугольный (латинский) парус прикреплен к высокому шесту острою вершиной вверх, словно два птичьи крыла. С широко раздутыми на обе стороны крыльями такое туземное судно, при попутном ветре и пригнувшись носом почти в уровень с водой, летит с изумительною быстротой. Но оно не прорезает волн как наши лодки, а ныряет по ним как чайка, представляя собою совершенное подобие морского рыболова…

Окрестности залива перенесли в то утро наше воображение в одну из волшебных стран *Арабских сказок*[40]. Далеко тянулась вдоль восточной стороны города горная цепь Гхат[41] с перемежающими ее почти столь же высокими холмами. От подножия до скалистых, фантастически торчащих верхушек своих эти холмы обросли дремучим лесом и непроходимыми *джонглями*[42], где живут хищные звери, а народное воображение одарило каждую скалу своею особенною легендой. Весь скат усеян пагодами, минаретами и храмами всевозможных сект. Там и сям, горячо обливаемая утренним солнцем, торчала древняя крепость, когда-то грозная и неприступная, теперь же полуразрушенная и обросшая непроницаемым кактусом. Что ни шаг, то чья-либо святыня. Здесь – далеко уходящая внутрь горы «вихара»[43], келья буддийского *бикшу*[44]; там – скала, осененная символом бога *Шивы*; далее – капище джайнов[45]; заросший тиной священный *танк* – пруд, наполненный благословенною брамином и поэтому очищающею от всякого греха водой, непременная принадлежность каждой пагоды. Все окрестности, вся страна усеяна символами богов и богинь; каждое из 33 миллионов божеств индийского пантеона имеет в чем-нибудь своего представителя или что-нибудь посвященное себе: кусок камня, цветок, дерево, птицу. Вот на западной стороне Малабарского холма выглядывает «Валукешвара»[46], храм

---

[34] Elefante (*португал.*) – слон.

[35] 10,7 м.

[36] Тромбей (*англ.* Trombay).

[37] 274 м.

[38] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 270–271.

[39] Лаццарони (*ит.* lazzaroni) – нищие, босяки, беднейшее население Италии; кули – представители низшей касты в Индии.

[40] Так в английском переводе называются сказки «Тысячи и одной ночи».

[41] Гхаты (Гаты, *англ.* Ghats) – горы на полуострове Индостан.

[42] джунглями (*англ.* jungle).

[43] Вихара – санскритский и палийский термин для буддийского монастыря.

[44] Бхикшу (*англ.* Bhikshu) – в буддизме высшая степень монашеского посвящения.

[45] Джайнизм – древняя дхармическая религия, появившаяся в Индии приблизительно в IX–VI вв. до н.э.

[46] Храм Валкешвара (*англ.* Walkeshwar) – храм в Валкешваре, одном из районов Мумбаи, посвященный Шиве. В индуизме Валука Ишвара – аватара Шивы (*санскрит.* валука – песок, Ишвара – Господь).

Ава́тара (*санскр.* avatāra, «нисхождение») – термин в философии индуизма, обычно используемый для обозначения нисхождения божества на землю, его воплощение в материальной форме, в том числе в человеческом облике. Хотя на русский язык слово «аватара» обычно переводится как «воплощение», точнее его можно перевести как «явление» или «проявление», так как концепция аватары заметно отличается от идеи воплощения Бога «во плоти»

Владыки из песка. Толпы индусов обоего пола, блистая на солнце золотыми кольцами на пальцах ног и рук, браслетами от кисти рук до локтей и от щиколки[47] до икр ног, со свежеразрисованными красною, желтою и белою красками священными сектантскими знаками на лбах, в ярких тюрбанах и белоснежных одеяниях тянутся длинною вереницей к знаменитому храму. Предание гласит, что Ра́ма[48] на пути из *Айодьи* (Ауд)[49] в Ланку (Цейлон) за женою своею Ситою, похищенною злым царем Ра́ваной, провел тут ночь. Брат его Ла́кшман, на коем лежала обязанность снабжать Ра́му каждый вечер новым *лингой*[50] из Бенареса, запоздал в тот день присылкой. В припадке нетерпения Ра́ма соорудил себе *лингам* из песка. Когда, наконец, явился символ из Бенареса, то его поставили в храм, а лингам, сооруженный Ра́мой, остался на берегу. Тут он пребывал в продолжение долгих столетий, но с прибытием португальцев «Владыка из песка» почувствовал такое сильное отвращение к *феринга́м* (чужестранцам)[51], что прыгнул в море и уже не появлялся более. Далее – прелестный бассейн (танк), называемый *Ванатирхта*, или «Пруд стрелы»[52]. Здесь Ра́ма (любимый герой, обоготворенный индусами) пожелал напиться и, не находя воды под рукой, выстрелил из лука в землю. И вот на этом месте тотчас же появился пруд, хрустальные воды коего обнесли высокою стеной, выстроили ведущую вниз каменную лестницу, окружили рядом белокаменных мраморных пагод[53] и обителями *двиджа* (*дваждырожденных*) браминов…

Индия – страна легенд и таинственных уголков. Нет в ней развалины, нет памятника или леска, чтобы не было у него своей истории. А главное, как обыкновенно ни опутана последняя паутиной народной фантазии, все гуще свиваемой с каждым последующим поколением, но трудно, однако, указать хоть на одну такую, которая не была бы основана на каком-нибудь историческом факте. С терпением, а главное с помощью ученых браминов, раз войдя в их доверие

в христианстве. Чаще всего термин «аватара» ассоциируется с Вишну и его десятью основными аватарами. Из них наиболее популярны Кришна, Рама, Будда. Список десяти аватар Вишну приводится в ряде Пуран.

Пураны (*санскр.* purāṇa «древняя былина») – тексты древнеиндийской литературы на санскрите. В основном это писания послеведийского периода, в которых описывается история Вселенной от ее сотворения до разрушения, генеалогия царей, героев и дэвов, а также излагается индуистская философия и космология. Большинство пуран являются каноническими писаниями различных течений индуизма. Пураны в основном написаны в форме историй. В традиции индуизма составителем пуран принято считать ведийского риши Вьясу.

Вья́са (*санскр.* Vyāsa – «дробность», «деление», «разделение», «подробность», «подробное изложение»), также известный как Ведавьяса, Вьясадева, Бадараяна или Кришна-Двайпаяна – мудрец III тысячелетия до н.э., считающийся автором или редактором-составителем многих глубоко древних и обширных по объему памятников – Вед, Пуран, философской системы веданты и эпоса «Махабхарата».

[47] Щиколка (*устар.*) – щиколотка, лодыжка.

[48] Ра́ма (*санскр.* rāma) или Рамача́ндра (Рама, светлый, как месяц) – аватара Вишну, легендарный древнеиндийский царь Айодхьи. Большинство индуистов считают Раму реально существовавшей исторической фигурой, царем, правившим большей частью современной Индии из своей столицы Айодхьи. Наряду с Кришной, Рама является одной из самых популярных аватар Бога в индуизме. Культ Рамы особенно характерен для последователей вайшнавизма – преобладающего направления в индуизме. Подробное жизнеописание Рамы содержится в «Рамаяне» – одном из двух величайших древнеиндийских эпосов наряду с «Махабхаратой». Рама – муж Ситы, которая почитается в индуизме как аватара Лакшми и олицетворение совершенной женщины.

[49] Айодхья (*англ.* Ayodhya), Аудх (*англ.* Awadh).

[50] Лингам, линга (*санскр.* liṅgaṃ – знак, метка, признак) – в древнеиндийской мифологии и некоторых течениях индуизма символ божественной производящей силы. В качестве ритуальной скульптуры представляет собою вертикально поставленный цилиндр с закругленной или полусферической вершиной.

[51] См.: «Firinghee – *перс.* Farangi, Firingi; *араб.* Al-Faranj, Ifranji, Firanji, то есть франк. Этот термин, обозначающий европейца, очень стар в Азии, но когда его теперь используют уроженцы Индии, он либо применяется (особенно на юге) специально к португальцам, родившимся в Индии, либо, когда используется в более общем смысле для “европейца”, подразумевает что-то враждебное или пренебрежительное» (*Yule H., Burnell A.C.* Hobson-Jobson. A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical Geographical and Discursive. London, 1903. P. 352 (*Юль Г., Бернелл А.К.* Хобсон-Джобсон. Словарь разговорных англо-индийских слов и фраз и родственных терминов, этимологических, историко-географических и дискурсивных. Лондон, 1903. С. 352).

Генри Юль (1820–1889) – шотландский востоковед и географ.

Артур Коук Бернелл (1840–1882) – английский государственный служащий в Мадрасском президентстве, знаток санскрита и дравидийских языков.

Хобсон-Джобсон – термин, обозначающий искажение слов одного языка носителями другого.

[52] Вана – стрела; ти́ртха – священное место, где есть источник, пруд, озеро, река или море, воды которых считаются святыми.

[53] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 281.

и дружбу, всегда возможно докопаться до истины. Но уж, конечно, не англичанам с их высокомерием и явно выказываемым презрением к «побежденной *расе*» ожидать чего-либо подобного. Поэтому-то между *официально* расследованною Индией и (если дозволено так выразиться) *подземною,* настоящею Индией такая же разница, как между Россией в романах Дюма-père[54] и настоящею, *русскою* Россией.

Еще далее по той же дороге стоит парсийский храм огнепоклонников. У алтаря его горит неугасаемый огонь, ежедневно пожирающий пуды сандального дерева и ароматических трав. Зажженный триста лет тому назад священный огонь еще ни разу не потухал, невзирая на беспорядки, сектантские распри, ни даже на войну. Парсийцы весьма гордятся этим храмом *Заратушты*, как они называют Зороастра[55]. Рядом с этим храмы индусов разукрашены, как красная писанка[56]. То капища, чаще всего посвященные Хануману[57], богу-обезьяне и верному союзнику бога Ра́мы, или же какому другому божеству, как, например, слоноголовому Ганеше (бог тайной мудрости) или одной из *деви*[58]. Подобные храмы встречаются на всех улицах. Пред каждым ряд столетних пипал (*Ficus religiosa*)[59], без которых не обойдется ни один храм, так как эти деревья служат любимым жилищем для стихийных духов и грешных душ. Все это перемешано, спутано и разбросано, являясь пред глазами внезапно, как картина во сне… Тридцать столетий оставили своих представителей на этих островах. Природная лень и сильно присущее Индии чувство консерватизма сохранили еще до европейского вторжения эти памятники буддистов и других неприязненных браминам сект даже от разрушительного мщения фанатиков. По природе индус не способен на бессмысленный вандализм, и френолог напрасно отыскивал бы на его черепе шишку разрушения. Если столько древностей и незаменимых памятников старины, пощаженных рукой времени, теперь искажены, разрушены и даже совсем попорчены, то разрушителями их постоянно являлись если не мусульмане, то португальцы под руководством иезуитов.

Красота бомбейского залива далеко, однако, не искупает, со стратегической точки зрения, слабостей его порта. Эта слабость, которую, впрочем, никто, кроме специалиста, никогда бы и не заметил, странно указывается самими же англичанами. И с чужестранцами толкуют они о ней, и рассуждают об этом в газетах, и даже горько жалуются о ней в своих «гидах»[60]. Так, например, в *Дорожнике Индии* (*Hand-Book of India,* 1858, by Captain E.Eastweeck) автор пускается в длинное рассуждение об опасности, угрожающей Англии в случае неприятельского вторжения в Бомбей со стороны моря. Этот изъян, давно замеченный ревнивыми обладателями страны, словно мешает им

---

[54] Дюма-отца (*фр.*).

Александр Дюма (1802–1870) – французский писатель, драматург и журналист. Действие романа А.Дюма «Учитель фехтования» происходит в России.

[55] «Заратустра (зенд.). Великий законодатель и основоположник религии, называемой по-разному: маздеизмом, магизмом, парсизмом, огнепоклонничеством и зороастризмом. Время жизни последнего Зороастра (ибо это имя – родовое) неизвестно и, возможно, по этой самой причине. <...> Подобно Ману и Вьясе в Индии, Заратустра – родовое имя великих реформаторов и законодателей. Эта иерархия начинается с божественного Заратустры в “Вендидаде” и заканчивается великим, но смертным человеком, носившим это имя и теперь утерянным для истории» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 159–160).

[56] Писанка – пасхальное яйцо с нанесенным орнаментом-рисунком в традиционной культуре славянских народов.

[57] «Хануман (санскр.). Бог обезьян в “Рамаяне”; генералиссимус армии Рамы; сын Ваю, бога ветра, и добродетельной демоницы. Хануман был верным союзником Рамы и своей несравненной смелостью и умом помог аватаре Вишну окончательно сокрушить царя демонов Ланки, Равану…» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 434).

[58] Де́ви или дэ́ви (*санскр.* devī) – богиня-мать, женская форма Бога в индуизме. Дэви – женская форма санскритского слова дэва.

[59] Фикус священный, фикус религиозный – вечнозеленое дерево, вид рода Фикус семейства Тутовые, произрастающее в Индии, Непале, Шри-Ланке, юго-западном Китае и странах полуострова Индокитай. Считается буддистами одним из символов просветления Будды Шакьямуни, сидя именно под таким деревом принц Сиддхартха Гаутама достиг просветления и стал Буддой. У буддистов известно под названием «дерево Бодхи».

Будда Шакьямуни (563–483 до н.э.) – духовный учитель, основатель буддизма, получил при рождении имя Сиддхаттха Готама (*пали*) или Сиддхартха Гаутама (*санскр.*).

[60] Гид (*англ.* guide) – справочник, путеводитель по достопримечательным местам, выставкам, музеям.

спать. Неужели же то самое, что̀ проделал с португальцами могульский адмирал Сиди[61] в 1690 году, взявший у них бомбейскую крепость в несколько часов[62], может еще повториться в 1880? И ей ли, великой, *непобедимой* нации с более чем тысячью пушками на Адмиралтейском бастионе, на Мандави-Бандарской и других батареях, пугаться вторжения[63]? И однако, если судить по собственному сознанию ее сынов и по их приемах, то они не только горюют, но и постоянно трусят чего-то. «Что̀ у кого болит, тот о том и говорит». Поэтому должно полагать, что эта заноза крепко засела и таки побаливает в бедре великобританского льва. Не угодно ли послушать, что̀ они сами рассказывают. Не отъехали мы ста миль от Ливерпуля, как уже были посвящены за общим столом во все слабости бомбейского порта. «Форт наш со стороны материка может быть и силен, – рассуждал один капитан, – только вот со стороны моря он совсем подгулял. Беззащитнее этого форта трудно себе что̀ и представить… К тому же пролив своею узковатостью способен затруднить неприятельский флот разве что в самом устье, а за́мок форта *Сент-Джордж*[64], построенный еще португальцами, напоминает одностенные, плоские за́мки на оперной сцены: на нем не имеется даже порядочного парапета. Сама же крепость (коммерческая часть города) не защищена даже и простою стеной… Зато она загромождена до самого берега старыми, полусгнившими фабриками, заводами и на скорую руку построенными амбарами и частными жилищами… При первом пушечном выстреле наш знаменитый форт развалится, как карточный дом», и проч.

А теперь заглянем в *Hand-Book* и посмотрим, что̀ об этом говорит Истви́к, посвящая книгу брату своему, капитану бомбейской армии[65]. «Если бы, – пишет он, – наша злополучная крепость даже когда и изъявила претензию на защиту, то неприятелю не стоило бы обращать на нее внимания. Ему следовало бы только, совсем не заходя в гавань, обогнуть остров и высадить войска с северной, совершенно не защищенной стороны его. Только во время *монсуна*[66] (сезона дождей) Бек-бей[67] бывает опасен своими бурями, а главное – подводными скалами, которыми так густо усеяно все пространство кругом Пронгского маяка (Prong). Во все же остальные восемь месяцев пароходы могут с полною безопасностью бросать якорь вне залива»[68].

Не правда ли, как откровенно? Поэтому и злорадное замечание одного известного англо-индийского писателя, напоминающего, что в случае либо войны, либо затеваемого вторжения «Бек-бей, представляющий *столь же заманчивую, сколько и коварно-опасную приманку* угрожающему неприятелю»[69], теряет все свое значение. Эта опасность, как нам объявляет и «Guide-Book»[70], существует лишь во время четырехмесячного *монсуна*, а в остальные времена года – милости просим!..

А между тем описывая так подробно свои слабейшие пункты, англо-индийцы видят в каждом невинном туристе из других государств шпиона. Проехала здесь года два назад русская артистка, пианистка Mlle Olga Duboin[71], и пожелала прокатиться по Индии; двадцать сыщиков

---

[61] Сидди Якут-хан (Siddi Yaqut Khan, ?–1733) – адмирал империи моголов.

Е.П.Блаватская пишет «могул» вместо «могол».

[62] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 266.

[63] Там же. С. 274.

[64] Saint George (*англ.*) – Святой Георгий; форт назван в честь английского короля Георга III (1738–1820).

[65] Уильям Джозеф Истви́к (1808–1889) – капитан британской индийской армии и директор Ост-Индской компании.

[66] Муссо́ны (*англ.* monsoon) – ветры, идущие из тропиков к экватору (летом дуют с океана, зимой – с материка).

[67] Back Bay – залив, вокруг которого расположен Бомбей.

[68] *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 270–271.

[69] Там же. С. 271.

[70] «Путеводитель» (*англ.*).

[71] См.: «Известная пианистка и кругосветная путешественница О.О.Дюбуан, в 1867 году окончившая курс в Московской консерватории, затем проведшая пятнадцать лет в артистических поездках преимущественно по Австралии, Индии, Бирме, Сиаму, Зондским и другим островам, намерена поделиться с московскою публикой богатым запасом своих многолетних наблюдений и собранных ею материалов в разных частях света. 21 ноября в Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (в здании Политехнического музея) г-жа Дюбуан прочтет свой реферат *О музыке и праздниках у восточных народов*. Начало чтения в семь часов вечера. Без сомнения, многие из москвичей пожелают ознакомиться с этим интересным сообщением» (Московские ведомости, 1883, №323, 21 ноября).

тайной полиции как тени следили за нею по пятам. Явился немец-живописец, уроженец Петербурга, но еле говорящий по-русски (г. Орас фан Руит[72]), изучать типы Индостана; шпионы переодеваются и являются к нему, предлагая себя в модели. Приехала партия, состоящая из американского полковника, чистейшего янки, двух англичан из Лондона, ярых патриотов, но либералов, и американской гражданки, хотя и *русской* по рождению[73], и вот национальность последней подымает на ноги всю полицию[74]! Напрасно было бы доказывать, что эти туристы единственно заняты метафизическими спекуляциями о мирах неведомых и что они не только не интересуются политикой земного мира, но что их русская спутница даже и «аза в ней не смыслит»[75]. «Коварство России давно вошло в пословицу, – отвечают ей. – России-де мы афганистанскою войной[76] отрезали дорогу чрез Гималайские горы; вот она и пошла писать с другой стороны… Подружилась с китайцами, а теперь науськивает их идти на Индию чрез Рангун. Поэтому нам и необходимо завладеть Бурмой[77]»[78]. Уже и китайцев стали теперь бояться с их горшками со смердящею жидкостью! Ну и владейте на здоровье, коли никто не мешает, – благо, что предлог нашелся. Только зачем же, спрашивается, нести такой сумбур про Россию?

Эта национальная черта англичан кричать «караул, режут», когда их никто и не думает трогать, – отвратительна. Она в них особенно развилась со времен беконсфильдского[79] премьерства. Но если эта черта замечательна даже в Англии, то с чем же сравнить ее в Индии? Здесь подозрительность перешла в мономанию: англо-индийцы готовы видеть шпионов России даже в собственных сапогах, и они упиваются этою идеей до чертиков.

– А что̀, – спрашивает один американский полковник[80] у главного полицейского надзирателя одной из Северо-Западных провинций, – возможно ли, по-вашему, повторение сипайского

См. также: Русская пианистка в Ост-Индии // Московские ведомости, 1876, №93, 15 апреля (перепечатано в: Кавказ, 1876, №47, 25 апреля); Русская пианистка в Австралии // Одесский вестник, 1880, №175, 2 августа; Московский фельетон // Новое время, 1883, №2804, 17 декабря; Театральные и музыкальные известия // Московские ведомости, 1890, №264, 24 сентября; Приезд в Пермь известной пианистки – всемирной путешественницы г-жи Ольги Дюбуан // Екатеринбургская неделя, 1890, №41, 21 октября.

[72] Хорас ван Руит (1839–1923) – британский художник. Родился в семье работавшего в России немецкого художника. Наиболее известен жанровыми, пейзажными и портретными произведениями первой половины 1880-х гг., выполненными во время работы в Индии, где у ван Руита была мастерская в Бомбее.

[73] Речь идет о Г.Олькотте, Э.Уимбридже, Р.Бейтс и Е.П.Блаватской.

Г.Олькотт в тексте выступает по именем «мистера или полковника О***».

Эдвард Уимбридж (Wimbridge, 1841–1898) – американский архитектор, скульптор, член Теософского общества, которое в 1880 г. добровольно покинул; в тексте выступает по именем «мистера У***».

Роза Бейтс (Bates) – английская учительница, член Теософского общества, из которого в 1880 г. была исключена; в тексте выступает под именем «мисс Б***».

Е.П.Блаватская в январе 1886 г. в письме к В.Хюббе-Шляйдену писала: «…Г-жу Бейтс исключили из Общества за клевету, злословие и сплетни, а вслед за нею последовал и Уимбридж» (*Блаватская Е.П.* Письма к друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 415).

[74] Первые полтора года пребывания в Индии Е.П.Блаватская находилась под демонстративным полицейским надзором, поскольку британские власти подозревали ее в шпионаже в пользу России. Эти полицейские меры были отменены 20 октября 1880 г., см.: *Olcott H.S.* Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883. London, 1900. P. 229–231, 245–248 (*Олькотт Г.С.* Листы старого дневника. Единственная достоверная история Теософского общества. Вторая серия, 1878–1883. Лондон, 1900. С. 229–231, 245–248).

[75] «Ни аза в глаза» – не знать даже самых простых вещей, абсолютно ничего. Возникновение фразеологизма связано с местом буквы А, начинающей русский алфавит и произносившейся раньше при обучении грамоте как «аз».

[76] Речь идет о Второй англо-афганской войне 1878–1881 гг.

[77] Бирма (*англ.* Burma).

[78] И поэтому тоже бирманский посол, присланный в настоящее лето (1882) в Симлу* для переговоров и подписи нового трактата так и уехал ни с чем. Все газеты восстали против «нахальных» претензий Бирмы, все нахальство коей состояло в том, что она требовала права сноситься прямо с английским кабинетом помимо калькуттского правительства и ограничения прав англо-индийских чиновников обращаться с королем Бирмы как с простым кули – подданным королевы. – *Позднейшее примеч[ание] автора.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

* Шимла или Симла – город в Северной Индии. В 1864 г. Шимла стала летней столицей Британской Индии.

[79] Бенджамин Дизраэли (граф Биконсфилд, Beaconsfield, 1804–1881) – английский государственный деятель консервативной партии Великобритании, 40-й и 42-й премьер-министр (1868, 1874–1880), писатель.

[80] Г.Олькотт.

возмущения 1857 года[81]? Как вы полагаете, усмирены индусы?

– Пшоу!.. Бояться подобного возмущения было бы столько же основательно, как и падения луны нам на голову! – получает он гордо в ответ.

А между тем этот же капитан тут же рассказывает за завтраком о превосходстве полицейской организации в их провинциях: ни один индус не прибудет из деревни в город даже на один час без того, чтобы тотчас же не узнали об этом в тайной полиции. Следят за каждым новоприбывшим из одной провинции в другую, даже если бы то был и англичанин. У народа не только отняли всякое оружие, но даже лишили последнего топора и ножа. Крестьянину нечем ни дров нарубить, ни защититься от тигра. Но англичане все еще дрожат. Правда, что их здесь всего 60000, в то время как туземного населения насчитывают до 245 миллионов. Да и система их, перенятая ими от искусных укротителей зверей, хороша лишь доколе зверь не почует, что его укротитель, в свою очередь, трусит… Тогда горе ему! Во всяком случае, подобное постоянное выказывание хронического страха обнаруживает лишь сознание собственной слабости.

Наконец, мы бросили якорь, и в одну минуту сотни тощих, голых индусов, могулов, парсийцев и других народов атаковали как наш багаж, так и нас самих. Вся эта ватага мгновенно выскочила как бы со дна морского, защебетала, зачирикала, залопотала и стала голосить, как умеют голосить только азиатские народы. Чтобы скорее избавиться от подобного вавилонского столпотворения, грозившего оглушить нас навеки, мы бросились в первый попавшийся бундер-бот[82] и отчалили.

Когда мы приехали в заранее заготовленный для нас бёнглоу, первое, что̀ нас поразило в Бомбее, были миллионы ворон и коршунов. Первые – мусорщики города, и убивать их не только воспрещено полицией, но и весьма опасно, так как это навлекло бы на убийцу серьезное возмездие со стороны индусов, всегда готовых предложить собственную жизнь за воронью. Души грешных прадедов их переселяются в ворон: убивать эту птицу значит мешать закону возмездия, а затем обрекать душу на что-нибудь еще худшее. В этом не только индусы, но и не менее их суеверные парсы (даже самые образованные между ними) вполне уверены. Странные повадки индийских ворон (о которых будет упомянуто далее) до некоторой степени оправдывают такое поверье. А коршуны, всегдашние могильщики парсов, находятся под прямым покровительством *Фарвардании*[83], ангела смерти, который парит над «Башней Молчания», руководя занятиями пернатых работников. Но и об этом после. Ужасное карканье ворон, не прерывающееся даже и по ночам, поражает вновь прибывшего своею странностью, но затем объясняется весьма просто. Всякое дерево из бесчисленного множества кокосовых лесов, окружающих Бомбей, на откупе у правительства, и наверху каждого привязана тыква, в которую стекает сок, превращающийся по брожении в крепчайший напиток, называемый здесь «тодди»[84]. Совершенно голые «тодди-вала»[85] (обыкновенно португальцы), скромно украшенные, впрочем, коралловым ожерельем, как белки, лазят по два раза в день на вершину полуторастафутовых[86] стволов, собирая этот напиток. Вороны вьют гнезда лишь на этих деревьях и постоянно пьют из этих открытых тыкв. В результате является хроническое опьянение этих крикунов.

Едва успели мы войти в густой, заросший сад нашего будущего жилища, как с каждого дерева послетала с пронзительным карканьем стая ворон; птицы эти окружали нас, прыгая на одной ноге. Чудилось нечто положительно *человеческое* в позе хитро склоненной набок головы *пьяной* птицы и чисто дьявольское выражение светилось в лукавом глазе, оглядывающем нас

---

[81] Сипайское восстание – восстание индийских солдат (сипаев) против жестокой колониальной политики англичан в 1857–1859 гг.

[82] Bunder boat.

[83] Фарварди́н – первый месяц иранского календаря. Этот месяц посвящен фрава́ши (*пехл.* fravahr – «предвыбор»), в зороастризме благому духу, включающему в себя всё, что было и что будет, и присущему каждой живой частице мироздания. Фраваши людей были созданы Ахура-Маздой до воплощения творения в материальную форму, они продолжают существовать и после смерти человека. Фраваши – души праведных, множество светлых гениев, это воинство Ахура-Мазды. Почитание фраваши людей близко к культу предков.

[84] Toddy.

[85] Wallah, -walla, -wala, -vala – суффикс в ряде индоарийских языков, указывающий на человека, участвующего в какой-либо деятельности.

[86] 46 м.

снизу вверх…

II

Мы занимали три маленьких *бёнглоу*, утопающих, как гнезда, в зелени сада, с крышами, буквально покрытыми розами, растущими на трехсаженных[87] кустах, и с окнами, затянутыми кисеей вместо обычных рам и стекол. Эти бёнглоу находились в туземном квартале. Таким образом, мы были разом перенесены в настоящую Индию: мы жили в Индии, и отнюдь не как англичане, лишь издали *окруженные* Индией; мы могли изучать ее нравы, обычаи, религию, суеверия и обряды, знакомиться с ее преданиями, словом, жить в одном кругу с индусами, в кругу заколдованном и недоступном англичанам как вследствие вековых предрассудков туземцев, так и по собственному высокомерию англо-саксонской расы.

Все в Индии, в стране слона и ядовитой кобры, тигра и неудачного английского миссионера, все своеобразно, странно, все кидается в глаза чем-то непривычным и неожиданным, даже и для того, кто побывал в Турции, Египте, Дамаске и Палестине. В этих тропических странах условия природы до того разнообразны, что делается понятным, почему все формы бытия в животном и растительном царствах должны разниться от тех же форм, к которым мы так привыкли в Европе. Взгляните: вот идут женщины к колодцу через частный, но всем открытый сад, где пасутся чьи-то коровы. Кому не случалось встречать женщин, видеть коров и любоваться садом? Кажется, вещи самые обычные, но сто́ит лишь вглядеться в них внимательнее, чтобы тотчас же сообразить всю громадную разницу между этими самыми предметами в Европе и Индии. Нигде человек не чувствует так своего ничтожества, своей слабости, как пред этою величественною природой тропиков. Прямые, как стрелы, стволы кокосовых пальм достигают иногда 200 футов[88] вышины; эти «принцы растительного царства», как назвал их Линдлей[89], увенчанные короной длинных ветвей, – кормильцы и благодетели бедного народа: пальмы доставляют ему и пищу, и одежду, и кров. Самые высокие наши деревья показались бы карликами пред баньяном и особенно пред кокосовыми и другими пальмами. Наша европейская корова, приняв индусскую свою сестру сперва за теленка, тотчас же отказалась бы от родства с нею, так как ни мышиный цвет шерсти, ни прямые, как у козла, рога, ни большой на спине ее горб (напоминающий американского бизона, но без его гривы) не дозволил бы ей впасть в подобную ошибку. Что же касается женщин, то хотя каждая из них способна привести любого художника в восторг своими движениями, костюмом, грацией, тем не менее от нашей румяной и дебелой какой-нибудь Анны Ивановны ни одна из красавиц Индостана не дождалась бы ни ласки, ни привета: «Ведь экая срамота, прости Господи, глядишь: баба-то совсем голая!» Мнение нашей русской женщины 1879 года вполне согласовалось бы на этот счет с таковым же мнением знаменитого русского странника XV столетия, «грешного раба Божия Афанасия, сына Никитина, из Твери»[90]. Совершив «грешное странствование» свое по трем морям: морю Дербентскому, сиречь «дорьи[91] Хвалиской», морю Индии, «дорьи Иондустанской», морю Черному, или «дорьи Стембольской» (Стамбул)[92], Афанасий Никитин прибыл в Чаул[93] (или, как он называет его, *Чевиль*) в 1470 году и описывает Индию в следующих словах: «Сия есть земля индейская. Люди в ней ходят голые, с непокрытыми головами и голыми грудями, с волосами, заплетенными в одну косу. Жены здесь рожают детей

---

[87] 6,4 м.

Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,13 м.

[88] 61 м.

[89] Это слова шведского естествоиспытателя Карла Линнея (1707–1778).

Джон Линдли (Lindley, 1799–1865) – английский ботаник и садовод.

[90] Афанасий Никитин (?–1475) – русский путешественник, тверской купец, автор путевых записей, известных под названием «Хожение за три моря».

[91] Дарья (*перс.*) – море.

[92] «Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море – Дербентское, дарья Хвалисская, второе море – Индийское, дарья Гундустанская, третье море – Черное, дарья Стамбульская» («Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 445).

[93] В 30 милях от Бомбея. Чаул был при португальцах цветущим и богатым городом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Чаул (*порт.* Chaul) – город-порт Гуджаратского султаната, затем – Португальской Индии. Ныне лежит в руинах.

каждый год и ребят у них много; мужи и жены черные. Их *князь* носит одну фату на голове, а другую обматывает промеж ног; бояре носят ее на плечах (т.е. брамины, носящие шарф через плечо), а княгини – на плечах и вокруг поясницы, но все босые. Жены прохаживаются простоволосые и с голыми грудями. Мальчики и девочки ходят до семи лет совершенно наги и стыда своего не скрывая…»[94] Все это описание совершенно верно; только относительно их *безкостюмия* Афанасий Никитин не совсем-то прав: описание его может относиться лишь к низшим и беднейшим кастам. Эти действительно прохаживаются в одной «фате», да и *фата*-то эта до того бедна, что часто представляет собою лишь тесемку. Но у женщин она состоит из куска материи иногда до 15 аршин[95] длины; один конец служит короткими шароварами, а другим прикрывается грудь и голова на улице, хотя лица всегда открыты; прическа же напоминает греческий шиньон. Ноги выше колен, руки до плеч и поясница всегда голые. Да и ни одна здесь честная женщина не согласится надеть башмаки; последние составляют принадлежность и отличительную черту только «нечестных» туземок. В Южной Индии, напротив, башмаки дозволены лишь женам и дочерям браминов. Когда не так еще давно жена мадрасского губернатора вздумала под влиянием миссионеров хлопотать в пользу закона, обязующего женщин покрывать грудь, то дело дошло почти до революции: ни одна женщина на это не согласилась, так как верхнее платье здесь носят одни лишь публичные танцовщицы. Проект, к великому горю миссионеров и благородных леди, провалился: правительство скоро поняло все неблагоразумие восстановлять против себя женщин (которые в иных случаях гораздо опаснее своих мужей и братьев) покушением уничтожить обычай, предписанный законом Ману[96] и освященный трехтысячелетнею давностью.

В течение более двух лет до нашего выезда из Америки мы находились в постоянной переписке с одним ученым, известным даже в Европе, брамином, слава которого гремит в настоящее время по всей Индии. Этот брамин, под руководством которого мы приехали изучать древнюю страну ариев, «Веды»[97] и трудный язык ее, пандит Дайананд Сарасвати[98], суами[99]. Он

---

[94] За неимением в руках подлинника с английского перевода графа Виельгорского в *India in the XV century,* by R.H.Major, London, 1859, part III, p. 8 & 9[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: The Travels of Athanasius Nikitin of Twer. Voyage to India // India in the Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India in the Century Preceding the Portuguese Discovery of the Cape of Good Hope, from Latin, Persian, Russian and Italian Sources, now First Translated into English. Edited, with an introduction, by R.H.Major. London, 1857. P. 1, 8–9 (Индия в пятнадцатом веке. Сборник описаний путешествий в Индию за сто лет до открытия мыса Доброй Надежды португальцами из латинских, персидских, русских и итальянских источников, впервые переведенных на английский язык. Под редакцией и с предисловием Р.Г.Меджора. Лондон, 1857. С. 1, 8–9).

Михаил Михайлович Виельгорский-Матюшкин (1822–1855) – дипломат, в 1855 г. во время Крымской войны председатель комиссии для помощи раненым и распределения пожертвований.

Ричард Генри Меджор (1818–1891) – английский географ, библиотекарь Британского музея, писатель.

См.: «И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети родятся каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много – дивятся белому человеку. У тамошнего князя – фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних – фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят – фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят – голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт» («Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 449, 451).

[95] 11 м.

Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,71 м.

[96] «Ману (санскр.). [1] Великий индийский законодатель. Это имя происходит от санскритского корня *ман*, “мыслитель”; на самом деле – человеческий род, но относится к Сваямбхуве, первому из Ману, который возник от Сваямбху, “Самосущего”, поэтому – Логос и прародитель человечества. Ману является первым Законодателем, почти Божественным Существом.

Ману (санскр.). [2] Четырнадцать Ману являются покровителями или стражами расовых циклов в Манвантаре, или Дне Брамы. Изначальных Ману семеро, четырнадцатью они становятся в Пуранах» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 250).

[97] Ве́ды (*санскр.* véda – «знание», «учение») – сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите.

считается величайшим санскритологом современной Индии. Пандит этот составляет для всех непроницаемую загадку: выступив лет пять тому назад на арену реформаторства, он, как древние «гимнософисты» (упоминаемые греческими и римскими писателями)[100], жил до того времени отшельником в «джонгле», а затем под руководством мистиков и анахоретов[101] изучал главные философские системы «Ариаварты»[102] и тайный смысл «Вед». С первых дней своего появления он поразил всех, и его тотчас прозвали Лютером[103] Индии. Странствуя из одного города в другой, сегодня на юге, завтра на севере, переносясь с невероятною быстротой с одного конца страны на другой, он исходил весь полуостров от Коморинского мыса[104] до Гималая[105] и от Калькутты до Бомбея, проповедуя *единство божества* и доказывая с «Ведами» в руках, что в этих древних писаниях нет ни одного слова, могущего быть перетолкованным в смысле политеизма[106]. Гремя против идолопоклонства, великий оратор восстает всеми силами против каст, раннего брака и суеверия. Карая все это зло, привитое к Индии столетиями фальшивой казуистики и лжетолкованием «Вед», он прямо и бесстрашно укоряет в нем браминов, обвиняя их пред массами народа в унижении родины, когда-то великой и независимой, теперь павшей и порабощенной. Но Великобритания имеет в нем не врага, а пожалуй, даже и защитника. Он не только не подстрекает народ к бунту, но, напротив, говорит ему прямо: «Прогоните англичан и завтра и вы, и я, и все мы, восстающие против идолопоклонства браминов и зол мусульманского деспотизма, будем перерезаны, как бараны. Мусульмане сильнее идолопоклонников, но последние сильнее нас…» И, однако же, англичане так мало понимают свою выгоду, что два года тому назад в Пуне, где народ разделился на две партии: реформаторов и идолопоклонников-консерваторов, когда партия

---

[98] Свами Даянанда Сарасвати (Swami Dayanand Saraswati, 1824–1883) – индийский ученый-теолог, реформатор индуизма, основатель движения Ария-самадж.

О Даянанде Сарасвати см., например: *Желиховская В.П.* Новое религиозное движение в Индии // Кавказ, 1878, №273, 3 декабря; *Желиховская В.П.* Религиозные движения последних лет в Индии // Одесский вестник, 1882, №67, 25 марта.

[99] Суами (Swami)[*] называются здесь ученые анахореты, посвященные в таинства своей религии, недоступные остальным смертным; это безбрачные монахи, отличные от «нищенствующей» братии, от так называемых *саньязи*[**] и *госсейнов*[***]. *– Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Сва́ми (*хинди* svāmī – учитель, господин, князь) – отшельник или йогин, получивший посвящение в религиозном монашеском ордене; почетный титул в индуизме.

[**] «Саньяси (санскр.). Индусский аскет, достигший высшего мистического знания, чей ум сосредоточен только на высшей истине, и который полностью отверг все земное и мирское» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 353).

[***] Госсейн (*англ.* gosseyn) – странник или отшельник в Индии.

[100] «Гимнософисты (греч.). Название, данное эллинскими писателями классу нагих, или “воздухом одетых”, нищенствующих монахов; аскеты Индии, обладающие глубочайшими знаниями и наделенные великими мистическими силами. В этих гимнософистах легко узнать индусских араньяков древности, ученых йогов и аскетов-философов, которые удалялись в джунгли и леса, чтобы там посредством строгого аскетизма достичь сверхчеловеческого знания и опыта» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 125).

[101] Между индусами укоренилось древнее поверье, что на Бадринаттских высотах (22000 футов[*] над уровнем моря) существуют пространные подземные жилища, обитаемые этими анахоретами уже несколько тысяч лет. *Бадринатт* (в Северном Индостане на правом берегу реки Бишегунги[**])[***] знаменит своим храмом Вишну, построенным в самом центре города; внутри храма бьют несколько горячих минеральных источников. Около 50000 пилигримов ежегодно посещают это место: воды источника очищают их от грехов. *– Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] 6700 м.

[**] Bishanganga.

[***] Бадринатх (*англ.* Badrinath) – священный индуистский город, по преданию именно здесь были записаны Веды и сложены многие Пураны.

[102] Арьяварта (*санскр.* Āryāvarta обитель ариев) – название Северной Индии в классической санскритской литературе.

[103] Мартин Лютер (1483–1546) – христианский богослов, инициатор Реформации, его именем названо одно из направлений протестантизма.

[104] Коморин – мыс, южная конечность полуострова Индостан.

[105] Гималаев (*англ.* Himalaya).

[106] Политеизм – система верований, религиозное мировоззрение, основанное на вере в нескольких божеств, обычно собранных в пантеон из богов и богинь. Политеизм является религиозной системой и типом теизма, в рамках которого, политеизм противостоит монотеизму – вере в единого Бога, и атеизму – отрицающему существование единого Бога и любых других богов.

первых развозила своего проповедника с торжеством и ликованиями на слоне, а другая бросала в него камнями и грязью, то вместо того, чтобы защищать Дайананда, она выслала его из города, запретив ему впредь являться туда.

Много горячих диспутов держал пандит с браминами, этими коварными врагами народа, и всегда выходил победителем. В Бенаресе к нему подослали убийц, но преступление не удалось. В одном местечке Бенгалии, где он особенно резко нападал на фетишизм, какой-то фанатик ловко бросил ему на голые ноги огромную змею кобру ди капеллу[107], укушение которой причиняет в три минуты смерть и от которого медицина до сих пор не знает спасения. «Да решит наш спор сам бог *Васуки*[108]!» – воскликнул поклонник Шивы, уверенный, что его воспитанная и дрессированная для таинств пагоды змея тут же покончит с оскорбителем ее святыни. «Да, – спокойно ответил Дайананд, стряхнув сильным движением ноги обвившуюся вокруг нее кобру, – только твой бог слишком медлил; спор решаю я…» И быстрым, могучим движением пятки раздавил голову змеи. «Идите, – добавил он, обращаясь к народу, – и поведайте всем, как легко погибают фальшивые боги!»

Благодаря превосходному знанию санскритского языка, пандит оказывает великую заслугу как народу, рассеивая его невежество насчет монотеизма «Вед», так и науке, указывая, что̀ такое именно брамины, единственная каста в Индии, имевшая в продолжение столетий право изучать санскритскую литературу и толковать «Веды» и воспользовавшаяся этим правом лишь для собственного интереса. Задолго еще до появления таких ученых ориенталистов, как Бюрнуф[109],

---

[107] cobra de capelo (*португ.* кобра с капюшоном).

[108] «Васуки»[*] – змея, обвивающая на идолах шею бога Шивы и обоготворенная мифологией браминов так же, как и змей «Ананда»[**], на котором изображен лежа бог Вишну. В конце июля, когда совершается празднество *нагов*[***], или змий, на всех площадях и улицах приготовлены сосуды с молоком, и змеи сотнями приносятся профессиональными «заклинателями» во все города и деревни. В этот день Индия откармливает своих пресмыкающихся «богов», а европейцы боятся выйти из дома. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Васуки – в индуистской космологии мифическая громадная змея из повествования о пахтании богами мирового океана; царь среди нагов (в китайской версии – один из восьми великих нагов), полубожественных существ, изображаемых в форме змеи или человека с туловищем змеи.

[**] Ше́ша или Ананташеша (*санскр.* Ananta Śeṣa – «бесконечный Шеша») – одна из форм Бога в индуизме и ведизме, тысячеголовый змей, царь всех нагов. Шеша выступает олицетворением вечного времени. Согласно «Бхагавата-пуране», Шеша – это аватара Вишну, также известная по имени Санкаршана. В Пуранах описывается, что Шеша поддерживает на колпаках своих голов все планеты Вселенной и постоянно занят воспеванием славы и имен Вишну своими бесчисленными устами.

[***] «Наг (санскр.). Буквально “Змий”. В индийском пантеоне название Духов-Змиев или Духов-Драконов, а также обитателей Паталы, ада. Но так как Патала означает страну *противоположного полушария* и было названием, данным древними Америке, которые знали и посещали этот континент до того, как Европа что-либо о нем услышала, то термин этот, по-видимому, родствен мексиканскому *Нагвалю*, (теперь) колдун и знахарь. Наги – это бирманские *Наты*, Боги-Змии или “Драконы-Демоны”. Но в эзотеризме, как уже говорилось, это – прозвище, даваемое “мудрецам” или адептам. В Китае и Тибете “Драконы” рассматриваются как Божества-Покровители мира, а также различных мест на земле, и слово это объясняется как означающее адептов, йогов и нарджолов. Этот термин просто указывает на их огромные знания и мудрость. Это также подтверждается в древних сутрах и жизнеописаниях Будды. Всегда Наг – это мудрец, одаренный исключительными магическими силами, в Южной и Центральной Америке, Индии, Халдее, также как и в древнем Египте. В Китае “поклонение” Нагам было широко распространено и стало еще более выраженным с тех пор, как Нагарджуна (буквально, “Великий Наг”, “Великий Адепт”), четырнадцатый буддийский патриарх, посетил Китай. Китайцы считают Нагов “Духами или Богами-Хранителями пяти сфер или четырех сторон света и центра, Хранителями пяти озер и четырех океанов” (Эйтель)[*]. Прослеженное до первоисточника и переведенное эзотерически, это означает, что пять континентов с их пятью коренными расами всегда находились под защитой “Земных Божеств”, то есть Мудрых Адептов. Предания, что Наги омыли Гаутаму Будду при рождении, оберегали его и охраняли останки его тела, когда он умер, опять-таки указывают, что Наги суть просто мудрецы, архаты, и никакие не чудовища или драконы. Это также подтверждается бесчисленными рассказами об обращении Нагов в буддизм. Наг лесного озера близ Раджагрихи и многие другие “драконы” были таким образом обращены Буддой к Благому Закону» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 271–272).

[*] См.: *Eitel E.J.* Hand-book for the Student of Chinese Buddhism. London, 1870. P. 78 (*Эйтель Э.И.* Пособие для изучающих китайский буддизм. Лондон, 1870. С. 78).

Эрнст Иоганн Эйтель (1838–1908) – немецкий протестант, миссионер в Китае и государственный служащий в Британском Гонконге.

[109] Эжен Бюрнуф (1801–1852) – французский востоковед, внесший значительный вклад в расшифровку древнеперсидской клинописи, крупнейший исследователь буддизма.

Кольбрук и Макс Мюллер[110], было немало туземных реформаторов, старавшихся доказать чистый монотеизм учения «Вед». Являлись и основатели новых религий, отрицавшие откровение этих писаний, как, например, раджа Рамохун Рой[111], а за ним бабу́[112] Кешуб Чендер-сен[113], оба калькуттские бенгальцы[114]. Но ни те, ни другие не имели положительного успеха, они только к бесчисленному множеству других сект Индии прибавили новые. Рамохун Рой умер в Англии, не успев ничего сделать, а преемник его, Кешуб Чендер-Сен, установив «церковь Брамо-самадж[115]», в которой исповедуется религия, извлеченная из глубины собственного воображения бабу́, бросился в самый отвлеченный мистицизм и теперь оказывается «одного поля ягода» со спиритами, которые его считают за медиума и провозглашают калькуттским Сведенборгом[116].

Таким образом, все попытки возобновить чистый первобытный монотеизм арийской Индии оставались до сей поры более или менее тщетными. Они разбивались, как волны, о неприступную скалу браманизма и веками вкоренившихся предрассудков. Но вот нежданно-негаданно является пандит Дайананд. Никто, даже из самых приближенных к нему учеников, не знает: кто он и откуда он. И сам он откровенно сознается пред народом, что даже имя, под которым они его знают, ему не принадлежит, а дано ему при посвящении его в *йоги*[117]. Знают одно: такого ученого

---

[110] Фридрих Максимилиан Мюллер (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

[111] Рам Мохан Рой (Раммохон Рой, Rammohun Roy, 1772–1833) – основатель Брахмо-самаджа, одного из первых социально-религиозных реформаторских движений в Индии; оставил заметный след также в области политики, административного права, образования и религии.

[112] Бабу́ – индийский титул, равносильный титулу князя.

[113] Кешуб Чендер-Сен (1838–1884) – индийский религиозный реформатор, член Брахмо-самаджа, после раскола последней – лидер вновь возникшего движения за реформу индуизма «Индийский Брахмо-самадж».

[114] В настоящее время этот последний совершенно сошел с ума, сделался каким-то пляшущим дервишем и, сидя в грязном бассейне, прославляет Чайтанию*, Коран и Будду, а себя называет пророком; пляшет мистический танец со своими последователями, переодетый в женское платье во имя «бога-женщины», называя этого бога «матерью, отцом и старшим братом»! – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

* Чайтанья Махапрабху (*бенг.* Caitanya Mahāprabhu, 1486–1533(1534)) – основоположник гаудия-вайшнавской традиции индуизма.

[115] Брахмо-самадж (*англ.* Brahmo Samaj).

[116] Эммануил Сведенборг (1688–1772) – шведский философ, теософ, ученый-естествоиспытатель, изобретатель, визионер.

[117] *Патанджали**, основатель одной из шести главных философских систем древней Индии, учредил мистическую школу под названием «школа *йогов*». Думают, что и неоплатоники Александрийской второй и третьей школы были последователями индийских *йогов*, особенно их теургии**, вывезенной, по преданию, из Индии Пифагором***. Есть еще и в настоящее время сотни йогов в Индии, усердно следующих системе Патанджали и – коли верить им – имеющих общение с *Брамой*. Однако бóльшая часть их тунеядцы, и хотя «нищие» по призванию, но плуты вследствие ненасытной жажды индусов к чудесному. *Настоящие* же *йоги* не являются публично, но живут в полном уединении и проводят всю жизнь в учении, кроме особых случаев необходимости, какому покорился Дайананд, явившийся «спасать свою страну». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Патанджали (II в. до н.э) – основатель йоги, философско-религиозной школы в Индии.

** В тексте: феургии.

Теурги́я – *др.-греч.* θεουργία, из θεός, бог, божество + ὄργια, обряд, священнодействие, жертвоприношение.

«Теургия (греч.). Общение с планетарными духами и ангелами – “Богами Света”, и средство привлечения их на землю. Лишь знание внутреннего смысла их иерархий и чистота жизни могут привести к приобретению сил, необходимых для общения с ними. Чтобы достичь этой возвышенной цели, стремящийся должен быть абсолютно достойным и бескорыстным (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 396).

*** Пифагор Самосский (570–490 до н.э.) – древнегреческий философ и математик, создатель философской школы пифагорейцев.

«Пифагор (греч.). Самый знаменитый из философов-мистиков, родился на о. Самос около 586 г. до н.э. По всей видимости, он объездил весь свет и собрал свою философию из различных систем, к которым имел доступ. Так, он изучал эзотерические науки у браминов Индии, астрономию и астрологию в Халдее и Египте. В Индии он и по сей день известен под именем Яваначарьи (“Ионийского учителя”). По возвращении он поселился в Кротоне, в Южной Италии, где основал школу, к которой очень скоро примкнули все лучшие умы цивилизованных центров. Его отцом был некий Мнесарх Самосский, человек благородного происхождения и образования. Именно Пифагор первым учил гелиоцентрической системе и был величайшим знатоком геометрии своего века. Также именно он образовал слово “философ”, составленное из двух слов, означающих “любящий мудрость” – *фило-софос*. Как величайший математик, геометр и астроном исторической древности, а также глубочайший из метафизиков и ученых, Пифагор завоевал

санскритолога, глубокого метафизика, удивительного оратора и бесстрашного карателя всякого зла Индия не видала со времен Шанкарачарии[118], знаменитого основателя философии *Веданты*[119], самой метафизической из всех систем Индии, венца пантеистического учения. К тому же наружность Дайананда поразительная: громадный рост, бледная (скорее европейская, нежели индийская) смуглость лица, большие черные искрометные глаза и длинные черные с проседью волосы[120]. Голос у него чистый, звучный, способный передавать оттенки всякого внутреннего чувства, переходящий от нежного, почти женского шепота, увещания, до громоподобных раскатов гнева против злоупотреблений и лжи презренного жречества. Все это взятое вместе неотразимо влияет на нервного, мечтательного индуса. Всюду, где бы ни появился суами Дайананд, толпы падают пред ним ниц и простираются в прахе ног его. Но он не проповедует им, как, например, бабу́ Кешуб Чендер-сен, новой религии, не учит их новым догматам; он только просит их обратиться к санскритскому, почти забытому языку, и, сравнив учение праотцов их арийской Индии с учениями Индии браминов, вернуться к чистым воззрениям на божество первобытных риши (Risis)[121]: Агни[122], Вайю[123], Адитьи[124] и Ангѝры[125].[126] Он даже не учит, как другие, что «Веды» были-де получены откровением свыше; он учит, что «всякое слово в “Ведах” принадлежит к высшему разряду божественного вдохновения, *возможного* человеку на этой земле, – вдохновению, повторяющемуся в истории всего человечества, в случае надобности и между другими народами».

В эти последние пять лет у суами Дайананда насчитывают около двух миллионов новообращенных, большею частью из высших каст. Последние, по-видимому, готовы положить за

неувядающую славу. Он учил перевоплощению, как оно исповедуется в Индии, и многому другому из Тайной Мудрости» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 314).

[118] Шанкарачарья (788–820) – индийский мыслитель, ведущий представитель Веданты, религиозный реформатор; на основе Упанишад создал последовательную монистическую систему – адвайта-веданту.

[119] «Веданта (санскр.). Мистическая философская система, которая выросла из усилий многих поколений мудрецов истолковать сокровенный смысл Упанишад. В шад-даршанах (шесть школ или систем доказательств) она называется уттара-мимансой и приписывается Вьясе, составителю Вед, который, таким образом, считается основателем Веданты. Ортодоксальные индусы называют Веданту – этот термин буквально означает “завершение всего (ведийского) знания” – Брахмаджняной, или чистым и духовным знанием Брамы. Если даже мы примем последние датировки, даваемые различным санскритским школам и трактатам нашими востоковедами, то Веданте должно быть 3300 лет, так как Вьяса, как утверждается, жил за 1400 лет до Р.Х. Если же, как Эльфинстон говорит в своей “Истории Индии”[*], брахманы[**] суть Талмуд[***] индусов, а Веды – Моисеевы книги, то Веданту можно правильно назвать Каббалой Индии. Но сколь неизмеримо более величественной! Шанкарачарью, который был популяризатором системы Веданта и основателем философии адвайта, иногда называют основателем современных школ Веданты» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 104–105).

[*] См.: *Elphinstone M.* The History of India. London, 1866. P. 280.

Маунтстюарт Эльфинстон (1779–1859) – британский государственный деятель, дипломат, губернатор Бомбея (1819–1827), историк.

[**] Брахманы (*санскр.* Brāhmaṇa) – священные писания индуизма, часть литературы шрути, представляют собой комментарии к Ведам, объясняющие ведийские ритуалы. Шрути (*санскр.* śruti «услышанное») – канон священных текстов индуизма, изначальные богооткровенные ведийские тексты.

[***] Талму́д (*ивр.* תַּלְמוּד – учение) – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма.

[120] Йоги и дикшаты («посвященные»)[*] носят волосы длинные, не обрезая ни бороды, ни усов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Dīkṣita (*санскр.*).

Дикша (*санскр.* dīkṣā) – обряд посвящения в ученики в индуизме.

[121] Саптари́ши, Саптарши (*санскр.* saptarṣi «семь мудрецов») – индийское название семи мифических мудрецов, так называемых риши (ṛṣi, Rishi).

[122] Агни́ (*санскр.* огонь) – индийский бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. Главный из земных богов, основной функцией которого является посредничество между ними и людьми.

[123] Ваю́ (*санскр.* ветер, воздух) – индуистский бог воздушного пространства и ветра.

[124] Ади́тьи или Суры – в индуизме группа божеств, сыновья Адити (= «бесконечность») и мудреца Кашьяпы. Как низшие божества, обитают на небе и находятся в связи с солнцем, Сурьей. Уничтожают могущество демонов Асуров, детей Кашьяпы и его другой жены, Дити (= «гибель», «конечность»), после многочисленных и жестоких битв с ними.

[125] Ангирас – ведийский мудрец, который наряду с Атхарваном считается составителем «Атхарваведы».

[126] По преданию, четыре книги «Вед» были переданы людям этими четырьмя патриархами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

него все до одного и жизнь, и душу, и даже самое состояние, что̀ для индуса часто бывает драгоценнее самой души. Но Дайананд, как истый *йог*, до денег не дотрагивается, денежные дела презирает и остается довольным несколькими горстями риса в день. Словно заколдована жизнь этого удивительного индуса, так беспечно играет он самыми худшими человеческими страстями, возбуждая во врагах своих самый бешеный и столь опасный в Индии гнев. Мраморное изваяние не оставалось бы спокойнее Дайананда в минуты самой ужасной опасности. Мы один раз видели его на деле: отослав всех приверженцев своих и запретив им следовать за ним либо заступаться за него, он остановился один пред разъяренною толпой и спокойно смотрел в глаза чудовищу, готовому прыгнуть и разорвать его на куски… Два года тому назад он начал переводить с собственными, совершенно новыми комментариями «Веды» с санскритского на язык *хинди* – самый распространенный здесь диалект. Его *Веда-Башия*[127] служит неисчерпаемым источником учености самого Макса Мюллера, в переводах немецкого санскритолога, который постоянно переписывается и советуется с Дайанандом. Ему также многим обязано другое светило по части ориентализма – Монье-Уильямс[128], профессор в Оксфорде, который, побывав в Индии, лично познакомился с пандитом Дайанандом и его учениками[129].

Но здесь необходимо небольшое отступление.

Лет пять тому назад в Нью-Йорке образовалось общество образованных, энергических, решительных людей. Один остроумный ученый прозвал этих людей «членами Общества des Malcontents du Spiritisme[130]». Основатели этого клуба были люди, верившие в феномены *спиритуализма*, как и в возможность всяких других феноменов в природе, но вместе с тем отвергавшие теорию «о духах»[131]. Люди эти взирали на современную психологию как на науку, стоящую еще на самой первоначальной ступени развития, находящуюся в совершенном неведении относительно «духовного человека» и притом отвергающую в лице многих своих представителей все то, чего она сама не может разом объяснить по-своему.

С первых же дней основания этого Общества (Теософического) к нему примкнули многие из самых ученых людей Америки. Члены эти разнились в своих понятиях и взглядах не менее членов любого географического или археологического общества, столько лет ссорившихся, например, из-за истоков Нила или египетских иероглифов. Но как в отношении к устьям и иероглифам все единодушно соглашались, что раз как существуют воды Нила и пирамиды, то где-нибудь да находятся и эти истоки и ключ к иероглифам; так точно и в отношении к феноменам *спиритизма* и

---

[127] Издается и выходит ежемесячно в Бомбее[*]; подписная плата идет на устройство школ и библиотек для *Ариа-самаджа* Бомбея. *Ариа-самадж* – буквально «общество» или, скорее, «братство ариев». Этих школ и библиотек учреждено теперь пандитом Дайанандом более 60 во всей Индии. Все они содержатся на собственные средства; санскритский язык в них обязателен. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Веда-Бхашья. Бхашья – комментарий к тексту.

[128] Монье Монье-Вильямс (Monier Monier-Williams, 1819–1899) – британский индолог и санскритолог, профессор санскрита Оксфордского университета, автор одного из наиболее популярных и широко используемых санскритско-английских словарей.

[129] В продолжение двухлетнего своего пребывания в Индии Уильямс усиленно искал себе помощника для переводов с санскритского. Ему, наконец, удалось привлечь лучшего из учеников Дайананда, молодого пандита Шамджи Кришнаварму[*]. Юный индус недавно уже отправился в Оксфорд пожинать лавры для ученого английского санскритолога. В настоящее время он сделался оксфордскою знаменитостью. В два года изучил превосходно латинский и греческий языки и сдал блистательно трудный экзамен, оставив далеко позади себя всех юных лордов. О нем говорят постоянно английские журналы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» последние три предложения в этом примечании отсутствуют.

[*] Шьямджи Кришнаварма (1857–1930) – индийский ученый, революционер, юрист, публицист.

[130] недовольных спиритизмом (*фр.*).

[131] «Спиритуализм. В философии – состояние или положение ума, противоположное материализму или *материалистической концепции* сущего. Теософия, доктрина, учащая, что сущее оживлено или наполнено Всемирной Душой или Духом и что ни один атом в нашей Вселенной не может пребывать вне этого вездесущего Принципа, есть *чистый* спиритуализм. Что касается верования, которое бытует под этим названием, а именно, веры в постоянное общение живых с мертвыми, либо посредством собственных медиумистических способностей, либо через так называемого медиума – это не что иное, как материализация духа и деградация человеческой и божественной душ. Верующие в подобные сношения просто бесчестят умерших и постоянно кощунствуют. В древности это справедливо называлось “некромантией”. Но наши современные спиритуалисты обижаются, когда им говорят эту простую истину» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 375).

магнетизма. Феномены ждали лишь своего Шамполиона, а Розеттский камень[132] следовало искать не в Америке или Европе, а в странах, где еще верят в магию, где местным жречеством производятся «чудеса» (в которые общество не верило) и куда еще не проникал холодный материализм науки, словом – на Востоке. «Ламо-буддисты, – рассуждал совет Общества, – не верят ни в Бога, ни в личную индивидуальность человеческой души, но они славятся своими феноменами, а "месмеризм"[133] известен и практикуется в Китае под названием *йина* и *яйна*[134] уже много тысяч лет. В Индии боятся и ненавидят столь уважаемых спиритами духов, но их простые, невежественные факиры производят "чудеса", ставящие в тупик самых ученых исследователей и приводящие в отчаяние известнейших в Европе фокусников». Многие из членов Теософического Общества бывали в Индии, многие родились там и самолично неоднократно присутствовали при «колдовствах» ее браминов. Основатели этого клуба, глядя на современное невежество относительно духовной стороны человека, рассуждали, что должен же когда-нибудь метод сравнительной анатомии Кювье[135] быть допущенным и в метафизике и перейти из области *физической* в область *психологической* науки и на таких же дедуктивных и индуктивных началах, как и в первом случае, иначе психиатрия не сделает ни одного шага вперед и запрудит даже и другие науки естествознания. Мы уже видим, как физиология[136] мало-помалу захватывает не принадлежащие ей права охотиться во владениях чисто метафизических, абстрактных знаний, притом делая все время вид будто бы и знать ничего не хочет о последних, и, втеснив их в неподдающееся ее стараниям прокрустово ложе естествоведения, старается подвести психологию под итог *точных* наук.

В скором времени Теософическое Общество стало считать своих членов не сотнями, а тысячами. Все «malcontents» спиритуализма в Америке (а там считается спиритуалистов 12 миллионов) присоединились к помянутому Обществу. Между тем, установились

---

[132] Жан-Франсуа Шампольон (Champollion, 1790–1832) – французский историк-ориенталист и лингвист, основатель египтологии. Благодаря проведенной им расшифровке текста Розетского камня стало возможным чтение египетских иероглифов и дальнейшее развитие египтологии как науки.

Розеттский камень – плита, найденная в 1799 г. в Египте возле небольшого города Розетта (теперь Рашид), недалеко от Александрии, с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя на древнеегипетском языке – начертанными древнеегипетским иероглифами и египетским демотическим письмом. Древнегреческий был хорошо известен лингвистам, и сопоставление трех текстов послужило отправной точкой для расшифровки египетских иероглифов.

[133] «Месмер Фридрих Антон. Знаменитый целитель, который вновь открыл и практически применил тот магнетический флюид в человеке, который называли животным магнетизмом, а с того времени – месмеризмом. Он родился в Швабене в 1734 г. и умер в 1815. Он был посвященным членом Братств *Fratres Lucis*[*] и Лукшура (или Луксора), египетского ответвления последнего. Именно совет "Луксора" избрал его – согласно указам "Великого Братства" – для действия в XVIII столетии в качестве их очередного первопроходца, посылаемого в последней четверти каждого столетия для просвещения небольшой части западных народов в оккультном знании. Именно Сен-Жермен[**] наблюдал за развитием событий в этом случае, а позднее Калиостро[***] был послан для содействия, но после совершения ряда ошибок, более или менее роковых, он был *отозван*. Из этих трех людей, которые сперва считались шарлатанами, Месмер уже реабилитирован. Оправдание двух других последует в следующем столетии. Месмер основал в 1783 г. "Орден Всемирной Гармонии", в котором, как полагают, учили лишь животному магнетизму[****], но на самом деле в нем разъясняли учение Гиппократа, методы древних Асклепиев, храмов целения, и многие другие оккультные науки» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 260–261).

[*] Братьев Света (*лат.*).

[**] «…Граф Сен-Жермен [XVIII век] безусловно был величайшим Восточным Адептом, какого Европа видела за последние столетия» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 363). См.: *Шапошникова Л.В.* Посланец Обители Учителей // *Шапошникова Л.В.* Вестники Космической эволюции. Т. I. М., 2012. С. 132–154.

[***] Алессандро Калиостро, граф Калиостро (1743–1795) – итальянский алхимик.

[****] «Животный магнетизм есть флюид, эманация. Некоторые люди могут выделять его в целях врачевания через свои глаза и кончики пальцев, тогда как все остальные существа – люди, животные и даже каждый неодушевленный предмет – выделяют его, сознательно или бессознательно, как ауру или изменчивое сияние. При воздействии через контакт с больным или посредством воли человека-оператора его называют *месмеризмом*» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 242).

[134] Инь, янь (*англ.* yin, yang).

[135] Жорж Леопольд Кювье (1769–1832) – французский естествоиспытатель, натуралист, считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии.

[136] В «Московских ведомостях» далее: старшее чадо сравнительной анатомии.

коллатеральные[137] ветви его в Лондоне, Корфу, Австралии, Испании, Кубе, Калифорнии и проч.[138] Производились эксперименты и все более приходили к убеждению, что *не одни же «духи» производят феномены*.

Наконец, основалась ветвь Теософического Общества и в самой Индии, и на Цейлоне[139]. В числе членов Общества постепенно стало оказываться больше буддистов и браманистов, нежели европейцев. Составился союз, и к имени Общества было добавлено название «Brotherhood of Humanity» («Братство человечества»). Вступив в действительную переписку с вождями религиозных и реформаторских партий *Ариа-самаджа* (то есть Общества арийцев), основанной суами Дайанандом, все слились с Теософическим Обществом. Затем главный совет Нью-Йоркского Общества решил отправить в Индию делегацию с целью изучения на месте, под руководством санскритологов, древнего языка «Вед», рукописи и «чудес» *йогизма*. Для этого избраны президент Нью-Йоркского Общества, два секретаря и два советника. И вот 17 декабря 1878 года «миссия» отплыла из Нью-Йорка в Лондон и затем в Бомбей, куда и прибыла в феврале 1879 года.

Понятно, что при таких благоприятных обстоятельствах члены помянутой миссии в состоянии изучать страну и производить исследования тщательнее, нежели кто-либо другой, не принадлежащий к Обществу. На них взирают как на «братьев» и им помогают самые влиятельные туземцы Индии. Они имеют членов между пандитами Бенареса и Калькутты, между первосвященниками буддистских *вихар* Цейлона (ученый Сумангала[140], между прочим, глава пагоды на Adam's Peak, о котором упоминает г. Минаев[141] в своем путешествии[142]), среди лам Тибета, в Бурме, Траванкоре и т.д. Членов миссии допускают в святилища, где еще не была нога европейца; поэтому они смело могут надеяться, что, несмотря на неохоту представителей *точных* наук и их недоброжелательство к ним, верующим они будут в состоянии оказать более одной услуги миру и науке.

Тотчас по приезде в Бомбей мы намеревались ехать лично знакомиться с Дайанандом и поэтому немедля отправили к нему телеграмму. В ответ он нас известил, что ему необходимо ехать в Хардвар (Hurdwar)[143], куда стекалось в этот год несколько сот тысяч пилигримов. Он просил нас вместе с тем не приезжать в Хардвар, так как там непременно должна появиться

---

[137] побочные (*англ*. collateral).

[138] В теософических обществах Лондона насчитывают не менее семи членов Королевского общества меж сотней других известных в области науки и литературы людей. К F.R.S. (Fellow Royal Society)[*] прибавляют F.T.S. (Fellow Theosophical Society)[**]. Сын одного известного члена парламента – президент Лондонского Общества[***], а президент «Eclectic Theosophical Society»[****] Симлы бывший министр (Secretary for India) А.О.Юм[*****]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» выражение «а президент… А.О.Юм» отсутствует.

[*] член Королевского общества (*англ.*).

[**] член Теософского общества (*англ.*).

[***] Чарльз Мэсси (1838–1905) – английский адвокат, сын члена британского парламента от либеральной партии Уильяма Мэсси (1809–1881), один из основателей Теософского общества, один из основателей и первый президент Лондонской ложи Теософского общества (1878–1880, 1882–1883), один из основателей Лондонского общества психических исследований.

[****] «Эклектического Теософского общества» (*англ.*).

[*****] Аллан Октавиан Хьюм (Hume, 1829–1912) – британский государственный и политический деятель в Индии, орнитолог, президент «Эклектического Теософского общества Симлы» (1881–1882).

[139] Теперь, в 1882 году, в Индии было 36, а в Цейлоне 8 Теософических Обществ, основанных нашим Американским Обществом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

[140] Хиккадуве Шри Сумангала Тхера (1827–1911) – цейлонский буддийский монах и ученый, настоятель буддийского храма Адамов пик, основатель и президент Видьодая колледжа в Коломбо, вице-президент Теософского общества, публиковался в журнале «The Theosophist».

[141] Иван Павлович Минаев (1840–1890) – востоковед, буддолог, основатель русской индологической школы, профессор Петербургского университета (1873). Совершил три путешествия (1874–1875, 1880, 1885–1886), во время которых посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал.

[142] См.: *Минаев И.П.* Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Часть первая. СПб., 1878. С. 46–47.

[143] Харидвар, Хардвар (*англ.* Haridwar).

холера, и назначил нам чрез месяц местом свидания местечко у подножия Гималай, в Пенджабе[144]. Таким образом, нам оставалось довольно времени осмотреть все достопримечательности Бомбея и окрестностей.

Решив наскоро осмотреть первый, мы согласились ехать потом, не теряя времени, в Деккан[145] на большой храмовый праздник в *Карли*[146], старинный пещерный храм буддистов – по уверению одних, браминов – как доказывают другие. Затем, посетив Танну[147] на острове Сальсетта и храм Каннари, мы намерены были отправиться в столь прославленный Афанасием Никитиным Чаул.

А пока поднимемся на вершины Малабарского холма к «Башне Молчания», последнему жилищу каждого из сынов Зороастра.

«Башня Молчания»[148], как сказано, кладбище парсов. Тут богатый и убогий, *набаб*[149] и *кули*, мужчины, женщины и дети – все кладутся рядом, и от каждого из них *через несколько минут* остаются лишь одни скелеты… Странное, тяжелое впечатление производят на иностранца эти «башни», где, действительно, целые века царствует гробовое молчание. Подобные строения рассеяны повсюду, где только живут и умирают парсы, особенно в Сурате. Но в Бомбее из шести таких башен самая большая выстроена 250 лет тому назад, а следующая за ней по величине даже очень недавно. Это круглые, иногда и четырехугольные строения без крыш, без окон, без дверей, от 20 до 40 футов[150] вышины и с одним лишь закрытым кустами отверстием на восток, состоящим из толстой железной дверцы. Первый труп, принесенный в новую *дакхму*[151] (так называются эти башни), должен быть трупом невинного ребенка и непременно дитяти «мобеда» (жреца). К этим башням, построенным в стороне, на холме и среди уединенного сада, никому не дозволяется подходить, даже главному смотрителю и сторожам, ближе как на тридцать шагов расстояния. Одни *нассесалары*[152] (носильщики трупов)[153], ремесло коих наследственное и которым закон

---

[144] Увы! Это было написано в 1879 году, а с тех пор много воды утекло. Суами Дайананд изменился – и из союзника и друга превратился в заклятого врага Теософического Общества и его двух основателей – полковника Олкотта и автора этих писем. Дело в том, что, входя в «наступательный и оборонительный» союз с Теософическим Обществом, суами питал надежду, что *все* члены – христиане, брамины и буддисты – признают его своим верховным вождем и учителем и перейдут в «арианизм». Само собою разумеется, последнее оказалось невозможным. Теософическое Общество основано на строжайших правилах *невмешательства* в религиозные верования его членов. Веротерпимость доведена в нем до последних пределов, так как Общество это преследует чисто философские цели, проповедуя *братство* всего человечества, невзирая на касты, веру и цвет кожи (то есть национальность), а до частных религий ему нет дела. Это не понравилось суами. Он потребовал, чтобы *все члены* или подчинились ему, или же были исключены из Общества. Понятно, что на это не могли согласиться ни президент, ни совет. Англичане, как христиане, так и вольнодумцы, буддисты и особенно брамины взбунтовались и потребовали расторжения союза. Тогда суами, видя, что власть ускользает из его рук, предал Общество *анафеме*, а его агенты предали оное поруганию на всех перекрестках. Кончилось тем, что вся *интеллигенция* Ариа-самаджа перешла в Теософическое Общество и порвала все сношения с суами-фанатиком, а суами обзывает Общество «неверными *феринги*ами». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

[145] Декан или Деканское плоскогорье (*англ.* Deccan) – плоскогорье во внутренней части полуострова Индостан.

[146] Эти религиозные сборища (*мелла*)[*] назначаются по очереди в разных пунктах Индии и всегда в городах, история коих связана с каким-либо особенно священным преданием. В Хардваре подобная «мелла» назначается каждые 12 лет. На эту религиозную *ярмарку* стекаются представители всевозможных сект и держат диспуты после ученых диссертаций, каждый в защиту своей особенной секты. Одних *саньязи* – «монашествующих нищих» – было там в этом году до 35000. Холера действительно появилась. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Ку́мбха Ме́ла («праздник кувшина») – обряды массового паломничества индусов к святыням индуизма, проводящиеся с периодом в несколько лет. Целью паломников по очереди становятся города Аллахабад, Хардвар, Удджайн и Насик.

[147] Тхана (Тхане, *англ.* Thane).

[148] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 282.

[149] Набоб, наваб (*англ.* nabob) – титул правителей некоторых провинций Восточной Индии в империи Великих Моголов. После падения этой империи титул набоба сохранили те правители, которые подчинились британскому владычеству в качестве вассалов. Позже его стали давать богатым и знатным индусам как почетное звание.

[150] 6–12 м.

[151] дахму (*перс.* ˈdäχ-mä).

[152] Положение этих несчастных людей гораздо хуже положения наших палачей. Живя совершенно отдельно от света, в глазах которого они верх всего осквернительного, они никогда не сообщаются с остальным миром. Не смея ничего покупать на базаре, они обязаны доставать себе пищу, как знают. Они родятся, женятся и умирают в

строго воспрещает заговаривать с живыми, дотрагиваться или даже подходить к ним, входят и выходят из «Башни Молчания». Входя, они вносят труп, безразлично богатого или бедного человека, завернутый в белые и самые старые тряпки; раздев его донага, они кладут его в тот или другой из трех кругов и, не произнося ни слова, выходят в таком же молчании из башни, запирая ее до следующего покойника, а саван – тряпки – тотчас же сжигают.

Смерть у огнепоклонников лишена всего своего величия, и труп возбуждает в них лишь одно омерзение. Коль скоро замечают, что наступает последний час больного, все домашние отделяются от него как для того чтоб не помешать душе освободиться от тела, так и затем, чтобы живому не осквернить прикосновением к мертвому. Один *мобед* шепчет на ухо умирающему напутственное из Зенд-Авесты[154] наставление: «Ашем Вóху»[155] и «Ято аху варье»[156] и удаляется, пока отходящий еще жив. Затем приводят собаку и заставляют ее смотреть в лицо умирающему. Эта церемония называется *саг-дид*[157] (собачий взгляд), так как собака единственное из живых существ, взгляда которого боится *друкс-насу*[158] (злой демон), сторожащий умирающих, дабы завладеть их телом… Следует, однако, остерегаться, чтобы чья-нибудь тень не легла между мертвым и собакой, иначе пропадает вся сила собачьего взгляда и демон воспользуется благоприятною минутой. Где бы ни умер парс, там он и остается, пока за ним не явятся *нассесалары* с руками, погруженными до плеч в старые мешки. Положив покойника в железный закрытый гроб (один для всех), его относят в *дакхму*. Если б отнесенный в дакхму даже ожил (что̀ нередко случается), он уж не выйдет более на Божий свет: *нассесалары* в таком случае убивают его. Кто раз осквернился прикосновением к мертвым телам и побывал в «башне», тому возвращаться в мир живых уже невозможно: он осквернил бы все общество[159]. Родные следуют за гробом издали и останавливаются в 90 шагах от «башни». У отверстия после последней молитвы, повторяемой хором носильщиками возле тела, а *мобедом* издали, еще раз повторяется церемония с собакой. В Бомбее нарочно для этого дрессированная собака держится на цепи у дверец башни. Затем *нассесалары* вносят тело внутрь и, вынув его из гроба, кладут на отведенное трупу, смотря по полу или возрасту, место.

Мы два раза присутствовали при церемонии «умирания» и один раз при «погребении», если позволено употребить подобное, не подходящее к делу выражение. На этот счет парсы гораздо снисходительнее индусов, считающих присутствие европейца осквернением их религиозных обрядов. Хоронили какую-то богатую женщину, и наш знакомый смотритель башни, Н.Байранжи, пригласил нас к себе в дом. Таким образом, мы присутствовали при всех обрядах, находясь шагах в сорока от «башни» на веранде *бёнглоу* нашего любезного хозяина. Сам он, хотя уже много лет служил при «башне», в нее никогда не входил и даже близко не подходил. Пока собака глазела на покойника, мы, признаться, с тайным чувством отвращения глазели, в свою очередь, на огромную стаю коршунов, летавших над *дакхмою*. Коршуны влетали в нее и снова вылетали с кусками окровавленного человеческого мяса в клюве… Эти птицы, которые ныне сотнями свили себе гнезда над «Башней Молчания», привезены нарочно с этою целью из Персии, так как коршуны

отчуждении от прочих, проходя через улицы города лишь за покойником или на пути с ним в башню. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[153] Nasasalar.

[154] «Авéста» (*пехл.* abestāg) – собрание священных текстов зороастрийцев. Старейший памятник древнеиранской литературы, составленный на особом, более нигде не зафиксированном языке, называемом в иранистике «авестийским».

[155] «Ашем Воху»: «Истина есть Благо. Истина ведет к Блаженству. Благодать дается тому, кто следует Истине».

[156] «Ятха Аху Ваирио»: «По воле Бога, человек в Духе управляет материальным миром с помощью Закона (Аша). Даром Вохумана (Просветлением) наделяется тот, кто посвящает свою жизнь Богу. Тот, кто помогает нуждающемуся в помощи, – проявляет волю Бога».

[157] Сагдид (*англ.* Sagdid).

[158] Друхш-насу (*англ.* Druj Nasu).

[159] Вследствие нескольких таких несчастных случаев парсы хлопочут о новом законе, который бы, во-первых, признал за оживающими право вернуться в мир живых и, во-вторых, обязал *нассесаларов* оставлять единственную дверцу башни не запертою на ключ, дабы дать средство несчастному эксмертвецу спастись бегством. Странно, что коршуны, пожирающие немедленно покойника, никогда не тронут мнимого мертвеца и с криком отлетают в сторону. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

Индии оказались и не довольно хищными и слишком слабыми, чтобы справляться с окоченевшими трупами со скоростью, требуемою законом Зороастра. Говорят, будто процесс совершенного очищения костей от мяса требует не более нескольких минут…

По окончании обряда нас повели в другое здание, где на небольшом столе стояла превосходная деревянная модель *дакхмы* с ее внутренним устройством. Таким образом, мы могли легко сообразить, что̀ в эту минуту происходило в «башне». Представьте себе дымовую четвероугольную трубу, стоящую на земле, и вы получите верное понятие об устройстве пустой «башни». В гранитном помосте, в самом центре, чернеет глубокий безводный колодец, покрытый, как водосток, железною решеткой. Вокруг на постоянно возвышающейся к стене покатости, окружая колодец тройным кольцом, прорыты три широких круга; в каждом из них, отделенные одно от другого тонким простенком в два вершка[160] вышины, находятся гробообразные места для тел. Таких мест 365. В первый круг, или выбой (2 фута[161] ширины), у колодца кладутся дети; в средний (в 4 фута[162]) – женщины; в третий (5 футов[163] ширины), расположенный у самой стены, – мужчины. Этот тройной круг служит типом трех кардинальных у Зороастра добродетелей: «добрых дел, ласковых слов и чистых помышлений». Последний круг принадлежит детям, первый мужчинам.

Благодаря стаям голодных коршунов, менее, нежели в час времени, кости обглоданы до последнего атома, а чрез две-три недели тропическое солнце сушит скелеты до такой хрупкости, что они при малейшем прикосновении обращаются в прах, а затем их уже сваливают в колодец. Ни малейшего запаха, ни малейшего предлога для чумы или другой эпидемии. Способ этот, пожалуй, еще вернее телосожигания, которое все-таки оставляет за собой в атмосфере *гхота*[164] хотя слабый, но дурной запах. Вместо того чтобы кормить «мать сырую землю»[165] падалью, парсы отдают *Армайти* (земле)[166] лишь совершенно очищенный прах. Почитание земли, предписанное им Зороастром, так велико у них, что они принимают всякие меры предосторожности, дабы не осквернить «Коровы-Кормилицы», дарящей их «стократ золотым зерном за всякое зерно». Во время муссона, когда дождь льет в продолжение четырех месяцев ливнем и, конечно, смывает все оставленные коршунами около трупов нечистоты в колодец, вода, стекая в него, всасывается в землю уже фильтрованная: все дно колодца, стенки которого выложены гранитными плитами, покрыто с этою целью водоочищения песчаником и углем.

Менее мрачно и гораздо любопытнее зрелище *Пинжрапаля*[167], бомбейского «госпиталя для престарелых животных», существующего, впрочем, в каждом городе, где только живут *джайны*, о которых кстати здесь сказать несколько слов. По своей бесспорной древности эта секта здесь одна из самых интересных; она много древнее буддизма (появившегося около 543–477 до Р.Х.). *Джайны* похваляются тем, что религия Будды есть не что̀ иное, как ересь джайнизма, так как Гаутама, основатель буддизма, был учеником и последователем одного из их главных *гуру* и святых. Обычаи, обрядность и философские воззрения *джайнов* ставят их чем-то средним между браминами и буддистами; в общественном отношении они походят на первых, в религиозном

---

[160] 9 см.

Вершок – старорусская единица измерения, равная 4,445 см.

[161] 0,6 м.

[162] 1,2 м.

[163] 1,5 м.

[164] *Гхот*[*] – место, отведенное на берегу моря или реки для сожигания тел индусов. – *Примечание Е.П.Блаваской.*

[*] Гхат – каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения индуистов и/или как место кремации.

[165] Мать – сыра́ земля́ – персонифицированный образ земли в славянской мифологии.

[166] *Армайти* – буквально «Корова-Кормилица»[*]. Зороастр учит, что земледелие самое благородное и Богом любимое занятие. *Ясна* (гимны)[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Спента Армайти («святое благочестие»), Сапандармад («святая мудрость») – гений веры, покровитель земли; входит в число Амеша-Спента.

[**] «Ясна» – первая и важнейшая часть Авесты, состоящая из 72 глав (хаити). Текст Ясны озвучивался во время зороастрийского богослужения. Ясна содержит клятву приверженности благим мыслям (вохумане), пророку (мантрану) Заратустре, Богу-Творцу Ахура-Мазде и проклятие дэвам.

[167] Panjrapol.

склоняются более к буддистам. Как и брамины, они придерживаются каст, никогда не едят мясного и не почитают тел святых, но вместе с буддистами они отвергают «Веды» и богов индусов, вместо которых покланяются своим двадцати четырем *тиртàнкарам* (Tirthankara)[168] или *джайнам*, причтенным к лику «блаженных». Опять как у буддистов: духовенство у джайнов сохраняет безбрачие и живет в уединенных *вихарах* (кельях) и монастырях, выбирая себе преемников во всех классах общества. Считая священным и употребляя в духовной литературе лишь язык *пали* (как и на острове Цейлон), они имеют с буддистами одну общую традициональную[169] хронологию, также не едят после заката солнечного и тщательно подметают место, прежде чем сесть на него, боясь раздавить и малейшую букашку. Обе системы или, скорее, философские школы, следуя в этом древней школе атомиста Канады[170], защищают теорию вечных атомов, или элементов, и неразрушимости материи. По их понятиям, мир никогда не имел начала и никогда не будем иметь конца. «Все в мире одна иллюзия, *майя*», – говорят ведантисты, буддисты и джайны. Но в то время как последователи Шанкарачарии проповедуют *Парабраму*[171] (божество без воли, понимания и без действия)[172] и исходящего от оного *Ишвару*, джайны вместе с буддистами отрицают создателя мира и учат лишь о существовании *Свабавата*[173], пластического, вечного и самосозданного принципа в природе. Зато твердо веруя, как и все прочие секты в Индии, в переселение душ, их страх лишить жизни животное или насекомое, и этим совершить, быть может, отцеубийство, доводит их любовь ко всему животному царству и попечение о нем до невероятно аффектированных крайностей. Не только в каждом городе и деревне устроены больницы и приюты для всех искалеченных и старых животных, но их жрецы ходят не иначе, как с кисейным «намордником» (да простят они мне это непочтительное выражение), прикрывающим им рот и ноздри, дабы дыханием своим нечаянно не истребить какой-нибудь мошки. Поэтому они и воду пьют не иначе, как фильтрованную. Джайнов считают несколько миллионов; они рассеяны в Гуджерате[174], Бомбее, Конкане и других местностях.

Бомбейский *Пинжрапаль* занимает целый большой квартал, разделенный на дворы и дворики, на лужайки и рощицы с прудами, большими клетками для опасных животных и загородками для более ручных. Заведение это могло бы служить моделью для Ноева ковчега. На первом дворе вместо животных мы увидели несколько сот человеческих живых скелетов: стариков, женщин и детей. То были уцелевшие жители из так называемых famine districts

---

[168] Тиртханка́ра или Тирхакара (мн. ч.; Tîrthakara = «строитель брода», «приготовляющий брод») – в джайнизме святые, действовавшие, по преданию, в настоящей мировой эре. Как эпитет многих богов означает «спасающий»; «пролагатель пути», «реформатор». Тиртханкар (ед. ч.) – человек, достигший просветления благодаря аскезе и ставший примером и учителем для всех тех, кто стремится к духовному наставничеству.

[169] традиционную (*англ.* traditional).

[170] Канада (также известный как Кашьяпа, Улука, Кананда и Канабхук) – древний индийский естествоиспытатель и философ, основатель школы вайшешика в индийской философии, которая представляет собой раннюю индийскую школу физики.

[171] «Парабрахм (санскр.). Буквально, “за пределами Брамы”. Верховный Беспредельный Брахма, “Абсолют” – реальность, лишенная атрибутов, не имеющая себе подобных. Безличный и Безымянный Всемирный Принцип» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 307).

«Брахма (санскр.). Изучающий должен отличать Брахму, бесполого, от Брамы, творца мужского рода в индийском Пантеоне. Первый, Брахма или Брахман, есть Безличный, Высший и Непознаваемый Принцип Вселенной, из сущности которого все исходит и в кого все возвращается, который бестелесен, нематериален, нерожден, вечен, безначален и бесконечен. Он всенаполняющий, одухотворяющий как Наивысшего Бога, так и мельчайший минеральный атом. С другой стороны, [Брама], мужской и мнимый Творец, лишь периодически существует в своем проявлении и затем снова погружается в Пралайю, то есть исчезает и *уничтожается*» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 86).

[172] Брам – без понимания, ума и воли, «ибо Брам само есть *абсолютное понимание, ум и воля*», учит *Веданта*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[173] «Свабхават (санскр.). Востоковедами объясняется как “Пластическая Субстанция”, что является неадекватным определением. Свабхават есть Мировая Субстанция и Вещество, или, вернее, то, что стоит за ним – Дух и Сущность Субстанции. Это название происходит от *субхава* и состоит из трех слов: *су* – хороший, совершенный, прекрасный, красивый; *сва* – самость; и *бхава* – бытие, или же *состояние бытия*. Из него вся природа исходит и в него всё возвращается в конце жизненных циклов. В эзотеризме он назван “Отцом-Матерью”. Это Пластическая Сущность Материи» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 356–357).

[174] Гуджарат (*англ.* Gujarat).

(голодающих уездов), приползшие в Бомбей молить о куске хлеба. Отеческое правительство, повыгнав их из последних лачужек за недоимки податей, взимающихся во время голодного мора так же, как и в самые урожайные годы[175], довершило свое христолюбивое попечительство о язычниках, отведя им место при больнице животных. В то время как несколько постоянно находящихся при этой странной богадельне ветеринаров перевязывали перебитые лапы у шакалов, терли мазью опрокаженные спины чесоточных собак и приправляли деревянные костыли хромым журавлям, там, в двух шагах, на другом дворе, умирали от голода старики, женщины и дети. Их кормили пока на счет благотворителей животных, а животных голодающих, к счастию, было в то время менее обыкновенного. Наверное, многие из этих страдальцев с радостью согласились бы, не теряя времени, трансмигрировать[176] в любого из зверей, так спокойно доканчивающих жизненное поприще в больнице…

Но и в Пинжрапале розы не без шипов. Если травоядные «субъекты» ничего лучшего не могут себе пожелать, то сомневаюсь, чтобы плотоядные, как, например, тигры, гиены, шакалы и волки, оставались вполне довольны как постановлениями, так и насильно предписанною им диетой. Так как сами джайны не употребляют мясной пищи и с ужасом отворачиваются даже от яиц и рыбы, то и все находящиеся на их попечении животные обязаны поститься. При нас кормили старого, подстреленного английскою пулей тигра. Понюхав рисовую похлебку, он замахал хвостом и, свирепо скаля желтые клыки свои, глухо зарычал и отошел от непривычной пищи, все время косясь на толстого надсмотрщика, который ласково уговаривал его «покушать». Одна решетка спасала джайна от протеста этого ветерана лесов «действием». Гиена с окровавленною, повязанною головой и отодранным ухом бесцеремонно и, видимо, в знак своего презрения к этому для нее спартанскому соусу сперва села в лохань с похлебкой, а затем опрокинула ее; волки же и несколько сот собак подняли такой оглушающий вой, что привлекли внимание двух неразлучных друзей, Кастора и Поллукса[177] заведения, старого слона с переднею ногой на деревяшке и исхудалого вола с зеленым зонтом над больными глазами. Слон, по своей благородной природе думая лишь о приятеле, покровительственно обвил хоботом шею вола, и оба, подняв головы, с неудовольствием замычали. Зато попугаи, журавли, голуби, фламинго, корольки – все пернатое царство ликовало, заливаясь на все тоны над завтраком. Охотно отдавали ему честь и обезьяны, прибежавшие первыми на зов. Нам также указали на *святого*, кормившего в углу насекомых собственною кровью. Совершенно нагой, он неподвижно и с закрытыми глазами лежал на солнце. Все тело его было *буквально* покрыто мухами, комарами, муравьями и клопами…

– Все, все они наши братья! – умиленно повторял директор госпиталя, указывая рукой на сотни насекомых и животных. – Как можете вы, европейцы, убивать и даже поедать их?

– А чтò, – спрашиваю, – сделали бы вы в случае, если бы вот эта змея подползла к вам и попыталась укусить вас? От ее укушения ведь неминуемая смерть. Неужели вы бы не убили ее, если б успели?

– Ни за чтò на свете! Я бы старался осторожно поймать ее, а затем отнес бы за город в пустое место и пустил бы ее на свободу.

– А если б она все-таки укусила вас?

– Тогда бы я произнес мантру[178]. А если б и мантра не помогла, то я счел бы это за определение судьбы и спокойно оставил бы это тело, чтобы перейти в другое.

Это нам говорил человек по-своему образованный и даже весьма начитанный. На наше возражение, что ничего не дается природой напрасно и что если устройство зубов у человека плотоядное, то, стало быть, ему определено самою судьбой питаться мясом, он отвечал нам чуть

---

[175] Несколько лет тому назад подати взимались с крестьян натурой, но теперь крестьяне должны вносить их наличными, не взирая ни на чтò. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[176] Трансмиграция душ (*англ.* transmigration) – перемещение, переселение души из одного тела в другое, реинкарнация.

[177] В древнегреческой мифологии близнецы, дети Леды, участники похода аргонавтов.

[178] Мантра – молитва в стихах и вместе с тем заговор против всякой немочи. В Индии все глубоко верят в силу мантры. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

ли не целыми главами из дарвиновской *Теории естественного подбора и происхождения видов*[179]. «Это все неправда, будто первобытные люди родились с глазными зубами, – рассуждал он. – Лишь впоследствии с развращением рода человеческого и когда в нем стала развиваться страсть к плотоядной пище, то и челюсти, покоряясь новой потребности, стали изменяться, пока мало-помалу совершенно не изменили своей первобытной формы»…

Подумаешь: où la science va-t-elle se fourrer[180]?..

[179] Чарлз Дарвин (1809–1882) – английский натуралист и путешественник, одним из первых пришел к выводу и обосновал идею о том, что все виды живых организмов эволюционируют во времени и происходят от общих предков; в своей теории, развернутое изложение которой было опубликовано в 1859 г. в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», основным механизмом эволюции Дарвин назвал естественный отбор.

[180] и где наука всё это берет (*фр.*).

III

В тот же день вечером в театре Эльфинстона давалось в честь «американской миссии» (как нас здесь величают) необычайное представление. Туземные актеры играли на гуджератском языке древнюю волшебную драму *Ситта-Ра́ма*[181], переделанную из *Рамаяны*, известной эпической поэмы Вальмики[182]. Драма состояла из 14 актов и несчетного множества картин с превращениями. Все женские роли игрались по обыкновению мальчиками и, верные историческому и национальному костюму, все актеры были полунагие и босые. Зато богатство костюмов – какие требовались, – декорации, машины, превращения были поистине изумительны. Трудно было бы даже на сцене больших столичных театров представить лучше и вернее в природе, например, армию союзников Ра́мы – обезьян под предводительством их знаменитого в истории (Индии, s.v.p.[183]) полководца Ханумана: воина, государственного мужа, бога, поэта и драматурга. Древнейшая и лучшая из всех санскритских драм *Хануман-наттек* (драма)[184] приписывается этому нашему талантливому *праотцу*… Увы! прошли те времена, когда гордые сознанием своей *белой*, быть может, après tout[185] только *вылинявшей* под северным небом кожи, мы взирали на индусов и других черномазых народов с подобающим нашему величию презрением! Крепко огорчался мягкосердечный сэр Уильям Джонс[186], переводя с санскритского такие, например, унизительные для европейского самолюбия речи, что «*Хануман* был-де нашим прародителем». Коли верить легенде, то за оказанное храброю обезьяньею армией пособие Ра́ма, герой и полубог, даровал в супружество каждому из холостяков этой армии одну из дочерей великанов острова Ланки (Цейлона), *бакшазасов*[187], назначив этим «дравидским» красавицам в приданое все *западные* части света… Тогда, после величайшего в мире торжества бракосочетания, обезьяны-воины, соорудив из собственных хвостов висячий мост, перекинули его из Ланки в Европу и, благополучно перебравшись с супругами на другой берег, зажили счастливо и наплодили кучу детей. Эти дети – мы, европейцы. Найденные в языках Западной Европы (как в наречии басков[188], напр[имер]) чисто дравидские слова привели браминов в восторг; в благодарность за это важное открытие, так неожиданно подтверждающее их древнее сказание, они чуть было не возвели филологов в сан богов. Дарвин увенчал дело. С распространением в Индии западного образования и ее научной литературы в народе более чем когда-либо утвердилось убеждение, что мы потомки их Ханумана и что притом каждый европеец (если только поискать) украшен *хвостом*: узкие панталоны и длинные юбки пришлецов с Запада много способствуют к укоренению этого крайне нелестного для нас мнения… Чтò ж? Уж если раз наука в лице Дарвина поддерживает в этом мудрость древних ариев, то нам остается лишь покориться. И, право, в таком случае гораздо приятнее иметь Ханумана – поэта, героя и бога – праотцом, чем какую-либо другую «макашку», хотя бы даже и бесхвостую…

Но *Ситта-Ра́ма* – пиеса[189], представленная в тот вечер – принадлежит к мифологическим

---

[181] Сита (*санскр.* Sītā).

[182] Вальмики (V–IV до н.э.) – певец и поэт, автор (или обработчик) величайшего эпоса древней Индии «Рамаяны».

[183] если позволите (*фр.* s'il vous plait).

[184] Хануман-натака.

Натака (*санскр.* nātaka) – наиболее распространенный и самый значительный вид санскритской драмы.

[185] впрочем (*фр.*).

[186] Уильям Джонс (1746–1794) – британский филолог, востоковед (в первую очередь индолог) и переводчик, основатель Азиатского общества; традиционно считается основоположником сравнительно-исторического языкознания.

[187] Ракшасы (*санскр.* rākṣasaḥ, проклинать, бранить) – демоны-людоеды и злые духи в индуизме и буддизме. Однако в индуистской мифологии не все ракшасы одинаково злые и могут делиться на три класса: 1) безобидные существа (Якша); 2) исполины, или титаны, враги богов; 3) ракшасы в обычном значении этого слова, то есть демоны, обитатели кладбищ, нарушители жертвоприношений, которые оживляют мертвецов, пожирают людей, нападают на благочестивых и любым способом стремятся причинить человеку как можно больше вреда.

[188] Баски – народ, населяющий так называемые баскские земли в северной Испании и юго-западной Франции; баскский язык считается изолированным языком; происхождение басков является предметом дискуссий.

[189] Пьеса (*устар., фр.* piece).

драмам-мистериям вроде Эсхиловых[190]. Глядя на это классическое произведение отдаленнейшей древности, зритель невольно переносится в те времена, когда боги, сходя на землю, принимали живое участие во вседневной жизни смертных: ничто не напоминало нам современную драму, хотя внешняя форма сохранилась почти та же. «От великого до смешного (и наоборот) всего один шаг»: от козла (τράγος ώδή)[191], выбираемого в жертвоприношение Бахусу[192], мир получил трагедию; предсмертное блеяние и бодание четвероногой жертвы древности вышлифованы рукой времени и цивилизации: в итоге является предсмертный шепот Рашели[193] в образе Андриенны Лекуврэр[194] и ужас наводящее, реалистическое «брыкание» современной Круазетт[195] в сцене отравления в *Сфинксе*[196]… Но в то время как потомки Фемистокла[197] в продолжение многих лет рабства, как и независимости, принимали и продолжают с восторгом принимать все изменения, а по современным воззрениям и «улучшения» Запада как вновь исправленное и дополненное издание гения Эсхила, – индусы, к счастию археологов и любителей древностей (вероятнее всего со времен нашего незабвенного прародителя Ханумана), так и застыли на одном месте…

С живым любопытством готовились мы следить за представлением *Ситта-Рáмы*. Кроме здания самого театра да разве нас самих, все было здесь туземное и ничто не напоминало нам нашу западную обстановку. Об оркестре не было и помину: вся наличная музыка должна была раздаваться за кулисами или же на самой сцене. Наконец, взвился занавес… Тишина, заметная даже в антрактах при таком наплыве зрителей обоего пола, стала еще заметнее. Видно было, что в глазах публики, по большей части поклонников Вишну[198], шла не обыкновенная пиеса, а религиозная мистерия, представляющая жизнь и приключения их любимых и самых уважаемых богов.

Пролог. *Эпоха* (ранее которой еще ни один драматург не рискнул выбрать для своего сюжета) *пред сотворением* или, скорее, пред последним появлением *мира*[199]: в то время как

---

[190] Эсхил (525–456 до н.э.) – древнегреческий драматург, отец европейской трагедии.

[191] Трагедия – *др.-греч.* τραγῳδία, tragōdía, буквально «песня козла», от τράγος, tragos – «козёл» и ᾠδή, ōdè – «песнь».

[192] «Бахус (греч.). Экзотерически и поверхностно – бог вина и винограда, распущенности и веселья, но эзотерически смысл этого олицетворения более глубокий и философский. Он – Озирис Египта, и его жизнь и значение имеют тот же смысл, что и у других солнечных божеств... Всех их предавали смерти, оплакивали и возвращали к жизни. <…> Бахус умерщвлен, и его мать собирает части его расчлененного тела, так же как Изида собирает члены Озириса, и так далее. Дионис-Бахус, растерзанный титанами, Озирис, Кришна – все сходили в Аид и снова возвращались. Астрономически все они представляют Солнце; психически – являются символами вечно воскресающей “души” (Эго в своем перевоплощении); духовно – все они суть невинные козлы отпущения, искупающие грехи смертных, их собственных земных оболочек, а на самом деле – опоэтизированный образ **Божественного Человека**, формы из праха, одушевленной ее Богом» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 76–77).

[193] Элиза Рашель Феликс (1821–1858) – французская актриса.

[194] Адриенна Лекуврёр (Lecouvreur, 1692–1730) – французская актриса, героиня одноименной пьесы (1849) французских драматургов Э.Скриба (1791–1861) и Э.Легуве (1807–1903).

[195] Софи Круазетт (1847–1901) – французская актриса.

[196] «Сфинкс» (1874) – пьеса французского писателя О.Фёйе (1821–1890).

[197] То есть греки.

Фемистокл (524–459 до н.э.) – афинский политический деятель и полководец.

[198] Рáма – одно из воплощений Вишну. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[199] По единодушному соглашению философских систем всех сект Индии (кроме мусульман), вселенная существовала всегда. Индусы разделяют эти периодические проявления и исчезновения мира на *дни* и *ночи* Брамы. Ночи, или отсутствие объективного мира, называются *пралайей*, а эпохи нового пробуждения к жизни и свету зовутся *манвантарами*[*] и *югами*, или «веками богов»[**]. Эти периоды также называются «вдыханиями» и «выдыханиями» Брамы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Манвантара (санскр.). Период проявления, в противоположность Пралайе (растворению или покою), относится к различным циклам, особенно ко Дню Брамы в 4320000000 Солнечных лет, и ко времени царствования одного Ману – 308448000 лет. <…> Буквально, *Мануантара* – между [двумя] Ману» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 247).

[**] «Юга (санскр.). Тысячная часть кальпы. Мировой век, которых всего четыре, и ряды которых последовательно проходят в течение манвантарного цикла» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 477).

В тексте слово «юга» мужского рода – «июг».

пралайя[200] приходит к концу, Парабрама просыпается; вместе с его пробуждением вся вселенная, покоящаяся в божестве, то есть бесследно исчезнувшая с предыдущего разрушения мира в субъективной эссенции оного, отделяется вновь от божественного принципа и делается видимою. Все боги, умершие вместе с вселенною, начинают медленно возвращаться к жизни. Один «Невидимый» дух – «вечный, безжизненный», ибо он есть безусловная *самобытная жизнь* – парит, окруженный безбрежным хаосом. Священное «присутствие» невидимо: оно проявляется лишь в правильном, периодическом колыхании хаоса, представляемого темною массой вод, затягивающею всю сцену. Эти воды еще не отделены от суши, ибо Брама, творческий дух Нараяны[201], еще сам не отделился от Вечного. Но вот колыхнулась вся масса и воды начинают светлеть: от золотого яйца, лежащего под водами хаоса, пробиваются лучи; оживотворенное духом Нараяны яйцо лопается и проснувшийся Брама поднимается над поверхностью вод под видом огромного лотоса… Являются легкие облачка; сперва прозрачные и белые, как паутина, они сплачиваются и мало-помалу превращаются в «Праджапати»[202] – десять олицетворенных творческих сил Брамы, владыки всех тварей, поющих хвалебный гимн Творцу. Веяло чем-то наивно поэтическим от этой непривычной нашему уху странной мелодии без оркестра, в унисон. Пробил час общего пробуждения; конец *пралайе*: все ликует, возвращаясь к жизни. На отделившемся от вод небе являются *азуры*[203] *и гандарвы*[204]. Индра, Яма, Варуна и Кувера[205] – духи, заведующие четырьмя странами света. Из четырех стихий, воды, огня, воздуха и земли, брызжут дождем атомы и зарождают змия *Ананту*. Чудовище всплывает на поверхность воды и,

---

[200] «Пралайя (санскр.). Период обскурации или покоя – планетного, космического или вселенского – противоположен Манвантаре» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 323).

[201] «Нараяна (санскр.). “Витающий над Водами” пространства; титул Вишну в его аспекте Святого Духа, парящего над Водами Творения (см.: “Законы Ману”, кн. I)[*]. В эзотерическом символизме это означает первичное проявление *принципа жизни*, распространяющегося в беспредельном Пространстве» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 276).

[*] См.: Законы Ману, кн. I, 10.

«Ма́ну-смри́ти», «Ману-самхи́та», «Манава-дхармашастра», «Законы Ману» – древнеиндийский сборник права: религиозно-нравственных и правовых предписаний, приписываемый традицией легендарному прародителю человечества – Ману.

[202] Праджапати (*санскр.* prajā-pati, букв. «Владыка созданий») или Праджапита – Божество в индуизме. В Ведах – Праджапати это Божество, связанное с деторождением, с зачатием, это Бог, породивший мир от своего семени. В гимне «Неизвестному Богу» говорится, что Праджапати был рожден из Золотого Зародыша (Хираньягарбхы), стал «Владыкой Творения», поддержал землю и небо, укрепил солнце, измерил пространство, дал жизнь и силу; Праджапати властвует над двуногими и четвероногими, его руки – стороны света. В брахманах Праджапати описывается как отец всех богов, породивший Вселенную духовным усилием и посредством жертвоприношения. В Упанишадах Праджапати приобретает черты безличного Абсолюта, Брахмана. В Пуранах и индуистском эпосе Праджапати отождествляется с Брахмой.

[203] Асуры (*санскр.* asura) – в индуизме низшие божества, называющиеся также демонами, титанами, полубогами, антибогами, гигантами, и находящиеся в оппозиции к богам Сурам (потомкам Адити), аналогично оппозиции «боги – титаны» или «боги – гиганты» в греческой мифологии.

[204] Небесные музыканты и певцы-херувимы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Гандха́рвы (*санскр.* gandharva, «благоуханный») – класс полубогов в индуизме. Гандхарвы описываются в «Махабхарате», «Рамаяне» и Пуранах как мужья или возлюбленные апсар, как певцы и музыканты, услаждающие дэв.

[205] «Индра (санскр.). Бог Небесного Свода, царь звездных богов. Ведийское Божество» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 177).

Я́ма, Йа́ма (*санскр.* «близнец») – бог смерти и справедливости в индуизме.

«Яма (санскр.). В оккультизме – олицетворенная третья коренная раса. В индийском пантеоне Яма фигурирует в двух различных версиях этого мифа. В Ведах он является богом мертвых, Плутоном или Миносом, у которого пребывают тени усопших – камарупы в камалоке. В одном из гимнов о Яме говорится как о первом из людей, который умер, и первом, кто ушел в мир блаженства (дэвакхан). Это потому, что Яма есть олицетворение расы, которая была первой, наделенной сознанием (манасом), без которого нет ни Неба, ни Аида. Яма представлен как сын Вивасвата (Солнца)» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 482–483).

«Варуна (санскр.). Бог воды или морской бог, но совершенно непохожий на Нептуна, ибо у этого старшего из ведийских божеств *вода* означает “Воды Пространства”, или Всёоблекающее Небо, Акашу – в одном смысле. Варуна или *Уаруна* (фонетически) несомненно является прототипом греческого Урана» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 102–103).

«Кубера (санскр.). Бог Аида и богатства – подобно Плутону. Царь злых демонов в индусском пантеоне» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 217).

согнув лебединую шею дугой, является лодкой, на которой покоится Вишну; в ногах бога сидит Лакшми – богиня красоты, его супруга. «Сватха! Сватха! Сватха!»[206] – восклицают хором небесные певцы, приветствуя божество. Вишну в одном из своих будущих воплощений (*аватар*) будет Ра́мою, сыном великого царя, а Лакшми воплотится в Ситте. Вся поэма *Рамаяна* вкратце пропета небесными хористами. *Ка́ма*, бог любви, осеняет божественную чету, и от этого вмиг загоревшегося в их сердцах пламени плодится и размножается весь мир[207]…

Далее идут 14 действий хорошо всем известной поэмы, в коей принимают участие несколько сот лиц. Под конец *пролога* собравшиеся боги, по примеру лиц древних драм, подходят к рампе и знакомят вкратце публику с сюжетом и развязкой предстоящей пиесы, прося снисхождения зрителей. Словно оставив свои ниши в храмах, сошли с них знакомые нам божества из раскрашенного гранита и мрамора, чтобы напомнить смертным о делах…

…давно минувших дней,
Преданьях старины глубокой[208]…

Зала была битком набита туземцами. Кроме нас четырех, не было ни одного европейца. В креслах расстилалась, как огромный цветник, масса женщин в ярких цветных покрывалах. Между прекрасными бронзовыми лицами выглядывали красивые, иногда матово-белые личики парсийских женщин, очень напоминающих красотой грузинок. Все первые ряды были заняты женщинами. От огнепоклонниц с их чистыми лицами и волосами, покрытыми белою косынкой под цветным покрывалом, их сестры-индианки отличались непокрытою головой, роскошью своих блестящих черных кос, закрученных греческим шиньоном на затылке, расписанным красками лбом[209] и кольцами в одной ноздре. В этом состоит вся разница их костюма[210]. Как те, так и другие страстно любят яркие, но однообразные материи, покрывают голые руки до локтей браслетами и носят одинаковые *сари* (покрывала). За ними в партере волновалось целое море самых

---

[206] «Свят, Свят, Свят!». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Свaха́ (*санскр.* svāhā – «слава», «благодать», «благословение») – в индуизме и буддизме богиня и сакральное слово, акцентирующее внимание и часто указывающее конец мантры.

[207] Вишну – одно из трех лиц *Тримурти* (буквально: три лика; *мурти* означает священный лик или идол), троицы индусов, *сохранитель* всего живущего, как Брама – *творец*, а Шива – *разрушитель* оного. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[208] Слова из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила».

[209] В Индии всегда легко различить как исповедуемую веру, так и секту и даже касту, к которой кто-либо принадлежит, по знакам, расписанным на лбах сектантов обоего пола, а также девушку от замужней и вдовы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[210] По истреблении Александром Македонским* священных книг гебров их секта была постоянно притесняема идолопоклонниками. Царь Ардши́р Бабе́хан** восстановил огнепоклонничество в 229–243 годах по Р.Х. После этого их опять преследовали до царствования одного из трех царей Шахпуров, II, IX и XI из Сассанидов***, но до которого именно не известно, хотя один из них сильно покровительствовал учению Заратушты. Вследствие поражения Иездежирда**** огнепоклонники эмигрировали на остров Оромазд*****, а 15 лет позднее, отыскав древнюю книгу пророчеств Зороастра, много столетий было затерянную, вследствие одного из пророчеств они бежали массой в Индостан. После долгих странствований, от 1000 до 1200 лет тому назад, они появились на территории махараны Джаядевы******, принца, подвластного раджпутскому царю Чампанира*******, который и дозволил им поселиться на его землях с условием, чтоб они сложили оружие, заменили персидский язык языком *хинди*, а их женщины свой национальный костюм – костюмом женщин Индии и приняли бы все обычаи страны, дозволив им, впрочем, ходить обутыми, так как это строго приказано Зороастром********. С тех пор произошли изменения, но весьма незначительные. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Александр Македонский (356–323 до н.э.) – царь Македонии (с 336 г. до н.э.), полководец, создатель мировой державы.

** Ардашид Папакан (Ардашир I, ок. 180–241) – первый шаханшах Ирана в 224–241 гг. из династии Сасанидов. В зороастрийском сочинении «Джамасп Намак» («Книга Джамаспа») Ардашир именуется «Бахман Бабеган».

*** Шапур I, Шапур II, Шапур III – шахиншахи Ирана из династии Сасанидов.

**** Йездигерд III (624–652) – последний шахиншах Ирана из династии Сасанидов.

***** Ормуз – остров в Ормузском проливе, соединяющий Персидский залив с Оманским заливом.

****** Джади Рана – легендарный индийский правитель в Гуджарате.

******* Чампанер (*англ.* Champaner) – исторический город в Гуджарате.

******** См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 267–268.

оригинальных, нигде, кроме Индии, не встречающихся тюрбанов. Тут были и длинноволосые *раджпуты* с их прямыми, чисто греческими чертами лица, с разделенною на подбородке бородой, концы которой закручиваются за уши, в *нàгри*, тюрбане, состоящем из двадцати аршин[211] белой тонкой кисеи, обкрученной веревкой вокруг головы, в серьгах и ожерельях; тут были *махратские брамины* с гладкою, выбритою (кроме центральной длинной космы волос) головой, прикрытой громадным, блюдообразным тюрбаном ослепительно красного цвета с золотым, выгибающимся вперед, словно рог изобилия, украшением наверху оного. Затем *бании*[212] в трехконечных с золотом шлемах и с красным петушиным гребешком; *качхи*[213] в головных уборах наподобие римских шлемов; *бхилли*[214] с границ Раджистана[215] в белых пирамидальных тюрбанах, концы которых троекратно обматывают им подбородок и щеки, заставляя невинного туриста предполагать, что все они вечно страдают зубною болью; *бенгальцы* и *калькуттские бабу́*, простоволосые во все времена года, на улице, как и дома, носящие волосы, как древние афиняне на статуях и картинах, и гордо драпирующиеся в белые покрывала, совершенное подобие римских сенаторских тог. *Парсы* – в черных (архиерейских) митрах. *Сикки*[216] – последователи Нанака[217], монотеисты и мистики – в белых, как и бхилли, тюрбанах, но с длинными до пояса волосами, и сотни других племен. Задавшись было долгом сосчитать, сколько разных форм тюрбанов в одном Бомбее, мы уже через две недели объявили себя побежденными: легче сосчитать звезды на небе. Каждая каста, ремесло, секта, каждое из тысячи подразделений общественной иерархии имеет свой отличительный, блестящий пурпуром и золотом головной убор; золото снимается только в случае траура. Но зато все, даже богачи, советники муниципалитета, купцы, брамины, *рао бахадуры*[218] и пожалованные правительством баронеты, – все до одного ходят босые, голые до колен и в белоснежных *балахонах*: этой полурубашки-полукафтана нельзя сравнить ни с чем другим. Сидит министр либо раджа какой на слоне[219] – видали мы их в Бароде[220] даже на жирафах из конюшни зверинца гайквара[221] в торжественные дни их праздников, – сидит и жует *пансопари* (бетель)[222]. Голова у него так и клонится вниз под тяжестью драгоценных на тюрбане камней; все пальцы на руках и на ногах украшены перстнями, а ноги браслетами. В тот вечер в зале не было ни слонов, ни жирафов, но зато были и раджи, и министры. С нами приехал красавец-посол и бывший воспитатель юного махарани Удейпурского (*Oodeypore*)[223], раджа-пандит Мохунлал Вишнулал Пандиа[224] в бледно-розовом маленьком тюрбане с бриллиантами, в розовых же барежевых[225] панталонах и белой газовой кофте. Длинные, черные как вороново крыло волосы падали на янтарную шею, украшенную ожерельем, способным свести с ума парижанку. Бедному раджпуту ужасно хотелось спать, но он геройски выдерживал роль и, задумчиво пощипывая бородку, водил нас по безысходному лабиринту метафизических запутанностей *Рамаяны*.

В антрактах нас потчевали кофе, шербетами[226] и папиросами, которые мы и курили во все

---

[211] 14,2 м.

[212] Баньи – каста торговцев.

[213] Каста садовников.

[214] Бхилы (*англ.* Bhil, Bheel) – индоарийская племенная народность в Центральной Индии.

[215] Раджастхан (*англ.* Rajasthan).

[216] Си́кхи (от *хинди* [sɪkʰ] – «ученик», *англ.* Sikh) – этноконфессиональная группа, проживающая преимущественно в Индии.

[217] Гуру Нанак Дэв (1469–1539) – основатель религии сикхизма и первый сикхский гуру.

[218] Рао бахадур – почетный титул, который английские колониальные власти в Британской Индии жаловали за особые заслуги местным уроженцам, индусам по вероисповеданию.

[219] Слоны в Бомбее под предлогом, что они пугают лошадей англичан, теперь запрещены, но во всех других городах провинции их очень много. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[220] В «Московских ведомостях» далее: и на единорогах и.

[221] Гайквар – общее имя или титул владетельных принцев Бароды. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Гаеквад (Гайквад, Гайквар, *англ.* Gaekwad, Gaikwad, Gaekwar) – маратхский клан.

[222] Пансупари (*англ.* paan supari) – листья перцового бетеля (пан) и орехи арековой пальмы (супари).

[223] Санджан Сингх (1859–1884) – махарана Удайпура (1874–1884).

Удайпур (*англ.* Udaipur) – столица раджпутского княжества Мевар, известного с VIII в.

[224] Mohunlal Vishnulal Pandea – член Совета Теософского общества, переписывался с Е.П.Блаватской.

[225] Бареж – легкая шелковая, шерстяная или бумажная ткань.

[226] Шербет (написание и произношение щербет ошибочно, несмотря на популярность, от *перс.* Sharbat) – традиционный напиток в странах Востока; восточная сладость.

время представления, сидя напротив сцены в первом ярусе. Нас, как идолов, обвешали длинными гирляндами из жасмина, а сам директор, дебелый индус в рогообразном малиновом тюрбане и белой прозрачной кисее на смуглом теле, несколько раз окроплял нас розовою водой.

Представление, начавшееся в 8 часов вечера, дошло до 9-го акта только в два с половиной часа пополуночи. Невзирая на стоявшего позади каждого из нас сипая с гигантскою *пáнкой* (веером)[227], жара была нестерпимая. Чувствуя себя не в силах выдержать долее, мы отпросились домой. Вследствие этого произошел переполох на сцене, как и в самой зале: воздушная колесница, на которой злой Равана увозил Ситту, остановилась на воздухе и застряла над скалами; царь нáгов (змей) перестал изрыгать пламя; обезьяны-воины как были, так и повисли на ветвях, а бог Рáма, в голубом покрове и с миниатюрною остроконечною пáгодой на голове, вышел на сцену и произнес нам на чистом английском языке благодарственный спич за сделанную нашим посещением честь. Опять букеты, *пансопари* и окропление розовою водой, и мы, наконец, добрались домой в четыре часа пополуночи… На другой день мы узнали, что представление окончилось в половине седьмого утра.

[227] Панкха (*англ.* punkah, pankha) – подвесное опахало в Индии.

IV

Раннее утро последних мартовских дней; светлое, безоблачное небо. Ветерок, нежно ласкающий бархатною рукой заспанные лица пилигримов; по дороге опьяняющий запах тубероз и жасмина в цвету, перемешанный с острыми запахами базара. Толпы голоногих браминок, стройных и величавых, в цветных *сари*, с блестящими, как золото, медными *лотти* (кувшинами)[228] на головах, направляющихся, как библейская Рахиль[229], к колодцу. Наполненные тинистою водой священные *танки* (пруды), на ступенях которых индусы обоих полов совершают свое утреннее религиозное омовение. Под забором сада, под самыми скалами Малабарского холма, чей-то ручной *мангуст*, величиной с сурка, пожирает голову пойманной им *кобры*; обезглавленное туловище змеи судорожно, но уж безвредно обвивается вокруг и хлещет худощавого зверка, с видимым наслаждением взирающего на эту операцию. Возле группы животных группа индусов. Совершенно нагой *мали* (садовник), стоя у безобразного каменного идола Шивы, сыплет ему приношение соли и бетеля, дабы отвратить гнев «Разрушителя» за убиение одного из подвластных ему богов, опасной змеи кобры. В нескольких шагах от железнодорожной станции мы встречаем скромную католическую процессию из новообращенных париев и туземных португальцев. Под балдахином на носилках раскачивается коричневая Мадонна в одеянии туземных богинь и с кольцом в носу (sic)[230]. На руках у нее младенец в желтых *пижамах* и красном тюрбане брамина. *«Га́ри! Га́ри девáки!»* (Слава, слава деве-богине!), – восклицают новообращенные, не признавая ни малейшей разницы между *Девáки*, матерью Кришны[231], и Мадонной и сознавая лишь тот факт, что изгнанные браминами из пагод вследствие своей низкой касты или, скорее, за не состоянием в какой-либо касте они теперь, благодаря *падре*[232], впускаются иногда в христианскую пагоду. Надо сказать вдобавок, что, дабы угодить какому-нибудь новообращенному (в католичество либо протестантство, но никак не в христианство) брамину, католические, как и протестантские, миссионеры весьма часто не допускают обращенных *парий* в церковь, «дабы сразу и напрасно не оскорблять чувства *касты* высокорожденных браминов»[233].

Наконец наши *гарри*[234], туземные двухколесные таратайки с запряженными в них двумя сильными волами с громадными прямыми рогами, подкатывают к крыльцу станции. Чиновники-англичане таращат в изумлении глаза при виде европейцев в *туземных* позолоченных колесницах… Но мы – американцы; мы приехали знакомиться с Индией, а не с Европой и ее произведениями на здешней почве.

Если турист потрудится бросить взгляд на берег, противоположный бомбейской пристани, то он увидит пред собою темно-синюю массу, возвышающуюся, словно стена, между ним и горизонтом. То Парбуль[235], плоскоголовая гора в 2250 футов[236] высоты. Правый склон ее крепко

---

[228] Loṭā (*хинди*).

[229] Рахиль – в Ветхом Завете одна из двух жен патриарха Иакова (Быт. 29).

[230] так, таким образом, именно так (*лат.*).

[231] «Кришна (санскр.). Самая прославленная аватара Вишну, “Спаситель” индусов и их самый популярный бог. Он – восьмая аватара, сын Деваки и племянник Камсы, индийского царя Ирода, который, ища его среди пастухов овец и коров, укрывших его, убил тысячи новорожденных младенцев. Повесть о зачатии, рождении и детстве Кришны – точный прототип истории Нового Завета. Миссионеры, конечно, стараются доказать, что индусы украли этот рассказ о рождении у ранних христиан, пришедших в Индию» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 214).

[232] Так зовутся безразлично здесь все миссионеры, вероятно, от первых католических португальских миссионеров – *padre*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[233] Ответ одного миссионера в Мадрасе, напечатанный в *New-York Herald*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: «Католики настолько раболепны в своем подражании и так стараются не оскорбить своих прихожан, что если им случится заполучить в свою церковь нескольких перебежчиков из высших каст, они не допустят в ту же самую церковь ни одного парии или человека из низшей касты, каким бы хорошим христианином он ни был. И все же они осмеливаются называть себя слугами Того, Кто предпочитал общество мытарей и грешников и чье воззвание: “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас”[*], – раскрыло перед ним сердца миллионов страждущих и угнетаемых!» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. II, гл. XI).

[*] Мф. 11, 28.

[234] Gharry, gharri.

[235] Prabal.

прижался к двум остроконечным скалам, доверху покрытым густым бором; самая высокая из них – *Матеран*[237], цель нашей поездки. От Бомбея до Нареля[238], станции у самого подножия этой горы, четыре часа езды по железной дороге, хотя по прямой горизонтальной линии (от пристани до Матерана) как рукой подать, всего 12 миль. Полотно железной дороги расстилается у подножия прелестнейших холмов, пересекает сотни озерков и пронизывает слишком двадцатью тоннелями самую сердцевину скалистых *Гхат*.

Мы ехали с тремя знакомыми индусами. Двое из них когда-то высокой касты, ныне исключены из нее и «отлучены» от пагоды за сообщничество и сношения с нами, презренными иностранцами. На станции к нам присоединились еще двое приятелей из туземцев, с которыми мы переписывались из Америки уже несколько лет. Все они – члены нашего Общества[239], реформаторы юной Индии и враги браминов, каст и предрассудков – сговорились отправиться вместе с нами на годичную ярмарку храмового праздника в пещерах *Карли*, посетив сперва Матеран и Кхандалу. Один из них был брамином из Пуны, другой – *мудельяром*[240], помещиком из Мадраса, третий – *сингалезцем* из Кегаллы[241], четвертый – *земиндаром*, землевладельцем из Бенгала, пятый – громадного роста раджпутом, независимым *такуром*[242] из провинции Раджистан[243], которого мы давно знали под именем Гулаб-Лалл-Синга, а звали просто Гулаб-Синг. Распространяюсь о нем более, нежели о других, потому что об этом странном человеке шли самые удивительные и разнообразные толки. Ходила молва, будто он принадлежит к секте *радж-йогов*, посвященных в таинство магии, алхимии и разных других сокровенных наук Индии. Он был человеком богатым и независимым, и молва не смела заподозрить его в обмане, тем более что если он и занимался этими науками, то старательно скрывал свои познания от всех, кроме самых близких ему друзей.

Такуры почти все ведут свой род от *Сурьи* (солнца) и потому называются *сурьяванзами*[244], потомками солнца, в гордости не уступая никому. По их выражению, «земная грязь не может пристать к лучам солнца», то есть к раджпутам; поэтому они не призирают никакой касты, кроме браминов, отдавая почести лишь одним бардам, воспевающим их военные доблести, которыми они так справедливо гордятся[245]. Англичане страшно боятся их и не решились их обезоружить, как другие народы Индии. Гулаб-Синг приехал со слугами и щитоносцами.

---

[236] 686 м.

[237] Матхеран (*англ.* Matheran).

[238] Narel.

[239] В «Московских ведомостях» выражение «члены нашего Общества» отсутствует.

[240] Мудальяр (*англ.* Mudaliyar, Mudali) – цейлонский колониальный титул, который присваивался богатым влиятельным семьям, лояльным британской короне.

[241] Когалла (*англ.* Koggala).

[242] Тхакур (*англ.* Thakur).

[243] Это имя означает буквально «обитель или земля царей», от двух слов: *раджа* – царь или принц, и *стан* – земля, обитель и владение. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Раджастхан (*хинди* Rājasthān, буквально – «страна раджей», *англ.* Rajasthan) – самый большой штат в Индии, расположен на северо-западе.

[244] Солнечная династия или Сурьява́мша (*санскр.* sūrya-vaṃśa) – полумифическая древнеиндийская царская династия, наряду с Лунной династией (candra-vaṃśa, Чандрава́мша). Согласно пураническим повествованиям, основателем династии был Икшваку, царствовавшей в начале второй юги в Айодхье. Икшваку был сыном Ману Вайвасвата, отцом которого являлось само Солнце – Вивасват. От Солнечной династии ведут свое начало и некоторые современные княжеские роды Индии. Из 100 сыновей Икшваку старший, Викукши, основал Солнечную династию Айодхьи, а другой сын, Ними – вторую ветвь Солнечной династии, царствовавшую в Митхиле. «Вишну-пурана» дает полный перечень властителей, принадлежавших этим двум ветвям Солнечной династии. К первой из этих ветвей (ветви Айодхьи) принадлежал и излюбленный индийский герой Рама. Довольно много раджпутских родов ведут свое начало от Солнечной династии.

[245] Замечая о невежестве Европы в отношении Индии, полковник Тод[*], между прочим, говорит следующее: «Великолепие и роскошь при дворах раджпутских владений в ранние периоды истории несомненно были изумительны, не взирая на поэтические вольности и преувеличения их бардов. Северная Индия была с самых ранних времен богата и в ней-то находились богатейшие сатрапии Дария[**]. Во всяком случае, страна эта изобиловала самыми поразительными событиями, могущими служить богатым материалом для истории. Нет того незначительного в Раджистане княжества, которое не имело бы своих Фермопил или городка, не породившего своего Леонида[***]. Но покров веков завесил от потомства то, что̀ перо историка могло бы завещать бесконечному удивлению народов: Сомнаф[****] явился бы тогда соперником Дельф[*****], сокровища Хинда[******] поспорили бы с богатствами ливийского

Владея неистощимым запасом легенд и, как видно, хорошо знакомый с древностями своей страны, Гулаб-Синг оказался самым интересным из всех наших собеседников.

– Вон там на лазоревом фоне неба, – рассказывал нам Гулаб-Лалл-Синг, – рисуется вдали величественный *Бхао-Маллин*[246]; то бывшая обитель святого отшельника, куда теперь ежегодно стекаются толпы пилигримов и где, по глупому народному преданию (прибавил он, улыбаясь), происходят разные чудодейные дела… На верху горы в 2000 футов[247] высоты – платформа крепости, а позади ее еще другая скала в 270 футов[248]; на самой ее остроконечной верхушке находится развалина другой, еще более древней крепости, служившей в продолжение семидесяти пяти лет обителью одному святому. Чем отшельник питался, останется навсегда неразгаданною тайной; вероятно, кореньями, которых, впрочем, на голой скале никогда не бывало. Единственный доступ к этому отвесному возвышению – это высеченные в скале углубления для носка ноги и веревочные перила. Казалось бы, одним только акробатам да обезьянам и лазить по ней? И однако же фанатизм придает индусам, по-видимому, крылья: ни с одним из них никогда не было еще несчастного случая. Как на беду, лет сорок тому назад несколько человек англичан задумали было полезть туда для осмотра развалин. Поднялся ветер и сильным порывом их снесло в бездну. Тогда генерал Диккинсон[249] приказал разрушить доступ к верхней крепости. А нижняя крепость (осада коей стоила бомбейской армии в первые времена их нашествия столько крови и потерь) теперь совершенно брошена[250] и служит логовищем тиграм и орлам…

Между тем англичанин с длинными рыжими усами и, по-видимому, в весьма разгоряченном состоянии ввалился в нашу карету, распространяя сильный запах водки. Он потянул носом воздух, оглядел нас всех испытующим и немного презрительным взором, приостановился, подумал и вышел из кареты.

– Гей, кондуктор! – раздался его хриплый голос с подножки вагона. – Гей! Разве нет здесь другой кареты, где бы можно было сидеть одному без «этих негров»?..

И гордо пошатываясь, пьяный представитель «высшей расы» отправился в другой вагон.

– Пьяная свинья! – брякнул ему вслед американец.

Англичане похваляются и весьма гордятся пред светом цивилизацией, внесенною ими будто бы в страну, и образованием, предоставленным ими «молодой Индии». Между тем они устроили все это таким образом, что ни то ни другое нейдет Индии впрок. Индус, будь он семи пядей во лбу и принадлежи он к высшей касте, не смеет, например, брать билет в первом классе железных дорог; всякий англичанин предоставляет себе право вытурить самым бесцеремонным образом не понравившегося ему туземца, сидящего даже во втором классе, а управление железной дороги в свою очередь удерживает всю плату за второй класс, в то время как оно заставляет его ехать в третьем. Не так давно какой-то офицер приказал богато одетому туземцу выйти из кареты II класса, так как офицеру «хотелось спать». Индус, – служивший судьей в одной из высших инстанций, – учтиво отказался, предъявляя билет и замечая, что имеет на свое место полное право. Офицер позвал кондукторов, и судью-индуса вытолкали. Он жаловался, но дело замяли. Две

царя, и в сравнении с армией братьев Панду – армия Ксеркса[*******] стала бы незначительною горстью людей и отодвинулась бы на задний план» (*Хроника и древности Раджистана* полк[овника] Тода)[********]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Джеймс Тод (1782–1835) – английский востоковед, офицер Ост-Индской компании.

[**] Дарий I – персидский царь (522–486 до н.э.).

[***] Леонид – царь Спарты (491–480 до н.э.), обессмертил свое имя сражением при Фермопилах, когда защищал с 6 тысячами воинов Фермопильский проход при наступлении персидских войск и погиб в бою.

[****] Сомнатх (*англ.* Somnath) – один из самых богатых индуистских храмов.

[*****] Дельфы – древнегреческий город, общегреческий религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона.

[******] Название Индии.

[*******] Ксеркс I – персидский царь (486–465 до н.э.).

[********] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. XV (*Тод Дж.* Летописи и древности Раджастхана. Т. I. Мадрас, 1873. С. XV). Первое издание в двух томах вышло в 1829–1832 гг.

[246] Bawa Malang или Malanggad – крепость, названная по имени суфийского святого Haji Malang (XII в.).

[247] 610 м.

[248] 82 м.

[249] Томас Дикинсон (Dickinson, 1784–1861) – генерал-майор инженерных войск британской армии.

[250] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 316.

недели тому назад случилось то же. Редактор одной калькуттской газеты был таким же образом изгнан из кареты. *Might is right* (право сильного) вошло здесь в пословицу. *«Kali Jug!*[251] – восклицают с мрачным отчаянием старые индусы-консерваторы. – Против Кали-июга (черного века) не пойдешь!» Таким образом, вкоренившийся в них фатализм и уверенность, что во все продолжение этого века ничего хорошего нельзя ожидать и что даже сам могучий бог Шива не в состоянии ни являться, ни помочь им до конца Кали-июга, оправдывает в их глазах даже самые кровные обиды. А молодое поколение индусов, получая свое образование в университетах и лучших высших заведениях, заучив на память Герберта Спенсера, Джона Стюарта Милля[252], Дарвина, а вдобавок и всех немецких философов, теряет веру не только в собственную религию, но и во всякую. Молодые и «образованные» индусы все почти без исключения материалисты, часто впадающие в самый крайний атеизм. Вполне уверенные, что, несмотря на весь свой ум и высшее образование, редко кто-либо из них пойдет выше «старшего помощника младшего клерка»[253], они делаются либо сикофантами[254], омерзительно пресмыкаясь у ног своих властелинов, либо (что̀ еще хуже или, по крайне мере, глупее) начинают издавать либеральную газету, мало-помалу переходящую в революционный орган, пока, наконец, редактор оной не очутится в тюрьме, счастливый еще, если не окончит в ней своего поприща…

Но все это лишь к слову. Пред таинственным и грандиозным *прошлым* Индии, древней *Ариаварты*, ее *настоящее* – естественная тушевка, черная тень на светлом фоне картины, необходимое зло в цикле каждой нации. Индия одряхлела и упала, как падают громадные памятники древности, разбившись вдребезги, но зато каждый из мельчайших кусков этих обломков останется навеки драгоценностью для археолога и артиста[255], и даже со временем может послужить ключом для философа, как и для психолога. «Древние индусы строили как гиганты и заканчивали работу как ювелиры», – восклицает в восторге епископ Гебер[256] в книге своих путешествий по Индии[257]. Описывая «Тадж-Махал» в Агре[258], это поистине восьмое чудо света, он

---

[251] Система индусов заключает в себе *кальпу*[*], или великий период времени, состоящий из 4320000000 лет, который они делят на четыре меньшие *июга* (yug), распределяя их следующим образом:

1-й, Сатия-июг, состоящий из 1728000 лет.

2-й, Трета-июг – 1296000.

3-й, Двапа-июг – 864000.

4-й, Кали-июг – 432000.

Итого 4320000 лет.

Все это вместе составляет один божественный век – *Маха-июг*[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Кальпа, или День Брамы, состоит из тысячи Маха-юг.

[**] Сатья-юга (Satya Yuga), Трета-юга (Treta Yuga), Двапара-юга (Dwapara Yuga), Кали-юга (Kali Yuga), Маха-юга (Maha Yuga).

[252] Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

Джон Стюарт Милль (1806–1873) – британский философ, экономист и политический деятель, основатель английского позитивизма.

[253] Отсылка к простонародному выражению «старший помощник младшего дворника».

[254] Сикофант (*др.-греч.* συκοφάντης) – доносчик, клеветник, шантажист.

[255] художника (*англ.* artist).

[256] Реджинальд Гебер (1783–1826) – английский священник, путешественник, писатель, поэт, епископ Калькутты (1823–1826).

[257] *Heber R.* Narrative of a Journey through the Upper Provinces of India. Vol. II. London, 1828. P. 308 (*Гебер Р.* Рассказ о путешествии по Верхним провинциям Индии. Т. II. Лондон, 1828. С. 308).

Цит. по: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 10 (*Гордон-Камминг К.* От Гебридских островов до Гималаев. Т. II. Лондон, 1876. С. 10).

Констанс Гордон-Камминг (1837–1924) – шотландская путешественница, писательница и художница.

[258] Тадж-Махал[*] – громадный памятник-мавзолей, построенный императором Акбаром[**] над могилой любимой жены. Его тело лежит теперь рядом с нею в Агре на правом берегу реки Юмны[***]. Это здание, которое будет описано мною далее, знаменито своею красотой и не имеет соперников во всем свете. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Тадж-Махал построен по приказу Шах-Джахана (1592–1666), падишаха империи Великих Моголов (1627–1658), в память о жене Мумтаз-Махал (1593–1631). Здесь же был похоронен и сам Шах-Джахан.

[**] Акбар Великий (1542–1605) – третий падишах империи Великих Моголов (с 1556 г.), государственный деятель и мыслитель. Акбар укрепил могущество могольской династии, путем завоеваний значительно расширил границы государства, при этом отличаясь великодушием к побежденным; осуществил ряд крупных государственных и военных реформ, проводил политику религиозной терпимости. При Акбаре Великом достигли своего расцвета

называет его «целою поэмой из мрамора». Но он мог бы также добавить, что трудно найти в Индии хотя сколько-нибудь сохранившуюся развалину, которая бы не повествовала красноречивее целых томов о прошлом Индии, о ее религиозных стремлениях, верованиях и надеждах.

Нигде в мире древности, не исключая даже фараоновского Египта, переход от субъективного идеала к демонстрации оного объективным символом не выражен более отчетливо, искусно и вместе артистически, как в Индии. Весь пантеизм Веданты заключается в символе двуполого божества *Арданари*[259]. Он окружен двойным треугольником, известным в Индии под именем «знака Вишну»; возле него лежит лев, бык, орел; в руке у него полный месяц, отражающийся в воде у ног его. Веданта учит несколько тысяч лет уже тому, что̀ некоторые немецкие философы проповедовали в прошлом и в настоящем столетиях, а именно, что все объективное в мире, как и сам мир, не более как иллюзия, *майя*, призрак нашего воображения, заключающий в себе столь же мало действительности, как отражение луны в воде; как феноменальный мир, так и наша субъективная концепция об *ego*[260] – одна греза. Истинный мудрец никогда не поддастся обольщениям иллюзии. Он знает, что человек познает самого себя и становится настоящим *ego* лишь по окончательном слиянии собственной частички с целым, соделавшись[261] неизменным, вечным, всемирным *Брамой*, и поэтому весь цикл рождения, жизни, дряхлости и смерти в его глазах один фантазм[262] воображения…

Вообще говоря, философия Индии, раздробленная на бесчисленное множество метафизических учений, имеет в связи с ее онтологическими доктринами столь развитую логику и такой замечательной утонченности психологию, что может поспорить в этом со всеми древними и современными школами как идеалистов, так и позитивистов и побить каждую поодиночке. Позитивизм мистера Луиса (Lewes)[263], подымающий дыбом от ужаса каждый волосок на голове оксфордских богословов, является какою-то карикатурною игрушкой пред учением атомистической школы войсешики[264] с ее миром, разделенным, как шахматная доска, на шесть категорий вечных атомов, 9 веществ, 24 качества и 5 движений. И как ни трудным и даже невозможным кажется верное представление всех этих абстрактных идей, идеалистических, пантеистических и даже чисто материалистических в сжатой форме аллегорических символов, однако ж, Индия сумела более или менее успешно выразить все эти учения. Она обессмертила их в уродливых о четырех головах кумирах, в геометрических формах своих замысловатых храмов и памятников и даже в запутанных линиях и знаках на лбах своих сектантов.

Обо всем этом и о другом рассуждали мы с нашими спутниками-индусами. Присевший к нам на одной из станций католический *падре*, учитель из иезуитской коллегии Св. Ксаверия[265] в Бомбее, не выдержал и вмешался в разговор. Улыбаясь и потирая руки, он полюбопытствовал узнать, в силу каких софизмов мог бы наш спутник доказать что-либо подходящее к философскому объяснению, например, «в основной идее четырех лиц этого увенчанного змеями, уродливого Шивы, что̀ торчит там при входе пагоды», заключил он, тыкая по направлению идола пальцем.

культура и искусство Индии (см.: *Шапошникова Л.В.* Великий император // *Шапошникова Л.В.* Вестники Космической эволюции. Т. I. М., 2012. С. 114–131).

[***] Река Джамна (Джумна, Ямуна, *англ.* Yamuna).

[259] Ардханари или Ардханаришвара (*санскр.* Ardhanārīśvara) – андрогинное индуистское божество, объединенная форма божества Шивы и его супруги богини Парвати (также известной под именами Деви, Шакти и Ума). Ардханаришвара изображается как наполовину мужчина – наполовину женщина. Как правило, правая сторона божества изображается как Шива, а левая – как Парвати. Мифология Ардханаришвары изложена в Пуранах.

[260] «Эго (лат.). “Я”; сознание в человеке “я есмь я” или чувство “я есмь”. Эзотерическая философия учит о существовании двух Эго в человеке: смертного, или *личного*, и Высшего, Божественного и Безличного, называя первое “личностью”, а второе – “Индивидуальностью” (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 468).

[261] Соделать (*устар.*) – сделать, сотворить, совершить, учинить, произвести или устроить.

[262] призрак (*англ.* phantasm).

[263] Джордж Генри Льюис (1817–1878) – английский философ-позитивист, журналист, литературный критик.

[264] Система вайшешики (*санскр.* vaiśeṣika) – одна из шести главных теистических школ индийской философии.

[265] Франциск Ксаверий (1506–1552) – католический святой и миссионер, один из основателей ордена иезуитов, был первым католическим миссионером в Японии.

– Очень просто, – отвечая бенгальский *бабу́*. – Вы видите, что эти четыре лика направлены к четырем странам света – к югу, к северу, западу и востоку?.. Но эти лица на одном туловище и принадлежат одному богу…

– Вы прежде объясните нам философскую идею четырех лиц и восьми рук вашего Шивы, – заметил он.

– С большим удовольствием… Считая нашего великого Рудру[266] *вездесущим*, мы изображаем его с лицом, повернутым в одно и то же время во все четыре стороны, восемь рук указывают на его всемогущество, а одно туловище напоминает, что хотя он везде и всюду и никто не может избежать как его всевидящего ока, так и карающей его длани, но все же он един…

Падре хотел было что-то сказать, но поезд остановился: мы приехали в Нарель.

[266] Имя Бога в «Ведах». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Рудра (*санскр.* rudra яростный, ревущий, красный) – ведийское божество и одна из форм индуистского бога Шивы связанная со смертью, охотой, грозой, ветром, бурей, исцелением; Рудра персонифицирует гнев, ярость.

V

Прошло едва 25 лет с тех пор, как Матеран – громадная масса различных родов траппа[267], большею частью сильно кристаллизованного – был впервые попран ногой белого человека. Под самым боком Бомбея, всего в нескольких милях от Кхандалы (летней резиденции европейцев), грозные вершины этого великана долго считались совершенно неприступными. К северу его гладкая и почти перпендикулярная стена возвышается на 2450 футов[268] над долиной реки Пен, а еще выше возносятся до облаков бесчисленные вершины отдельных скал, холмы, покрытые дремучим бором и пересеченные долинами и пропастями. В 1854 году железная дорога пронизала один из боков Матерана и теперь доходит до подножия последней горы, останавливаясь в Нареле, котловине, где еще недавно была одна только пропасть. Оттуда до верхней площадки остается около 8 миль, и туристу приходится выбирать между пони и паланкином, закрытым либо открытым, смотря по вкусу[269]. Так как мы приехали в Нарель только к шести часам пополудни, то последний способ представлял маленькое неудобство: цивилизация одолела неодушевленную природу, но до сих пор еще, невзирая на весь деспотизм властелинов, не могла преодолеть ни тигров, ни змей. Если первые удалились в более непроходимые трущобы, зато змеи всевозможных родов, особенно кобры и *коралилло*, живущие предпочтительно на деревьях, царствуют в матеранских лесах, как и во времена оные, и ведут против узурпаторов настоящую герильясскую[270] войну. Горе запоздавшему пешеходу или даже всаднику, проезжающему под деревом, на котором засела такая змея! Кобры и другие пресмыкающиеся по земле породы редко нападают на человека, разве только в случае, если неосторожная нога наступит на них; вообще же они бегут и прячутся от людей. Но эти лесные герильясы, *tree serpent*, кустарные змеи, выжидают жертв. Едва голова человека поравняется с ветвью дерева, на котором приютился «враг человечества», как, укрепясь за ветку хвостом, змея ныряет всею длиной туловища в пространство и жалит человека *в лоб*. Этот любопытный факт, долго считавшийся вымыслом, теперь проверен и принадлежит к фактам естественной истории Индии. В подобных случаях туземцы видят в змее посланника смерти и исполнителя воли кровожадной Кали, супруги Шивы[271].

Но вечер после знойного дня был так обаятелен, а лес манил нас издалека такою прохладой, что мы решились рискнуть. Среди этой дивной природы, где так и тянет стряхнуть с себя земные оковы, обобщиться с нею жизнию беспреградною, и самая смерть в Индии является *привлекательною*.

К тому же после восьми часов вечера всходила полная луна, и нам предстояло трехчасовое путешествие в гору в одну из тех лунных тропических ночей, за которые туристы готовы приносить всевозможные жертвы и которые одни только истинные, великие художники и способны описать. Молва начинает громко произносить имя нашего В.В.Верещагина[272] как одного

---

[267] Трапп (*швед.* trappa лестница) – особый тип континентального магматизма, для которого характерен огромный объем излияния базальта за геологически короткое время на больших территориях.

[268] 747 м.

[269] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 315.

[270] Герильяс (*исп.* guerrillas) – участник герильи, партизанской войны (в Испании и странах Латинской Америки).

[271] Ка́ли (*санскр.* Kālī, «черная») – богиня в индуизме, одна из десяти дашамахавидья. Кали является яростной формой Шакти и появляется в мифологии как уничтожитель демонов. Гнев Кали настолько ужасен, что грозит существованию мира, поэтому особая тема в мифологии – усмирение Кали. Также в мифологии Кали – защитница богов и дарующая освобождение. Последователи тантрического шактизма и различных тантрических сект поклоняются ей как высшей реальности или Брахману. Кали является объектом поклонения множества культов и религиозных течений. Кали часто изображается стоящей или танцующей на своем супруге, боге Шиве.

[272] Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) – живописец, один из наиболее известных художников-баталистов, литератор; дважды побывал в Индии, в первый раз в 1874–1876 гг., жил в Бомбее, посещал Мадрас, Агру, Дели, Джайпур, совершил трехмесячное путешествие в Гималаи, в области, пограничные с Тибетом, Кашмир и Ладакх; во второй раз в 1882–1883 гг. находился в Бомбее, Агре и Дарджилинге; по результатам этих путешествий созданы многочисленные картины индийской серии (см.: Reiseskizzen aus Indien von Herrn und Frau Wereschagin. Leipzig, 1882 (Путевые наброски из Индии г-на и г-жи Верещагиных. Лейпциг, 1882); Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных. В 2-х т. СПб., 1883–1884; *И.М.* Русский художник в Гималаях // Новое время, 1882, №2393, 26 октября).

из тех немногих художников, которые сумели передать на полотне всю прелесть лунной ночи в Индии…

Пообедав на скорую руку в *дак-бёнглоу*[273] (почтовой станции), мы потребовали наши кресла-носилки. Нахлобучив покрепче на лбы наши *топи* с их широкими, крышей спускающимися на глаза и затылок полями, мы отправились в 8 часов вечера в путь. Восемь *кули*, одетых по обыкновению в «виноградные листья» из тряпок, подхватили каждое кресло и с гиком и криком, бессменными спутниками индусов, пустились в гору. За каждым креслом бежали по восьми человек переменных носильщиков, и того, не считая индусов со слугами верхом, 64 человека: армия, способная спугнуть любого забредшего из *джонгля* леопарда или тигра, словом, всякого зверя, исключая только наших бесстрашных «кузенов» по прадедушке Ханумана. Едва мы повернули из аллеи в лесок у подножия горы, как несколько десятков этих родственников присоединились к нашему шествию. Благодаря заслугам союзника Рáмы, обезьяны считаются в Индии священными, почти неприкосновенными. Правительство, следуя в этом старинной мудрости Ост-Индской компании, запрещает трогать их или даже прогонять их из городских садов, а тем менее из принадлежащих им по праву лесов. Перескакивая с одной ветки на другую, стрекоча как сороки и делая страшнейшие рожи, они, как ночные кикиморы, преследовали нас почти во всю дорогу. Облитые светом полной луны, они висли, как русалки, на деревьях и, далеко забегая вперед, поджидали нас на поворотах дороги, словно указывая нам путь. Один младенец-макашка так и свалился ко мне в ноги на носилки. В одно мгновение ока родительница его, бесцеремонно перескакивая по плечам носильщиков, явилась тут же и, прицепив младенца к груди, скорчила мне самую богопротивную гримасу… и была такова.

– *Бандры*[274] (обезьяны) всегда приносят своим присутствием счастье, – заметил мне в утешение за измятую топи один из индусов. – К тому же, если мы видим их здесь ночью, то можем оставаться совершенно спокойными: наверное на десять миль кругом нет ни одного тигра…

Все выше и выше подымались мы по крутой, извилистой тропе, а лес становился все гуще, темнее и непроходимее… Под чащей иногда становилось темно, как в могиле; пробираясь под вековыми баньянами, невозможно было различить в двух вершках собственный палец. Мне казалось непонятным, чтобы люди шли тут иначе как ощупью, но *кули* даже ни разу не споткнулись, а напротив, прибавили шагу. Все, как бы сговорясь, молчали в такие минуты; среди этого тяжелого, окутывающего нас, как флером, мрака слышалось лишь короткое, прерывистое дыхание носильщиков да мерная, мелко выбиваемая дробь нервных шажков их босых ног по каменистому грунту тропинки… Делалось больно, стыдно за человечество или, скорее, за ту часть человечества, которая способна была превратить другую во вьючных животных. И эти несчастные с одного конца года до другого получают за подобную работу по 4 *анны*[275] в день на человека: 4 *анны*, то есть менее 8 коп[еек] в сутки за совершение путешествия вверх и вниз на 8 миль в конец не менее двух раз или четырех концов, чтò составляет 32 мили на возвышенности 1500 футов[276] и к тому же с ношею на шеях в 6 пудов[277]!.. Впрочем, в Индии, стране застывшей в вековых обычаях, где все идет по одному шаблону, 4 *анны* – законная плата за день какой угодно работы. Призовите искусного поденщика-ювелира, и он сядет, поджав ноги, на пол, без всяких инструментов, кроме щипцов и крошечной железной печи, и создаст вам из вашего золота и по данному рисунку украшение, достойное мастерской фей. За это, то есть за 10 часов работы, он потребует 4 *анны*…

Но вот чаще и чаще стали попадаться просеки и открытые площадки, где становилось светло, как днем. Миллионы кузнечиков трещали по лесу, наполняя воздух металлическим звуком, напоминающим гудение губной гармоники; гоготали совы, и стаи испуганных попугаев метались с одного дерева на другое. По временам доносилось до нас издалека, из глубины

---

[273] Dak bungalow.

[274] Бандар (*хинди*) – обезьяна.

[275] А́нна – разменная индийская колониальная монета, равная 1⁄16 рупии.

[276] 460 м.

[277] 98 кг.

Пуд – единица измерения массы русской системы мер, равная 16,4 кг.

поросшей дремучим лесом пропасти, долгое, громоподобное рычание тигра, могучий рев которого, по словам *шикари* (охотников), можно слышать в тихую ночь за много миль. Освещенная, словно бенгальским огнем, панорама изменялась при каждом повороте. Реки, поля, леса и скалы, расстилаясь у ног наших на необозримом пространстве, волновались, дрожали, облитые серебряным светом, переливались, как волны марева… Фантастичность этой картины просто захватывала дух; кружилась голова, когда заглядывали мы в эти глубины на 2000 фут[ов][278] вниз при неверном свете луны, а бездна так и тянула к себе… Один из наших спутников (американец), ехавший верхом, принужден был сойти с лошади и пойти пешком, боясь невольно поддаться влечению и нырнуть в бездну головой вниз. Несколько раз мы встречали спускавшихся с Матерана совершенно одиноких мужчин и даже молодых женщин, возвращавшихся с поденной работы на горе в свои села. Но случается нередко, что ушедший накануне человек не возвращается более и пропадает без вести. Полиция хладнокровно решает, что его унес тигр или убила змея, и исчезновение предается тут же забвению: что̀ может значить одною личностью более или менее среди 240 миллионов народонаселения Индии? Но странно поверье, существующее между племенами Деккана, сгруппированными вокруг этой таинственной и доселе во многих местах еще неисследованной горы. Поселяне уверяют, будто, несмотря на число погибающих в горах, никогда еще не было найдено в лесу *ни одного скелета*: покойник, будь он целым или обглоданным тиграми, тотчас же переходит во владение обезьян; они собирают кости и хоронят их в глубоких ямах, зарывая так искусно, что не остается и малейшего следа. Англичане смеются над этим поверьем, но полиция не отрицает бесследного исчезновения тел. При прорытии горы для железной дороги найдено на удивительной глубине несколько скелетов, сохранивших как бы измятые зубами зверей и переломанные браслеты, и серебряные украшения на руках, ногах и шеях. Эти украшения доказывали, что их владельцев зарывали не люди, так как ни религия индусов, ни жадность их не допустила бы их до этого… Неужели же в царстве животных, как и между людьми, рука руку моет?

Переночевав в португальской гостинице, свитой, как орлиное гнездо, из бамбука и прилипшей к почти перпендикулярно обрывающемуся боку скалы, мы встали с рассветом и, обойдя все знаменитые красотой *points de vue*[279], тотчас же собрались в обратный путь. Днем панорама являлась еще великолепнее: недостаточно целых томов для ее описания. Не будь горизонт замкнут с трех сторон истерзанными гребнями горных хребтов – все плато Деккана явилось бы пред глазами. Бомбей – как на ладони; лиман, отделяющий город от Сальсеты, кажется тонкою серебристою струйкой. Как змея извивается он кольцами по направлению к гавани, окружает Канери[280] и другие острова, разбросанные, словно горошинки, по светлой скатерти вод, пока, наконец, не сливается нестерпимо блестящею линией с далеким горизонтом Индийского океана. С другой стороны – северный Конкан, замыкаемый хребтом Таль-Гхат[281]; иглообразные верхушки скал Джано-Маòли и, наконец, зубчатый кряж Фунелля, грозный силуэт которого, словно за́мок сказочного великана, обрисовывает свои темные линии на далекой, дымчатой синеве неба. Далее плоскоголовый Парбуль – седалище богов, с которого Вишну во времена оные переговаривался, по преданию, со смертными. А там, внизу, где ущелье расширяется в долину, всю испещренную громадными иглами отдельных скал, из коих каждая полна исторических и мифологических легенд, синеет другая цепь еще более высоких и странных формой гор. То Кхандала, над которою нависла громадина, известная под именем «Герцогского Носа»[282]. На противоположной стороне под самою макушкой горы – «Карли» или *Курли*, по мнению археологов, самый древний и лучше всех других сохранившийся пещерный храм Индии.

Тому, кто совершал несколько раз перевал через Кавказские горы и следил за громом и молнией под ногами с Крестовой горы, кто побывал на Альпах и посетил Риги[283], знаком с Андами и Кордильерами и обходил все углы Катскильских гор в Соединенных Штатах, – тому,

[278] 610 м.
[279] виды (*фр.*).
[280] Канхери (*англ.* Kanheri).
[281] Thal Ghat.
[282] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 316–317.
[283] Риги – гора в центральной Швейцарии, относится к Альпам.

надеюсь, будет дозволено выразить свое скромное на этот счет мнение. Быть может, Кавказские горы и величественнее и в отношении красоты нисколько не уступают *Гхатам* Индии, но то красота чисто условная, классическая, если можно так выразиться; она внушает восторг, но вместе с тем и страх: человек чувствует себя пигмеем пред этими Титанами природы. Но в Индии, за исключением Гималай, чувство, возбуждаемое горными видами, совершенно другого рода. Самые высокие вершины нагорной равнины Деккана, как и треугольной цепи, обрамляющей Северный Индостан, и даже Восточных *Гхат*, не превышают 3000 фут[ов][284]. В одних только Западных Гхатах, расстилающихся вдоль всего Малабарского берега[285] от мыса Коморин до реки Сурат, найдутся вершины в 7000 футов[286] над уровнем моря. Поэтому не с белым как лунь дедушкой Эльбрусом или Казбеком вышиной в 15–16000 футов[287] мы позволим себе сравнить горы Индостана. Главная и совершенно своеобразная прелесть последних состоит в изумительно прихотливой их форме. Эти горы или, скорее, отдельные вулканические скалы, иногда тесно прижатые друг к другу, тянутся хребтами, но чаще всего, к великому затруднению геологов, разбросаны без всякой видимой причины в самых неподходящих к ним по грунту местностях. На каждом шагу пространные долины, замкнутые, как стеной, высокими скалами, по кряжу которых часто пролегает железная дорога. Взгляните вниз, вам померещится, будто пред вами мастерская прихотливого Титана-ваятеля, наполненная разбросанными полуоконченными группами, статуями, памятниками… Вот невиданная птица, распустив крылья и разинув пасть дракона, сидит на голове чудовища в 600 футов[288] вышины; возле нее бюст человека в зубчатом, как стена феодального за́мка, шлеме; далее сказочные, пожирающие друг друга животные, безрукие статуи, шары, наваленные кучами, одинокие стены с бойницами, переломленные мосты и башни. Все это перепутано, разбросано; все с каждым новым шагом изменяет форму, как призрачные видения во время лихорадочного сна… А главное, нет здесь ничего искусственного; все это чистая игра природы, которою при случае и пользовались древние строители. Человеческое искусство в Индии следует чаще искать *внутри*, чем *на поверхности* земли. Как бы стыдясь или считая грехом соперничать с изваяниями природы, индусы редко строили свои древние храмы иначе, как в недрах земли. Выбрав, например, пирамидально заостренную скалу или куполообразный холм, как в Элефанте и Карли, они выдалбливали их, по преданию Пуран, в продолжение веков по планам, грандиозность которых превышает все понятия современной архитектуры и теперь совершенно ей недоступна. Басни (?) о циклопах оправдываются в Индостане еще более, нежели в Египте.

Из Нареля проезд в Кхандалу совершается по железной дороге, напоминающей своею удивительною постройкой такую же дорогу из Генуи вверх чрез Апеннинские горы. Это путешествие скорее можно назвать «воздушным», нежели сухопутным. Дорога проходит на возвышении 1400 футов[289] над Конканом, и в иных местах одна сторона рельсов проложена на острых гребнях скал, в то время как другая опирается на своды арок; один виадук в Мали-Кхинде возвышается на 163 фута[290].[291] В продолжение двух часов мы летели между небом и землей, окруженные с обеих сторон пропастями, густо заросшими цветущими манговыми деревьями и бананами. Надо отдать справедливость английским инженерам: они строят великолепно.

Переезд через Бхор-Гхат совершен благополучно, и мы в Кхандале. Наш *бёнглоу* построен на окраине пропасти, глубину которой тщательно скрыла природа самою роскошною растительностью. Все в цвету, и одной этой бездонной ямы стало бы на всю жизнь ботаника. Пальмы исчезли; они растут лишь на морских берегах и их заменили баньяны, манго, *пипал* (*Ficus religiosa*), смоковницы и тысячи других деревьев и кустарников, пород для нас, профанов,

[284] 914 м.

[285] Малаба́р – историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты. Иногда название Малабар применяют ко всему юго-западному побережью Индостана, которое называется Малабарский берег.

[286] 2130 м.

[287] 4570–4880 м.

[288] 183 м.

[289] 427 м.

[290] 50 м.

[291] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 320.

неведомых. Флора Индии была не раз оклеветана: ее обвиняли в том, что цветы ее прекрасны, но без запаха. Быть может, в известные сезоны замечание окажется справедливым, но пока цветет жасмин и различных родов бальзамина, белая тубероза и золотистая *чампа*[292] – царь по величине меж цветущими деревьями, то это совершенная неправда. От одного запаха *чампы*, растущей обыкновенно на гористых местностях и цветущей, как алоэ, один раз каждые сто лет, может закружиться голова, а в этот год сотни таких деревьев цвели на Матеране и в Кхандале.

Сидя в тот вечер на веранде отеля над пропастью и невольно залюбовавшись окружающими нас видами, мы заговорились почти до полуночи. Подсевший было к нам англичанин, старый отставной капитан, заметив, что мы не делаем никакой разницы в нашем обращении между ним и индусами и не воскуриваем ему как представителю «*высшей* расы» ни малейшего фимиама, холодно раскланялся и ушел. Все вокруг нас спало, и мы остались одни с нашими спутниками, говорившими по-английски не хуже любого оксфордского профессора. Кхандала, большая деревня, построенная на гладкой ровной возвышенности одной из гор хребта Сахиядри[293] (около 2200 футов[294] над морем), окружена изолированными холмами такой же странной формы, как и прочие. Один из них, прямо пред нами на противоположной стороне пропасти, представлял совершенное подобие длинного одноэтажного строения с плоскою крышей и зубчатым парапетом. Индусы клялись, что в окрестностях этого холма существует потайной вход, ведущий в пространные залы под холмом – целый подземный дворец, и что есть еще люди, владеющие тайной этой подземной обители. Святой отшельник, йог и маг, «обитающий уже много столетий» в подземелье, открыл тайну оного знаменитому махратскому вождю Сиваджи[295]. В этой таинственной обители непобедимый герой, как Тангейзер в опере Вагнера[296], провел семь лет своей юности; там он и приобрел свою необычайную силу и храбрость.

Сиваджи – декканский Илья Муромец XVII столетия, вождь и царь махратов, основатель их весьма недолгой империи. Ему одному Индия обязана ослаблением, если не совершенным уничтожением мусульманского ига. Маленького, как женщина, роста, с рукой, как у ребенка, он, однако же, владел необычайною силой, которую, конечно, соотечественники его приписывают колдовству. До сих пор его сохраняющаяся в музее сабля приводит всех в изумление своею величиной и тяжестью, в то время как разве только десятилетний ребенок в состоянии просунуть руку в узкую рукоятку. Основанием славы нашего героя, сына бедного офицера на службе у могульского императора, послужило умерщвление этим новым Давидом мусульманского Голиафа – Афзал-хана[297]. Но он убил его не пращой, а страшным махратским орудием *вагхнакхом*[298],[299] состоящим из пяти длинных, стальных, заостренных, как иглы, и крепких, как железо, когтей, которые публичные бойцы надевают на пальцы правой руки и затем рвут друг друга, как дикие звери, на куски. Деккан полон преданиями о Сиваджи, и даже английские историки упоминают о нем с большим уважением. Как в легенде о Карле Великом[300], одно из местных преданий уверяет, что он не умер, а обитает до поры до времени в одном из многих подземелий горных хребтов Сахиядри. Когда пробьет час освобождения (по исчислению астрологов он недалек), Сиваджи явится и снова освободит свою любимую родину.

Хитрые и ученые брамины, настоящие иезуиты Индии, пользуются этими глубоко вкоренившимися в народе преданиями, чтобы выманивать у них деньги, часто даже последнюю корову, кормилицу целых семей. Привожу курьезный пример случившегося всего месяца два тому

---

[292] Магнолия чампака – вечнозеленое дерево, достигающее в высоту 50 м или более.

[293] Сахьядри (*англ.* Sahyadri) – так называют Западные Гхаты.

[294] 671 м.

[295] Шиваджи (Shivaji, 1630–1680) – национальный герой Индии, после столетий мусульманского господства на западе Декана поднявший восстание против мусульманских властителей и к 1674 г. создавший на территории штата Махараштра и прилегающих землях государство маратхов.

[296] «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» – опера Р.Вагнера (1845).

Рихард Вагнер (1813–1883) – немецкий композитор и теоретик искусства.

[297] Афзал-хан (Afzal Khan, ?–1659) – генерал султана Биджапура Али Адил-шаха II.

[298] Wagh nakh.

[299] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 340–341.

[300] Карл I Великий (742(747, 748)–814) – король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г.

назад происшествия. В последних числах июля 1879 года появилось послание, таинственно ходившее по рукам в Бомбее. Перевожу буквально с махратского оригинала[301].

«Шри! (Приветствие – непереводимое).

Да будет всем известно, что это послание, начертанное на оригинале золотыми буквами, снизошло в присутствии святых браминов с “Индра-локи” (небо Индры) на алтарь храма Вишвешвары, что̀ в святом граде Бенаресе[302]:

Внимайте и помните народы Индостана, Раджистана, Пенджаба[303] и проч. и проч. В субботу на второй день первой половины месяца *магха*[304] эры Шаливагана[305] 1809 года (то есть 1887 года), ровно через восемь лет, во время Ашвини накшатры[306], когда солнце войдет в знак Козерога, а время дня станет приближаться к созвездию Рыб, то есть ровно в один час и 36 минут по восходу солнца, пробьет конец Кали-июгу и восстановится столь желанный Сатия-июг[307]. На этот раз Сатия-июг продлится 1100 лет. Во все продолжение этого периода сроком человеческой жизни будет 128 лет. Дни удлинятся и будут состоять из 20 часов 48 минут, а ночи из 13 часов и 12 минут, то есть сутки станут длиться ровно 34 часа и 1 минуту. В тот знаменательный для нас первый день Сатия-июга в четыре часа и 24 минуты после восхода солнца к нам прибудет с далекого севера новый царь с белым лицом и златыми кудрями. Он сделается самодержавным владыкой Индии. *Майя* (иллюзия) человеческого неверия со всеми ей подвластными ересями будет низвергнута в Паталь[308], а *майя* достойных и благочестивых людей поселится с ними и поможет им наслаждаться жизнию в *Мрётин-локе*[309]. Да будет также всем и каждому известно, что тому, кто поможет в распространении сей божественной рукописи за каждую отпустится столько грехов, сколько обыкновенно отпускается набожному человеку за пожертвование брамину ста коров. Что̀ же касается неверующих и непомогающих нам, то они будут отправлены в *Нараку*[310] (ад).

Передано и переписано рабою бога Вишну в храме Вишвешвары в Бенаресе – Мадлау Шрирам в субботу 7-го дня первой половины шраваны[311] 1801 года эры Шаливагана…» (то есть 26 июля 1879 года).

Дальнейшая судьба этого невежественно-хитрого послания мне неизвестна; остановила ли полиция распространение оного или нет – дело мудрых правителей. Но оно превосходно характеризует как легковерие погрязшего в фанатизме народа, так и бессовестность браминов, эксплуатирующих свою несчастную паству.

Чрезвычайно интересно в отношении названия *Паталь,* – буквально означающего «преисподнюю», – одно открытие, сделанное санскритским ученым (суами Дайанандом Сарасвати, о котором мы говорили во втором письме), особенно если оно подтвердится филологами, как это обещано фактами. Дайананд доказывает, что древние арийцы знали и даже посещали Америку, которая и называется в древних рукописях Паталем – преисподнею страной, из имени которой позднее народная фантазия создала ад, вроде греческого Ἀΐδης[312]. Он подтверждает свое открытие изобильными цитатами из старейших писаний, особенно из легенд о

---

[301] Оригинал был переведен на все диалекты Индостана (которых 273!!). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[302] Храм Каши Вишванатх или Каши Вишванатх мандир – один из наиболее известных индуистских храмов, посвященный Шиве и находящийся в священном городе Варанаси (Бенарес). Главное божество храма известно как Вишванатх или Вишвешвара, что значит «Владыка сущего».

[303] Пенджа́б – штат на северо-западе Индии. В этом штате в начале XVI в. возник сикхизм.

[304] *Магха* – 11-й месяц по летосчислению эры Шаливагана. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[305] Шаливахана (*англ.* Shalivahana).

[306] Ашвини накшатра – первое из 27 созвездий на пути луны. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Ашвини́ – первая накшатра (созвездие) лунного дома в индуистской астрологии.

[307] То есть придет конец Маха-июга – великого цикла, обнимающего все четыре *июга*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[308] *Паталь*[*] – в одно и то же время преисподняя (ад) и антиподы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Патала (*санскр.* Pātāla).

[309] *Мрёта* – наша земля; «Мрётин-лока»[*] – место нашей земли. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Мритью-лока (*англ.* Mrityu-Loka).

[310] Нарака (*санскр.* naraka).

[311] Шравана – пятый месяц индусского года. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[312] Аид (*др.-греч.*).

Кришне и его любимом ученике Аржуне[313]. В истории о последнем говорится, что Аржуна, один из пяти *Пандавов*[314], потомков династии луны, отправившись путешествовать, посетил Паталь, где и женился на вдовствующей дочери царя «Нагуала» по имени *Иллупль*[315]. Сравнив эти имена отца и дочери, мы находим следующие выводы, сильно говорящие в пользу предположения суами Дайананда.

1) *Нагуалами* зовутся до сей поры колдуны мексиканских индейцев[316], аборигенов Америки. Как ассирийские и халдейские *наргалы* – главы магов, так *наугал* Мексики соединяет в своей особе должности священника и колдуна, держащего при себе демона в виде какого-либо животного, обыкновенно змеи или крокодила. Они считаются потомками *Нагуа*, царя змей. Аббат Брассёр де Бурбург[317] в своем сочинении о Мексике очень распространяется о них, называя *нагуалов* слугами нечистой силы, которая, в свою очередь, служит им до поры до времени. На санскритском языке змея тоже называется *нага* (naga) и «Царь-Наг» играет большую роль в истории Будды и Пуранах. По преданию, сам Аржуна ввел это поклонение змеям в Патале. Стечение обстоятельств и тождественность имен до того поразительны, особенно когда мы находим их в двух совершенно противоположных странах света, что, право, стоило бы нашим ученым обратить на это внимание.

2) Имя жены Аржуны *Иллупль* чисто древнемексиканское, и если мы отбросим в сторону гипотезу суами, то станет совершенно невозможным объяснить себе присутствие подобного названия в санскритских рукописях задолго до христианских времен. Из всех древних языков и диалектов только между языками аборигенов Америки постоянно встречаются подобные комбинации согласных букв, как *тль, пль* и т.д. Особенно изобилует ими язык тольтеков (или нахуатль[318]), в то время как ни в санскритском, ни в древнегреческом языках их совсем нет. Слова «Атлас» и «Атланта» не представляют удовлетворяющей этимологии ни на каком языке Европы; откуда бы Платон[319] ни взял его, сочинил название *Атлант*[320] не он. А на языке тольтеков мы находим коренной слог *а, атль* – означающий воду и войну: к тому же, по открытии Колумбом[321] Америки, был найден у входа в залив Урага город по имени *Атлан*[322]. В одной только Америке мы встречаем такие названия, как Итцкоатль, Цемпоалтекатль и Попокатепетль[323]. Приходится

---

[313] Арджуна (*санскр.* arjuna белый, светлый) – герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

[314] Пандавы («потомки Панду») – главные герои индуистского эпоса «Махабхарата» – воины-братья, сыновья царя Хастинапуры Панду и его двух жен Кунти и Мадри: Юдхиштхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева (близнецы).

[315] Улупи (*санскр.* Ulūpī) – героиня древнеиндийского эпоса «Махабхарата», царевна нагов и одна из жен Арджуны.

[316] В тексте: индийцев. По-английски слова «индеец» и «индиец» пишутся одинаково: Indian.

[317] Шарль-Этьен Брассёр де Бурбур (Brasseur de Bourbourg, 1814–1874) – французский историк, лингвист, этнограф, один из основоположников научной майянистики.

[318] Науатль (*англ.* Nahuatl).

[319] Платон (428(427)–348(347) до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

[320] См.: *Платон.* Критий, 114a–d.

[321] Христофор Колумб (1451–1506) – испанский мореплаватель, в 1492 г. открывший для европейцев Америку.

[322] Ныне – бедная деревушка рыбаков *Акла*, см. также *Le Mexique* Брассёра де Бурбурга[*] и Baldwin *Pre-historic Nations*, p. 179[**].[***] – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: S'il existe des sources de l'histoire primitive du Mexique dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Ancien monde dans les monuments américains? Par M. Brasseur de Bourbourg. Paris, 1864. P. 50 (Есть ли источники ранней мексиканской истории в египетских памятниках и ранней истории Старого Света в американских памятниках? Месье Брассёра де Бурбура. Париж, 1864. С. 50).

[**] См.: *Baldwin J.D.* Ancient America: In Notes on American Archaeology. New York, 1871. P. 179 (*Болдуин Дж. Д.* Древняя Америка: в заметках по американской археологии. Нью-Йорк, 1871. С. 179).

Джон Денисон Болдуин (1809–1883) – американский политический деятель и антрополог, автор труда «Pre-historic Nations; or, Inquiries Concerning Some of the Great Peoples and Civilizations of Antiquity: and Their Probable Relation to a Still Older Civilizationof the Ethiopians or Cushites of Arabia» («Доисторические народы, или исследование, касающееся некоторых великих народов и цивилизаций древности и их вероятной связи с еще более древней цивилизацией эфиопов или кушитов Аравии», 1869).

[***] См.: *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. XV.

[323] Ицкоатль (Itzcoatl, *науатль* Itzcōhuātl, «Обсидиановый змей») – правитель городов-государств ацтеков с 1427 по 1440 г.

Zempoaltecatl – гора в Мексике.

требовать уж слишком много от слепого случая, чтобы найти в нем такие странные совпадения. Вследствие этого, до удовлетворительного опровержения наукой этого предположения, которого она пока не в состоянии нам предъявить, мы позволяем себе принять гипотезу суами Дайананда как самую благоразумную, хотя бы вследствие аксиомы, что «одна гипотеза равняется другой». Дайананд указывает, между прочим, на Сибирь и Берингов пролив как на путь, пройденный Аржуной 5000 лет тому назад и приведший его в Америку.

Далеко за полночь просидели бы мы, слушая подобные легенды, если бы содержатель гостиницы не прислал предупредить нас об опасностях, угрожающих нам на балконе ночью, особенно в *лунные* ночи. Программа этих опасностей состояла из трех отделений: 1) змеи; 2) дикие звери; 3) дакоиты[324]. Кроме кобры и «скалистой змеи», здешние горы изобилуют породой маленьких горных змей, известных под именем *фурзен*[325], самой опасной из всех пород; укушение их убивает человека с быстротой молнии. Луна привлекает их, и целые компании этих непрошеных гостей залезают на веранды домов «греться»; им тут, во всяком случае, теплее, нежели на земле. Цветущая же и благоуханная пропасть у подножия веранды оказывалась любимым местом прогулки тигров и леопардов, приходящих туда по ночам «напиться» у протекающего внизу широкого ручья и бродящих иногда до самого рассвета под окнами бёнглоу. Наконец, шальные дакоиты, притоны которых рассеяны по этим неприступным для полиции горам, часто стреляют в европейцев из одного лишь удовольствия отправить к праотцам ненавистного им *беллати* (иностранца)[326]. За три дня до нашего приезда жена одного брамина была унесена тигром в пропасть, а две любимые собаки коменданта, спавшие на дворе, были убиты змеями. Не дожидаясь дальнейших объяснений, мы немедленно разошлись по своим комнатам. На рассвете нам предстояло ехать за 6 миль в Карли.

Попокатепетль (*исп.* Popocatepetl, *астекский* Popōcatepētl) – действующий вулкан в Мексике; название происходит от двух слов на языке науатль: *попока* – «дымящийся» и *тепетль* – «холм», то есть *дымящийся холм*.

См.: Mexico // The New American Cyclopædia. Vol. XI. New York, 1861. P. 435, 437 (Мексика // Новая американская энциклопедия. Т. XI. Нью-Йорк, 1861. С. 435, 437).

[324] Дакоит (*англ.* dacoit) – вооруженный бандит.

[325] Песчаная эфа (*лат.* Echis carinatus, *бенгальский* Fursa boda sap) – ядовитая змея рода Эфы из семейства Гадюковые.

[326] См.: «Bilayut, billait – Европа; *араб.* willāyat – королевство, провинция. <…> Willāyat – обычная форма в Бомбее» (*Yule H., Burnell A.C.* Hobson-Jobson. A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical Geographical and Discursive. London, 1903. P. 93–94).

См.: «Wilayat (*хинди, перс.*), также valayat, balait – иностранный, чужая страна; vilayati – иностранец» (*Balfour E.* Cyclopaedia of India and of Eastern and Southern Asia. Vol. V. Madras, 1873. P. 176 (*Бальфур Э.* Энциклопедия Индии и Восточной и Южной Азии. Т. V. Мадрас, 1873. С. 176)).

Эдвард Грин Бальфур (1813–1889) – шотландский хирург, востоковед и один из первых защитников окружающей среды в Индии, основал музеи в Мадрасе и Бангалоре, зоологический сад в Мадрасе.

VI

В пять часов утра мы уже были у подножия горы, доехав в нашей колымаге на волах до последних пределов не только экипажного, но и верхового тракта. Последнюю полмилю мы ехали по настоящему взбаламученному морю камней, а теперь оставалось лишь взлезать или, скорее, карабкаться на четвереньках по тропе, идущей зигзагами вверх по перпендикулярному почти склону в 900 футов[327] высоты. Совершенно растерявшись, посматривали мы на эту историческую громадину, не зная, что̀ делать далее. Почти на самом верху горы, под далеко нависшими скалами, зияло с дюжину черных отверстий; сотни пилигримов в праздничных одеждах ползли по склону, как разноцветные муравьи. Но тут выручили нас наши преданные друзья-индусы. Один из них, приложив ладонь ко рту, закричал громким, пронзительным не то криком, не то свистом. По первому зову раздался ответный сигнал сверху; вслед затем несколько полуголых браминов – наследственные сторожа храма – с быстротой и ловкостью диких кошек запрыгали по скалам сверху вниз. В пять минут они уже были около нас, опутали нас ремнями и затем скорее поволокли, нежели повели вверх. Чрез полчаса измученные, но целые мы уже стояли пред входным портиком главного храма, до той поры сокрытого со всех сторон гигантскими липами и кактусами.

Величественный, весь покрытый скульптурой портик храма (в 52 фута[328] ширины) на четырех массивных колоннах, образующих четырехугольник, покрыт вековым мхом. Впереди портика стоит «колонна льва», так названная от четырех изваянных в натуральную величину львов, сидящих спиной к спине на четырех сторонах капители. Над главною дверью проведена огромная арка, а стены по обе стороны фасадной двери покрыты изваяниями мужских и женских фигур гигантских размеров; впереди этих фигур далеко выдвигаются из стены три колоссальных слона *en relief*[329] с головами и хоботами. Самый храм овальной формы в 128 футов[330] длины и 46[331] ширины; среднее его пространство отделено от правого и левого крыла 42 колоннами, поддерживающими круглый куполообразный потолок; за ним, отделенный от первого алтарем, находится другой купол поменее над комнатой вроде потаенного святилища, служившего внутренним алтарем для древних первосвященников арийского племени. Оба ведущих к ней боковых коридора, не доходя до главного алтаря, обрываются, заставляя предполагать, что в древности здесь были или двери, или стена, которых теперь уже не существует. Все 42 колонны на высоких подножиях, восьмиугольных стержнях и богатой лепной работы на капителях, изображающей на каждой двух коленопреклоненных слонов с двумя сидящими на них фигурами, бога и богини, «самой изящной работы»[332], говорит Фергюсон. По его мнению, храм этот, или *чайтья*[333], сохранился лучше всех других и древнее прочих. Он может быть отнесен к эпохе за 200 лет до Р.Х., так как надпись, разобранная Принсепом[334] на колонне Силастамбы[335], гласит, что *колонна льва* есть жертвоприношение храму от Аджмитры Указы, сына Сахи Равизобхоти, а другая надпись указывает на посещение храма Датхамой Харой (он же и Даттагамини[336]), царем

---

[327] 274 м.

[328] 16 м.

[329] в виде рельефа (*фр.*).

[330] 39 м.

[331] 14 м.

[332] *Fergusson J.* Illustrations of the Rock-Cut Temples of India. London, 1845. P. 28.

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 321.

[333] Чайтья (*санкр.* caitya, *пали* cetiya, огненный алтарь, костер) – культовое сооружение в индийской, буддийской и джайнской архитектуре.

[334] Джеймс Принсеп (1799–1840) – английский историк, лингвист, нумизмат, который прославился расшифровкой надписей Ашоки.

[335] *Journal of the Asiatic Society*, Vol. VI. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Prinsep J.* Note on Col. Sukes' Inscriptions // Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI, 1837. P. 1044 (*Принсеп Дж.* Заметки о надписях полковника Сайкса // Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1837, т. VI. С. 1044).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 321.

Уильям Генри Сайкс (Sykes, 1790–1872) – британский военный, политик, индолог и орнитолог.

[336] Дуттхагамани (Dutthagamani) – царь Шри Ланки (161–137 до н.э.).

цейлонским, на 20 году его царствования, то есть 163 года до нашей эры[337]. Dr.[338] Стивенсон[339] почему-то в этом случае настаивает на 70 годах до Р.Х., уверяя, будто *Карлен* (Карли) построен императором Девобхути[340] под надзором Ксенократа (Дханукàкатà). Но как могло бы это быть ввиду предыдущей и, как доказано, совершенно подлинной надписи? Даже Фергюсон, этот известный защитник египетских древностей и враг древностей Индии, положительно доказывает, что Карли принадлежит к постройкам III века до Р.Х., добавляя притом, что «расположение отдельных частей архитектуры его совершенно тождественно с архитектурой хоров готического круглого или с многоугольными апсидами собора»[341].

Поперек фасада и над главным входом находится галерея, напоминающая вполне хоры, где в католических церквах стоит орган. С паперти, кроме главных дверей, две другие двери ведут в боковые отделы, а над галереей одно, во всю ширину среднего пространства, окно в виде подковы. Таким образом, весь свет падает сверху на *дагхону* (алтарь)[342], оставляя оба крыла густо заслоненными колоннадой и в полумраке, который все усиливается по мере приближения к задней части здания. Для зрителя, стоящего у дверей храма, *дагхопа* должна была, таким образом, казаться окруженною сиянием, за которою чернела непроницаемая тьма, куда не допускался никто из непосвященных. Фигура над *дагхопе*, с возвышения которой «раджи-первосвященники» судили в древние времена народ, носит название «Дхармы-Раджи»[343], индостанского Миноса[344].[345] Над главным храмом еще два выдолбленных в скале яруса; в каждом из них открытая во всю ширину галерея с толстыми резными колоннами, а из галереи идут внутрь горы большие залы-кельи и внезапно оканчивающиеся, по-видимому, глухою стеной коридоры, иногда очень длинные, но теперь бесполезные. Сторожа и хранители святилища либо сами утратили тайну входов, ведущих далее, либо ревниво скрывают ее от европейцев. Старик-брамин и его два сына горько жаловались, что теперь правительство дает им всего лишь 600 рупий субсидии на расходы двух храмовых праздников Шивы, тогда как Ост-Индская компания давала им 2000. Сочувствуя их горю, мы не могли, однако же, не удивиться такому *великодушию*: христиане-правители, выдающие субсидии на языческие празднества и поклонение идолам! Черта редкая! Только в таком случае, зачем же тратить миллионы на миссионеров, вместо того чтоб обращать в христианство своих же многочисленных *нехристей* у себя дома?..

Кроме главной есть множество меньших *вихар*, или храмов-монастырей, еще древнее первой, как полагают археологи, рассеянных по склону горы, но какому именно веку или эпохе принадлежат они, о том не знает никто, кроме немногих браминов, да и те молчат. Вообще говоря, положение археологов в Индии весьма грустное: массы народа, погруженные в невежество, не могут, конечно, оказать им какой-либо помощи, а ученые брамины, посвященные во все тайны потаенных библиотек в пагодах, молчат и стараются всеми силами препятствовать разысканиям археологов. Да и трудно и даже несправедливо было бы обвинять в этом браминов после всего

---

[337] См.: *Fergusson J.* Illustrations of the Rock-Cut Temples of India. London, 1845. P. 30.

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 322.

[338] Доктор (*англ.*).

[339] *Bombay Asiatic Society's Journal*, Vol. V. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Stevenson J.* Sahyádri Inscriptions // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. V, 1857. P. 176 (*Стивенсон Дж.* Надписи Сахьядри // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, 1857, т. V. С. 176).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 322.

Джон Стивенсон (1798–1858) – британский миссионер и индолог.

[340] Девабхути – последний император империи Шунга в древней Индии, правивший в 83–75 гг. до н.э.

[341] *Fergusson J.* Illustrations of the Rock-Cut Temples of India. London, 1845. P. 32.

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 323.

[342] Дагоба – разновидность буддийской ступы, которая характерна для цейлонской и бирманской архитектуры. В своем изначальном смысле слово «дагоба» обозначало специальную камеру в ступе, предназначенную для хранения священных реликвий, однако несколько позднее в ряде стран Юго-Восточной Азии оно вошло в употребление как название всего сооружения целиком.

[343] Дхармараджа (*санскр.* Царь Дхармы, то есть Учения Будды, Закона) – это эпитет Будды Шакьямуни, звание царей-покровителей буддизма. Существует целый ряд правителей, которые считаются в буддийской традиции Дхармараджами: это были, прежде всего, правители древнеиндийских царств.

[344] Минос – мифический царь Крита. Имя его стало синонимом справедливого правителя.

[345] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 323.

случившегося. Горький опыт в продолжение долгих столетий научил их, что их единственное спасение – в осторожности и недоверчивости, иначе и национальная история, и драгоценнейшие их святыни давно пропали бы бесследно. Политические перевороты и мусульманские нашествия, столько веков терзавшие Индию и потрясшие эту страну до самого основания, всеразрушающий фанатизм мусульманских вандалов, католические *падре*, пускающиеся на всякие хитрости лишь бы завладеть рукописями, а затем уничтожить их, – все это более чем оправдывает браминов. Несмотря, однако же, на вековые разрушения, до сих пор в разных местах Индии имеются обширные библиотеки, доступ куда пролил бы яркий свет не только на древнюю историю самой страны, но и на самые темные гипотезы всемирной истории. Некоторые из этих наполненных драгоценными рукописями библиотек находятся во владении туземных принцев и подвластных им пагод, но бóльшая часть в руках джайнов (самой древней секты) и такуров Раджпутаны[346], старинные, наследственные зáмки которых разбросаны по всему Раджистану, как орлиные гнезда на вершинах скал. Знаменитые коллекции в Джассульмере[347] и Патане известны, но недоступны правительству. Рукописи написаны на древнем и давно забытом языке, понятном лишь великому первосвященнику и его посвященным библиотекарям. Один толстый фолиант считается до того священным и неприкосновенным, что он повешен на тяжелой золотой цепи среди храма Чинтамуна в Джассульмере (столице раджпутанской пустыни)[348] и снимается только для обчистки и нового переплета с каждым восшествием нового понтифа[349]. Это сочинение известного в истории Сомадитьи Суру Ачарьи, великого первосвященника домусульманского нашествия. Мантия его сохраняется до сих пор в храме и в нее облачается при посвящении каждый новый первосвященник[350]. Тод, живший столько лет в Индии и приобретший любовь народа и браминов, какой ни один англичанин не добился и не добьется, человек, привязавшийся к этому народу всеми силами души и написавший об Индии единственную правдивую историю[351], не мог получить дозволения даже дотронуться до фолианта. Молва идет, что ему предложили принять веру этой секты, обещая в таком случае посвятить его во все таинства. Страстный археолог, он чуть было не решился на это, но принужденный по болезни ехать в Англию умер, не успев вернуться в свое второе отечество. Таким образом, тайна этого нового тома Сивиллы[352] остается доселе неразгаданною.

То же рассказывают и о Карли, его библиотеках и подземных ходах. А между тем, археологи даже не в состоянии определить, кем построен этот древний храм, буддистами или браминами. Огромная *дагхопа* (алтарь), закрывающая от взоров прихожан находящееся за нею святилище, похожая на низкий минарет с куполом, осенена грибообразною крышей, называемою археологами

---

[346] *Такуры* играют в Индии ту же роль, какую играли в Европе средневековые бароны феодальных времен. Номинально они подвластны или своим владетельным принцам, или же британскому правительству, но *de facto*[*] они ни от кого не зависят. Построенные на неприступных скалах их зáмки, кроме явного затруднения добраться до них иначе как по одному человеку, гуськом, представляют еще ту выгоду, что каждый из них сообщается с подземными ходами, тайна которых переходит лишь наследственно, от отца к сыну. Мы посетили два из таких подземных покоев; один из них способен поместить в своих обширных залах целую деревню. Одни йоги (кроме владельцев) и посвященные адепты имеют свободный к ним доступ. Хорошо известно, что никакая пытка – тем более что они саморучно и ежедневно прибегают к пытке сами – не в состоянии заставить их выдать тайну. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] на деле (*лат.*).

[347] Джайсалмер (*англ.* Jaisalmer).

[348] Пáршва, Паршванатха (877–777 до н.э.) – в джайнской традиции 23-й тиртханкара. Паршванатху молятся для достижения различных желаний, особенно в тантрических обрядах, поэтому он также известен как Чинтамани (драгоценный камень, исполняющий желания). Есть два главных храма Чинтамани Паршванатха: один в Джайсалмере, а другой в Насике.

[349] Понтифик (*фр.* pontife).

[350] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. VIII.

[351] *The Annals and Antiquities of Rajast'han.* By Colonel James Tod. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: Annals and Antiquities of Rajast'han, or, The Central and Western Rajpoot States of India. By Lieutenant-Colonel James Tod. Vol. I–II. London, 1829–1832 (Летописи и древности Раджастхана, или Центральные и Западные раджпутские штаты Индии. Подполковника Джеймса Тода. Т. I–II. Лондон, 1829–1832).

[352] Сивиллы, сибиллы – в античной культуре пророчицы и прорицательницы, экстатически предрекавшие будущее, зачастую бедствия. По одной из теорий, первоначально «Сивилла» – личное имя одной из пророчиц.

зонтиком, как фигуры Будды и китайских мудрецов. Но шиваиты[353], во владении коих находится теперь Карли, уверяют, будто это приземистое здание, похожее на барабан с куполом, есть *лингам* Шивы. К тому же и лепная работа, и вырезанные в скале изваяния богов и богинь не допускают мысли, что этот храм есть произведение буддистов.

«Мое замечание, что пещеры *чайтьи* как бы мгновенно достигли высшего совершенства в архитектурном и в скульптурном смысле, относится в особенности к этому пещерному храму (Карли), – пишет Фергюсон. – Возьмем ли мы нашим путеводителем Махаванзу[354] или надписи царя Азоки[355], как тот, так и другой выбор приводит нас к одному и тому же результату. Очевидно, что эта страна (Деккан) под именем Махараштханы (в рукописях Махаванзы, а в надписях – Питеники) есть та самая необращенная земля, куда Азока на десятом году своего царствования посылал миссионеров Будды; поэтому если допустить это исчисление, то между обращением страны и сооружением этого великолепного памятника прошло не более одного века. В *вихарах* Карли, как и в других таких же, принадлежащих к той же эпохе, нет ничего такого, что̀ не могло бы быть изваяно из натуральной пещеры того же времени, но в храме Карли мы видим такое смешение стилей и такое совершенство работы, что находимся более чем когда-либо в затруднении. Что̀ такое этот памятник древности? Храм ли то браминов или буддистов? Выстроен ли он по плану, начертанному после смерти Сакии Синги[356], или это есть принадлежность еще более древней религии? Наконец, если мы правы, полагая, что рытье пещер началось только после царствования Азоки (в III веке до Р.Х.)[357], то для чего же в то время, как другие *вихары* (за исключением, впрочем, десятков иных, как Элефанта, Аджунта[358], Канери[359] и проч., которые Фергюсон старается придвинуть по возможности ближе к нашим временам) так малы и ничтожны, был предпринят подобный громадный труд прорытия скалы и сооружения именно *этого* храма?»[360]

«That is the question»[361]. Если Фергюсон, вынужденный фактическими доказательствами надписей допустить древность Карли, все-таки станет утверждать, что Элефанта гораздо современнее, то ему едва ли когда-либо удастся выпутаться из этой дилеммы, так как стиль архитектуры тот же, а скульптурная работа еще грандиознее. Приписывать храмы Элефанты и Каннери буддистам, а затем относить их постройку к IV и V, а другую к X столетиям нашей эры, значит навязывать истории странный и ни на чем не основанный анахронизм. После I века по Р.Х. в Индии не оставалось ни одного влиятельного буддиста; разбитые и преследуемые браминами, они бежали тысячами на Цейлон и за Гималаи. Со смертию царя Азоки буддизм стал быстро распадаться, и в Индии его совершенно вытеснил теократический браманизм. Гипотеза Фергюсона, что выгоняемые с материка последователи Сакии Синги, вероятно, искали убежища на окружающих Бомбей островах, также едва ли может выдержать критический анализ. Элефанта

---

[353] Шиваизм или шайвизм – одно из основных направлений индуизма, традиция почитания Шивы. Шиваизм широко практикуется по всей Индии и за ее пределами, в особенности в Непале и Шри-Ланке.

[354] Махавамса («Великая хроника», *пали* Mahāvaṃsa, *англ.* Mahawanso) – историческая хроника Цейлона (V в.), авторство приписывается монаху Маханаме из Анурадхапуры.

[355] Ашока (*санскр.* Aśoka) – индийский император империи Маурьев (273–232 до н.э.); известен главным образом как великий покровитель буддизма; по мнению современных исследователей, для превращения буддизма в мировую религию этот правитель сделал больше, чем кто бы то ни было.

[356] Шакья Синха (Sakia Sinha) – «сакийский лев» – так называли Гаутаму Будду.

[357] Умер в 222 до Р.Х. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[358] Аджа́нта (*англ.* Ajanta) – буддистский храмово-монастырский пещерный комплекс в Индии в штате Махараштра. Представляет собой утес в виде подковы с 29 пещерами. Они подразделяются на два основных типа – чайтья (молельные залы, продолговатые в плане, с двумя рядами столбов, апсидой в торце) и вихара (квадратных в плане залов, окруженных с трех сторон кельями или святилищами со статуями Будды, имеют при входе портик-террасу) – общежитие буддийских монахов. Настенная роспись пещер всемирно известна. Живопись, сохранившаяся во фрагментах, – иллюстрации к буддийским легендам и мифам, но по сути она раскрывает панораму общественной жизни во всем ее разнообразии.

[359] Пещеры Канхери (*англ.* Kanheri caves) – хорошо сохранившийся буддийский пещерный храмово-монастырский комплекс около Боривали, пригорода Мумбаи. Он насчитывает 109 пещер.

[360] См.: *Fergusson J.* Illustrations of the Rock-cut Temples of India. London, 1845. P. 30–31.

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 322.

[361] «Вот в чем вопрос» (*англ.*) – слова из трагедии «Гамлет» В.Шекспира.

и Сальсетта под боком Бомбея (всего в двух и пяти милях) наполнены древними храмами индусов. Возможно ли предположить, чтобы брамины, более чем когда-либо в силе пред периодом, предшествовавшим мусульманскому нашествию, фанатики и смертельные в ту эпоху враги буддистов, дозволили ненавистным им еретикам строить буддистские пагоды не только в своих владениях вообще, но в «Гхарипури» в особенности, на острове их священного «города пещерных храмов»? Не нужно быть ни специалистом-архитектором, ни великим археологом, чтобы с первого же взгляда убедиться в том, что храм Элефанты, например, есть работа циклопов, требующая столетий, а не годов. В то время как в Карли все выстроено и высечено по строго обдуманному плану, в Элефанте как бы тысячи разных рук, задаваясь каждая своим планом и следуя собственной идее, созидали каждая в свое время. Все три пещеры, например, выдолблены внутри твердой порфировой скалы: как средний большой, так и два боковых храма. Первый храм, почти квадратный (130½ ф[утов] длины и 130[362] ширины), имеет 26 толстейших колонн и 16 пилястров. Некоторые колонны отстоят друг от друга на 12[363], другие на 16 футов[364], на 15 и 3 вершка[365], на 13 и два вершка[366] и так далее[367]. Такую же разницу мы находим в пьедесталах колонн, где каждая разнится украшениями и чистотой работы от другой. Так почему же, спрашивается, не обратить внимания на объяснения браминов? Они говорят, что храм был задуман и начат сыновьями Панду после «великой войны» *Махабхараты* и что они завещали всем верующим продолжать работу по своему усмотрению. Затем храм строился целые три века. Желающий искупить свои грехи приносил резец и работал; часто многие из членов царских фамилий и сами цари лично принимали участие в труде[368]… Если храм был мало-помалу заброшен, то это потому, что люди предыдущих и нынешнего поколений сделались слишком недостойными посещать подобное святилище.

Что касается Канери (или Канхари) и многих других пещерных храмов, то не подлежит ни малейшему сомнению, что все они сооружены буддистами. Во многих найдены превосходно сохранившиеся надписи и стиль ничем не напоминает символические постройки браминов. Епископ Гебер относит древность Канери к I или II веку до Р.Х. Но Элефанта гораздо древнее и принадлежит к доисторическим памятникам, то есть к эпохе, следовавшей непосредственно за «великою войной» *Махабхараты*, время которой именитый и ученый Dr. Мартин Хауг[369] отодвигает чуть ли не до Потопа, а столь же именитый и не менее ученый Макс Мюллер придвигает почти к первому веку христианства.

---

[362] 39,8–39,6 м.

[363] 3,7 м.

[364] 4,9 м.

[365] 4,7 м.

[366] 4,05 м.

[367] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 287.

[368] По правую сторону храма конический камень, называемый «линг» или «лингам» (эмблема Шивы в его роли оплодотворяющей силы природы), стоит посреди небольшой четырехугольной капеллы[*] с четырьмя дверями. Вокруг этой капеллы расположено много огромных человеческих фигур; то, по словам браминов, портреты-статуи самих ваятелей, изображающие придверников святыни, индусов самой высокой касты. Каждая из больших фигур опирается на карлика – изображение низших каст, но которых народная фантазия произвела в «демонов» (*пиза́ча*[**])[***]. Храм полон изваяний, созданных неискусными руками. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Капелла – тип католического строения; храм, который входит в состав какого-либо учреждения, жилища или же является частью большего храма; на русский язык обычно переводится словом «часовня», что не верно, так как капелла в отличие от часовни имеет алтарь, то есть предназначена для совершения богослужения.

[**] Пи́шачи (*санскр.* piçāca) – в индийской мифологии злобные и вредоносные демоны, нападающие на людей, пожирающие их и пьющие их кровь.

[***] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 289.

[369] Мартин Хауг (1827–1876) – немецкий востоковед, иранист и санскритолог, внесший особый вклад в авестологию.

VII

Ярмарка была в самом разгаре, когда мы, окончив наши визиты в кельи, облазив все ярусы и осмотрев знаменитую «залу бойцов», спустились вниз не по лестницам, от которых не осталось и следа, а как спускаются ведра в колодцы – на веревках. До трех тысяч народа собралось из соседних сел и городов. Женщины, разукрашенные до пояса, в блестящих *сари*, с кольцами в ноздрях, ушах, губах и всюду, где только можно было их прицепить, с гладко зачесанными назад блестящими от кокосового масла волосами цвета воронова крыла с синим оттенком, косы коих были украшены пурпуровыми цветами, посвященными Шиве и Бавани[370], женской половине бога. Пред храмом образовались ряды лавочек и палаток, где продавались все принадлежности обычных жертвоприношений: ладан, ароматические травы, сандальное дерево, рис и *гулаб*, красная краска в порошке, которым они мажут идолов и затем собственные физиономии. Факиры, байраги[371], госсейны, весь штат нищенствующей братии прохаживались в толпе; обвитые четками, с обмазанными синеватою сажей лицами и телом, с их длинными, всклоченными волосами, собранными на макушке в чисто женский шиньон, они со своими бородатыми физиономиями представляли пресмешное подобие голых обезьян. Некоторые из них вследствие самобичевания были страшно изранены. Были тут и *буни*[372], змее-чародеи, с целыми десятками кобр, фурзенов и змей вокруг пояса, шеи, рук и ног – модель, достойная кисти художника, желающего изобразить мужскую «фурию». Особенно отличался между ними один *джадугар* (колдун)[373], обвивший себе голову кобрами как чалмой: раздув капюшоны и подняв свои зеленые, листообразные головы, кобры безостановочно шипели – шипением, напоминающим тяжелое дыхание умирающего; оно слышно за сто шагов. Быстро высовывая тонкое жало[374], они сверкали маленькими, злыми глазками на всех проходящих… Между прочим, вот чтò случилось: передаю факт так точно, как происходил, без всяких объяснений и собственных гипотез, а прямо предоставляя разгадку проблемы натуралистам.

Надеясь, вероятно, на заработок, *буни* в змеиной чалме прислал к нам мальчика, предлагая показать, как он очаровывает змей. Не желая терять случая, мы согласились с условием установить, прежде всего, между нами и его питомцами то, чтò Дизраэли назвал бы «ученою границей»[375]; поэтому с начала представления мы сидели шагах в пятнадцати от «магического круга». Не стану распространяться обо всех штуках и фокусах, какие нам удалось видеть; перейду прямо к главному факту. Вынув *вагуду* (род дудки из бамбука), *буни* сперва погрузил змей в каталептический сон[376]. Наигрываемая им мелодия, тихая, медленная и чрезвычайно

---

[370] Бхавани (*англ.* Bhavani).

[371] Нищенствующие монахи.

[372] Е.П.Блаватская в «Разоблаченной Изиде» (т. II, гл. XII) использует слово «гуни».

См.: «Gun-ī – ловец змей, очарователь змей, колдун, чародей» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 1725 (*Шекспир Дж.* Словарь хиндустани и английского, и английского и хиндустани. Лондон, 1849. P. 1725)).

Джон Шекспир (1774–1858) – английский востоковед.

[373] См.: «Jādū-gar – чародей, волшебник, маг, колдун» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 754).

[374] Выражение, общепринятое на всех языках, «ужаление» змей чрезвычайно неверно передает факт *укушения*. Жало змеи (или ее язык) совершенно безвредно. Для того чтоб яд перешел в кровь человека или животного, змее надо «прокусить» тело зубами, а не уколоть жалом, чего никакая змея не делает. Тонкие, как иглы, глазные зубы ее сообщаются с мешочком (железкой, наполненною ядом и находящеюся под нёбом); если у кобры вырезать этот мешочек, то она после того живет не более двух-трех дней. Поэтому заявление некоторых скептиков, что *буни* «вырезают» эти мешочки или железки у своих змей, несправедливо. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[375] «Научная граница» – термин, использованный премьер-министром Великобритании Б.Дизраэли в 1878 г. для обозначения границы между Британской Индией (на территории современного Пакистана) и Афганистаном, который можно было оккупировать и защищать в соответствии с необходимыми условиями военной стратегии, в отличие от существующей границы, которая была образована соглашениями и аннексиями в результате британской экспансии. Впоследствии этот термин занимал видное место в британских дискуссиях о защите Британской Индии от возможного российского вторжения через Афганистан.

[376] Каталепсия (*гр.* κατάληψις схватывание, удерживание) – состояние, когда человек находится как бы во сне, при этом у него снижается чувствительность к внешним и внутренним воздействиям. Человек длительное время находится в состоянии неподвижности, даже в очень неудобной позе, он совершенно не реагирует на боль, не

оригинальная, усыпила было и нас самих: по крайней мере, всех нас вдруг стало непреодолимо клонить ко сну без всякой видимой причины. Из этого полулетаргического состояния мы были вырваны нашим приятелем Гулаб-Сингом, который, нарвав какой-то травы, советовал нам натереть ею крепко виски и веки. Затем *буни* вынул из грязного мешка что-то вроде круглого камешка, похожего на рыбий глаз или черный оникс с белою крапинкой посредине, величиной с наш гривенник. Он уверял, что кто купит этот камень, тот «очарует» им какую угодно кобру (на других змей камень не действует), мигом парализуя и под конец усыпляя ее; к тому же это единственное, по его словам, спасение против укушения кобры; следует только немедленно приложить этот талисман к ране, к которой он тут же и пристанет так крепко, что его нельзя будет оторвать; затем, высосав весь яд, камень отпадает сам собою, и тогда минует всякая опасность…

Зная какую большую премию правительство назначило за подобное средство, премию, впрочем, еще никем не полученную, мы при виде этого удивительного талисмана не изъявили слишком неблагоразумного восторга. *Буни* между тем стал дразнить своих змей. Выбрав громадную кобру, футов в 8[377] длины, он раздразнил ее до бешенства: обвив хвостом пень, она поднялась на дыбы и стала страшно шипеть[378]. Наконец, она укусила *буни* за палец, на котором вскоре показалось несколько капель крови. У толпы вырвался единодушный крик ужаса. Но *буни* не торопясь приклеил к пальцу свой камешек, который и пристал к нему, как пиявка, и затем стал продолжать свои представления. «У змеи мешок вырезан, – заметил полковник из Нью-Йорка, – это просто фарс…» Как бы поняв замечание, *буни*, после небольшой борьбы в ловкости, поймал кобру за шею одною рукой, а другою всунул ей в рот сломанную спичку, установив ее перпендикулярно между двумя челюстями, так что они остались разинутыми; затем он стал подносить змею к нам поочередно, указывая на убийственную железку с ядом. Но полковник сдался не сразу. «Мешок там, а яду, быть может, и нет. Почем мы знаем?» Принесли живую курицу и, связав ей ноги, положили возле змеи. Но та отвернулась от жертвы и грозно шипела на *буни*. Тогда, просунув между связанных лап курицы палку, *буни* стал снова дразнить кобру, пока та, наконец, не укусила несчастную птицу. Слабо закудахтала жертва, встрепенулась раз, другой и окоченела. Смерть была мгновенная…

Вслед за этим произошло нечто столь странное, что можно быть заранее уверенным, что мой рассказ восстановит против себя всех петербургских и московских антиспиритов и критиков. Но *факты*, даже вследствие самой убийственной критики, не могут перейти в область фикции, а так и останутся фактами. Змея мало-помалу дошла до такого исступления, что видно было, как самому *джадугару* становилось опасно приблизиться к ней. Как бы приклеенная хвостом к пню, она металась во все стороны передним телом, стараясь укусить что̀ ни попадало. В нескольких шагах от нас показалась собака, и на нее-то теперь *буни* устремил все свое внимание. Скорчившись на земле на благоразумном расстоянии от бесновавшейся кобры, он вперил в собаку неподвижный, стеклянный взор и стал напевать что-то сквозь зубы. Собака сразу обнаружила признаки беспокойства: поджав хвост, она было полуобернулась, чтоб уйти, но осталась как бы прикованною к земле. Через несколько секунд собака стала ползти на животе по направлению к *буни*, все ближе и ближе, слабо визжа и не сводя с него глаз, словно очарованная… Я поняла мысль чародея, и мне стало ужасно жаль бедной собаки; мне хотелось как-нибудь спасти ее, разрушить это влияние. Но к ужасу моему я почувствовала, что у меня самой язык как бы прилип к гортани и что мне невозможно было не только встать, но и пошевельнуть пальцем. Эта дьявольская сцена продолжалась, к счастию, недолго. Медленно ползя, собака уже была на поларшина[379] от кобры: в одно мгновение со страшным шипением змея кинулась на нее и укусила в голову… С жалобным визгом животное упало на спину, задрыгало ногами и менее чем в минуту

чувствует голода, не обращает внимания на звуки, не стремится справлять естественную нужду, может даже возникнуть ощущение, что больной мертв. Врачи такое состояние называют «восковая гибкость», потому что человека можно поставить в любую неудобную позу без особых усилий, которая будет сохраняться до конца такого припадка.

[377] 2,4 м.

[378] «Шипеть» также неправильное выражение. Змея (кобра, по крайней мере) не шипит, а скорее «хрипит»; тяжелое и громкое дыхание раздувает все тело ее, как грудь у человека. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[379] 0,35 м.

издохло. Сомневаться в присутствии яда в мешочке становилось долее невозможным. Между тем камешек отпал от ранки, и колдун стал всем показывать свой заживший палец, на котором чуть краснел укол не более как в булавочную головку. Поставив всех своих змей на хвосты и держа камешек между большим и указательным пальцами, он стал показывать влияние на них своего талисмана. По мере приближения пальцев к головам змей те подавались всем телом назад; упершись глазами в камень, они дрожали, наклонялись все ниже и ниже, пока, наконец, не падали наземь усыпленные… Затем он предложил скептическому полковнику сделать лично опыт. Несмотря на наши предостережения, этот немедленно согласился, выбрав для первого эксперимента большую кобру. Вооруженный *камнем*, полковник храбро подошел к ней и поднес его к голове змеи. Сперва, раздув капюшон, она сделала движение, чтобы кинуться на него, но вдруг остановилась как бы вкопанная и, закинув голову назад, вперила глаза в камешек, которым тот медленно водил по всем направлениям, приближая его постепенно ко лбу змеи и заставляя ее крутиться на хвосте. От страха мы положительно не смели двигаться. Когда же камень, а вместе с ним и пальцы полковника приблизились на полвершка[380] от головы змеи, она вдруг зашаталась всем телом и во все стороны как пьяная; шипенье делалось все слабее, капюшон повис по обеим сторонам шеи; глаза стали закрываться. Склоняясь все ниже и ниже, змея, наконец, упала наземь, как надломленный сучок дерева, и в свою очередь заснула…

Только тогда мы вздохнули свободно. Отведя колдуна в сторону, мы пожелали купить у него камень, на что̀ он, к нашему удивлению, тотчас же согласился, запросив две рупии. Талисман перешел в мою собственность и в настоящее время находится у меня в сохранности. *Буни* уверяет (а наш приятель-индус подтверждает), что это не камень, а нарост. Его находят в нёбе у кобры, у одной из ста, между костью верхней челюсти и кожей, покрывающею нёбо. Камешек этот не прикреплен к черепу, а висит отдельно на жилке и может быть вынут посредством простого надреза кожи, но вслед за этою операцией кобра умирает. По словам Бишу-Натха (имя нашего колдуна), подобный во рту нарост делает из владеющей им змеи нечто вроде царя между кобрами. «Такая кобра все равно что̀ брамин, дваждырожденный брамин между шудрами[381] (говорил *буни*) и другие кобры повинуются ей. Эти наросты находятся иногда и у одной ядовитой породы жаб, но их действие гораздо слабее. От укушения кобры найденный в жабе камень необходимо приложить к ранке не позднее как *через две минуты*; камень же кобры действует до последней минуты: пока сердце не перестало биться, он всегда спасет». В подтверждение своих слов *буни* предложил поймать другую собаку, что̀ и было сделано: змея укусила ее, а он приложил к ранке камень; собака даже и не заметила укушения, оставаясь очень спокойною, пока он не отнял камня от раны. Прощаясь с нами, *буни* советовал держать «талисман» в сухом месте и остерегаться оставлять его поблизости мертвого тела или же оставлять при свете во время солнечного и лунного затмения, иначе он потеряет силу. Затем, в случае укушения бешеною собакой, стоило только положить «камень» в стакан с водой и оставить его в ней на ночь, на другой же день дать больному выпить эту воду и он выздоровеет[382].

– Это черт, а не человек! – воскликнул полковник, когда *буни* ушел в направлении к святилищу Шивы, куда нас, впрочем, не пустили.

– Такой же смертный, как и мы с вами, – заметил, улыбаясь, *раджпут*, – и даже очень невежественный. Только, как почти все эти serpent charmers[383], он воспитан браминами в храме Шивы, великого патрона всех змей; там их учат разным «месмерическим фокусам» *практически*, не объясняя им ровно ничего, с целью, чтоб они верили, что все это производится Шивой, которому они, конечно, и приписывают всю честь своих *чудес*.

---

[380] 2 см.

[381] *Шудры* – низшая из четырех главных каст: 1) брамины, 2) кшатрии (воины), 3) вайшьи (купеческое сословие) и 4) шудры (земледельцы, слуги). Эти четыре касты подразделяются на бесчисленное множество других. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[382] Фрагмент «Змея мало-помалу дошла… и он выздоровеет» был напечатан в материале «Индийские буни» в газете «Одесский вестник» (1880, №24, 29 января).

[383] заклинатели змей (*англ.*).

– Но ведь правительство давно уже предлагает премию в несколько тысяч рупий за противоядие от укушения кобры. Почему же они не являются за премией, когда каждый год погибает столько народа[384]?

– Брамины никогда не допустят их до этого. Если бы правительство потрудилось вникнуть серьезнее в статистику смертных случаев от укушения змей, то оно нашло бы, что *ни один индус из секты Шивы не умирал еще от кобры*. Умирают люди других сект, а своих они спасают.

– Но ведь вот же он нам, незнакомым и вдобавок иностранцам, открыл секрет. Почему же англичанам не воспользоваться им?

– Потому что для европейцев он совершенно бесполезен. Индусы и не скрывают этого противоядия, ибо знают, что без них никто не в состоянии им воспользоваться. «Камень» сохраняет свою силу лишь при условии быть вынутым из *живой* кобры. Чтобы поймать эту змею живою, необходимо сперва погрузить ее в летаргический сон или, как это называется, «очаровать» ее. Кто из иностранцев способен на это? Даже между индусами, за исключением воспитанников шиваитских браминов, не найдется ни одного во всей Индии человека, владеющего этим секретом древности. Одни брамины Шивы, да и то далеко не все, а только исключительно принадлежащие к школе лже-Патанджали, к школе так называемых аскетов-*бхутов* (демонов)[385], имеют монополию. Во всей стране осталось лишь с полдюжины таких школ-пагод, рассеянных по всем пунктам Индии, а их обитатели скорее расстанутся с жизнию, чем выдадут тайну.

– Мы заплатили две рупии за камень, который в руках полковника оказал такое же влияние, как и в руках *буни*. Разве так трудно скупать запасы подобных камней?

Наш приятель засмеялся.

– Чрез несколько дней талисман в ваших неопытных руках потеряет всю свою целительную силу. Он оттого-то так дешево и продал вам его, и в эту минуту, вероятно, приносит свой ловкий обман в жертву пред алтарем своего божества. За одну неделю целительного свойства вашей покупки ручаюсь; затем вы можете его смело выбросить за окно.

Мы скоро убедились в истине сказанных слов на деле. Укушенная на другой же день зеленым скорпионом девочка казалась в последних судорогах. Как только мы приложили к ране камень, ребенок получил немедленное облегчение, а через час уже весело играл, тогда как в случае укушения даже простым черным скорпионом люди болеют по две недели. Но когда дней *через десять* после того в Аллахабаде мы пожелали испробовать силу «камня» над бедным кули, которого только что ужалила змея (тут же убитая кобра), *талисман* наш даже и не пристал к ране, а чрез час несчастный умер.

Я не берусь ни объяснять, ни защищать свойство «камня»; я просто заявляю факт, оставляя его дальнейшую судьбу на произвол судьбы и господ скептиков. Но и в этом мне легко найти много живых свидетелей в Индии. Когда Dr. Файрер[386], только что издавший в свет свое известное во всей Европе сочинение о змеях Индии *Thanatophidia*[387], категорически заявил в нем о своем неверии во все эти пресловутые средства «фокусников» Индии[388], то случилось следующее. Его повар чрез неделю или две по появлении его ученого сочинения между англо-индийцами был укушен коброй. Проходивший мимо дома *буни* вызвался спасти несчастного. Именитый

---

[384] В Индии ежегодно умирает от *двух* до *трех тысяч* человек от укушения змеями. В прошлом году погибло от тигров и змей до 15000 народа. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[385] Бхуты – в индуистской мифологии мелкие демонические существа, злые духи, относящиеся к свите Шивы (одно из имен Шивы – Бхутешвара, «Владыка бхутов»). Бхуты обычно враждебны людям, живут на кладбищах и питаются человеческим мясом, но могут быть также хранителями деревни или дома, где поселились. Как владыка зла, Шива-Бхутешвара посещает кладбища и места сожжения мертвых, он носит змей на голове и ожерелье из черепов на шее и топчет непокорных демонов. По верованиям, бхуты – оборотни, которые могут превращаться в свиней, лошадей, великанов, карликов и тому подобное. Обычно бхуты блуждают по ночам и нападают на людей как вампиры.

[386] Джозеф Файрер (1824–1907) – английский врач и ученый.

[387] Thanatophidia – thanato (*др.-греч.* θάνατος, thánatos, смерть) + ophidia (*др.-греч.* ὀφίδιον, ophídion, змея).

[388] Заклинатели змей «прекрасно знают, что ни одно противоядие не действует, хотя делают вид, что предотвращают или лечат укусы корнями и змеиными камнями» (*Fayrer J.* The Thanatophidia of India: Being a Description of the Venomous Snakes of the Indian Peninsula, with an Account of the Influence of their Poison on Life and a Series of Experiments. London, 1872. P. 149 (*Файрер Дж.* Танатофидии Индии: описание ядовитых змей Индийского полуострова с отчетом о влиянии их яда на жизнь и серией экспериментов. Лондон, 1872. С. 149).

натуралист уже приготовился было приказать вытолкать *буни* за порог, как майор Келлей и другие офицеры упросили его «попробовать». Презрительно махнув рукой и объявив, что чрез час его повара все-таки не станет, доктор согласился. *Через час* повар стряпал почтенному ученому и его гостям обед на кухне, а сам профессор чуть было не кинул свое новое сочинение в огонь…

День становился страшно знойным; солнце накалило скалы до такой степени, что они жгли ноги даже сквозь толстые подошвы; к тому же любопытство, возбужденное нашим появлением, и назойливое преследование начинали надоедать нам. Мы решились уйти домой, то есть в нашу прохладную пещеру, находившуюся в шагах шестистах от большого храма; там мы собирались провести вечер и ночь. Не дожидаясь наших спутников-индусов, которые отправились на ярмарку, мы пустились в путь одни.

VIII

Пройдя портик у главного входа, мы заметили стоящего отдельно от толпы молодого человека, поразившего нас своею идеальною красотой. То был член из секты *садду*[389], «кандидат в святого», как выразился один из нашей компании.

Эти *садду* отличаются от прочих сектантов. Они не ходят нагими, не покрывают тела мокрою золой, не носят отличительных знаков на лице и лбу и не поклоняются идолам. Принадлежа к строгой секте адвайта, школы Веданта, они признают лишь Парабраму (великого духа). Одетый в довольно приличную светло-желтую кисейную рубашку без рукавов с длинными распущенными волосами, *садду* стоял с непокрытою головой, опершись локтем на корову с выросшею у ней из горба «пятою ногой». Это удивительное произведение природы обмахивалось своею пятою ногой, словно рукой, чеша голову копытцем и хлопая им по ней мух. Приняв сперва этот запасный член за фокус, мы очень недоверчиво смотрели как на него, так и на красивого обладателя коровы, но подойдя ближе, мы убедились, что то действительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человека. Мы узнали от хозяина, что это животное было подарено ему махараджей Холькаром[390] и уже два года кормило его своим молоком, единственною его пищей.

Садду – ученики и последователи *радж-йога*, обыкновенно секты ведантистов (как уже сказано выше), то есть посвященных мистиков, совершенно отрешившихся от света и ведущих целомудренную жизнь монахов; они и не отличаются каким-либо особенным костюмом, кроме белого тюрбана и длинных волос. Между *садду* и *буни* (учеников шиваитов) существует смертельная вражда, выражающаяся с одной стороны молчаливым презрением, а с другой – неудачными со стороны *буни* попытками стереть *садду* с лица земли. Эта неприязнь напоминает антагонизм «света и тьмы», нечто вроде дуализма Ахура-Мазды и Аримана[391] у последователей Зороастра. На первых народ взирает как на магов, сынов солнца и божественного начала, на вторых – как на опасных колдунов. Наслышавшись о репутации первых и их «чудодейных» способностях, сгорая любопытством увидеть на деле приписываемые им (даже многими англичанами) *чудеса*, мы очень просили *садду* навестить нас вечером в нашей вихаре. Но красивый аскет наотрез отказался под предлогом, что мы поселились в храме идолопоклонников, одна атмосфера которых действует на них неприязненно. Видя его непреклонность, мы было попробовали предложить ему денег, но он решительно от них отказался, и мы ушли.

Тропинка или, скорее, выем на почти перпендикулярной стене скалы к нашей вихаре ведет от главной пещеры вдоль обрыва в 900 футов[392] глубины. Требуется верный глаз, твердая поступь и очень крепкая голова, чтобы при малейшем неосторожном шаге не скатиться в пропасть; тут посторонняя помощь почти бесполезна, так как по этому выему (около двух футов ширины) идти двум особам рядом положительно невозможно. Пришлось пробираться гуськом, призывая на помощь все имеющееся налицо присутствие духа; у некоторых же из нас этот дух находился в бессрочном отпуске. Особенно неприятно было положение нашего американского полковника, весьма полного, близорукого почти до слепоты и вследствие этого страдающего головокружением. В виде слабого утешения мы было затянули хором дуэт из *Нормы*[393] «Moriamo insieme»[394]… и для вящей уверенности, что смерть либо минует всех, либо мы все четверо «умрем вместе», крепко держали друг друга за руки – гуськом; однако полковник нас заставил-таки сильно перетрусить за него. Мы были уже на полдороге, как вдруг он, оступившись, зашатался, внезапно вырвал руку из моей руки и – покатился вниз… Держась все трое одною рукой за кусты и скалы, мы даже не успели поддержать его другою. Вырвавшийся у нас единодушный крик ужаса замер с первой секунды, когда, обернувшись лицом к пропасти, мы увидели, как, наткнувшись по

---

[389] Са́дху (*санскр.* sādhu) – термин, которым в индуизме и индийской культуре называют аскетов, святых и йогинов.

[390] Холкар (*англ.* Holkar) – маратхский клан.

Туколжи Рао II Холкар XI (1835–1886) – махараджа Индаура (с 1844 г.).

[391] Ариман – бог зла в религии древнего Ирана, источник несправедливости, всех вредных сил природы.

[392] 270 м.

[393] «Норма» – опера итальянского композитора В.Беллини (1801–1835).

[394] «Умрем же вместе» (*ит.*).

склону шагах в шести под нами на деревцо, он повис на нем обеими руками и ногами. К счастию, мы знали его за хорошего гимнаста, владеющего к тому же замечательным хладнокровием. Но минута была критической: тонкий ствол мог каждую минуту сломаться и наш полковник полететь в бездну. Мы уже стали было кричать о помощи, как вдруг, будто выросши из недр горы, нам предстал таинственный *садду* со своею коровой…

Оба шли футах в двадцати[395] под нашими ногами по невидимым выступам скал, где, казалось, негде было укрепить и детской ноги, – шли так же беспечно и уверенно, как если бы вместо отвесной скалы они шли по широкой шоссейной дороге. Подняв голову, *садду* закричал висевшему над его головой полковнику держаться крепче, а нам не трогаться с места. Ласково потрепав «пятиногую» по шее, он снял с нее веревку, все время тихо напевая что-то вроде «мантры»; затем, взяв ее обеими руками за голову, направил ее в нашу сторону и, защелкав языком, спокойно сказал ей: «Чал!» (Иди!). В одно мгновение, запрыгав, словно дикая коза, вверх по скалам, корова очутилась немного впереди нас, где и стала на тропинке как вкопанная. Сам же *садду*, по-видимому, с такою же ловкостью полез к дереву и, обмотав полковника веревкой за пояс, сперва поставил его на ноги, а затем, поднявшись выше на тропинку, одним взмахом сильной руки встащил его за собою, немного бледного и потерявшего лишь свой pince-nez[396], но отнюдь не присутствие духа.

Происшествие, грозившее было окончиться трагедией, заключилось комедией.

– Ну, как тут быть? – закричали мы все. – Мы вас не пустим одного далее…

Солнце уже склонялось к западу и становилось опаснее, чем когда-либо, терять время. «Чрез несколько минут станет темно и тогда мы все погибнем», – заметил секретарь полковника, Эдвард У***. Между тем наш *садду*, не понимавший, по-видимому, ни слова по-английски, опутав снова шею своей коровы веревкой, стоял неподвижно на повороте тропинки. Его высокая, тонкая фигура, возвышаясь над пропастью, словно висела на воздухе; одни развевающиеся по ветру длинные черные волосы заставляли помнить, что пред нами стоит живой человек, а не великолепное бронзовое изваяние. Забыв только что миновавшую опасность и наше положение, мисс Б***, художница по призванию и страстная почитательница всего артистического, громко воскликнула: «Вы только взгляните на этот чисто греческий, величественный профиль!.. Посмотрите на позу этого человека… Как он весь отделяется на золотисто-голубом фоне неба. Это греческий Адонис[397], а не индус»… Но «Адонис» первый прервал этот восторг. Он медленно повернулся к нам, взглянув мельком не то кротко-насмешливым, не то презрительным взором на выпучившую на него глаза мисс Б***, и произнес своим тихим, певучим голосом на языке хинди:

– Маха-саиб (великий саиб, господин) не может идти далее без помощи чужих глаз; его глаза – враги саиба. Пусть саиб сядет на мою корову; она никогда не оступится…

– Чтоб я сел верхом на корову, да еще вдобавок и пятиногую? Никогда! – воскликнул бедный полковник с таким растерянным видом, что мы все покатились со смеху.

– Лучше саибу сидеть на корове, нежели лежать на *читте*[398], – серьезно и также кротко заметил *садду*. – Зачем приближать час, который еще не пробил?

Делать было нечего и мы, наконец, уломали полковника. Осторожно и ловко посадив его на корову и посоветовав держаться покрепче за ее пятую ногу, индус повел ее на веревке вперед, а за ним поплелись и мы.

Чрез минуты две мы уже стояли на крытом крыльце или – по-здешнему – веранде, идущей глубоко внутрь скалы вихары, где и нашли наших вернувшихся другою тропинкой индусов. Рассказав им о происшествии, мы повернулись, ища глазами *садду*. Но он уже успел исчезнуть со своею коровой…

---

[395] 6 м.

[396] пенсне (*фр.*).

[397] Адонис – бог плодородия в древнефиникийской мифологии. С V в. до н.э. культ Адониса распространился в Греции, позднее в Риме. Адонис славился своей красотой: в него влюбляется богиня любви Афродита.

[398] «Читта»[*] – костер, на котором сожигают покойников. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Chitā (*хинди*).

– Не ищите его, он ушел другою, одному ему известною дорогой, – небрежно заметил Гулаб-Синг. – В вашей благодарности он вполне уверен, а денег ваших ему не нужно. Он *садду*, а не *буни*, – добавил он с гордостью.

Мы вспомнили, что наш гордый приятель сам принадлежит к секте садду[399].

– Кто знает, – шепнул мне полковник, – быть может и правда, что̀ о нем говорят?

В главной зале вихары, в трех стенах которой были прорыты двери в 12 меньших келий, находилось высеченное в скале в натуральный рост изображение «Бавани» (богини Шивы). Из утробы «Деваки» струились чистые, прохладные воды горного родника, падавшие в бассейн у ног ее. Кругом лежали кучи жертвоприношений: цветы, рис, бетель и ладан. Там было так сыро, что мы предпочли остаться ночевать на воздухе. Таким образом, мы провели эту ночь на веранде, вися, можно сказать, между небом и землей, освещаемые снизу огнями пылавших костров, зажженных слугами Гулаб-Синга на страх диким зверям, а сверху – светом полной луны[400]. Эта обстановка, ужин в чисто восточном вкусе, на полу, на разостланных коврах и на толстых банановых листьях вместо тарелок; скользящие неслышными шагами, как немые тени, босые служители в белых кисейных драпировках и красных тюрбанах; пред нами беспредельная глубь, теряющаяся в волнах лунного сияния, а за нами темные своды вековых пещер, вырытых неизвестною расой в неведомые времена и неведомо в честь какой доисторической религии, – все это переносило нас в непривычный мир, в другие далекие эпохи… Вот пред нами сидят пять представителей пяти различных народов, пяти совершенно разных типов и в пяти разнообразных костюмах. Все пятеро известны в этнографии под генерическим[401] названием *индусов*, вроде того, как орлы, грифы, ястребы, коршуны и совы известны в орнитологии за «хищных», но представляют между собою такую же разницу. Каждый из этих пяти собеседников – раджпут, бенгалиец, мадрасец, сингалезец и махрат – потомок рас, о началах и происхождении которых европейские ученые спорят уже более полувека, не приходя ровно ни к какому между собою соглашению[402]. Несмотря ни на что̀, показания самих народов отвергаемы по большей части

---

[399] «Садду Нанака» не следует смешивать с сектой сикков, последователей «гуру Нанака»: первые – ведантисты-«адвайты», последние – монотеисты. *Адвайты* признают «Парабраму», *безличное* божество. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[400] См.: «Кхандала – прелестное место, и оно замечательно тем, что здесь находятся древнейшие Буддийские пещеры, так называемые “Karla caves”, репликой которых является Аджанта; но мои сыновья[*] говорят, что главная пещера со ступою еще интереснее, нежели в Аджанте. Для нас это место знаменательно и дорого тем, что здесь Блаватская встретила М[ахатму] М., когда она с несколькими спутниками предприняла путешествие в эти пещеры из Бомбея. Тогда еще почти никто не слыхал об их существовании и не было никаких дорог, никаких облегчений на пути, приходилось идти пешком и карабкаться почти на отвесную скалу. Но путники дошли и были вознаграждены Видением М[ахатмы] М., Который приветствовал Блав[атскую] у входа в пещеру и после краткой беседы с нею скрылся из виду, после этого Блав[атская] вошла в пещеру и тоже исчезла в ней. Спутники обыскали всю пещеру, но тщетно, тогда они решили поставить палатки около пещеры и провести всю ночь в бдении. На рассвете М[ахатма] М. снова появился из неожиданного скрытого прохода вместе с Блав[атской] и обратился к спутникам ее с приветственными и ободряющими словами. Так поведал нам эту необыкновенную манифестацию один индус-теософ, который приезжал к нам вместе со Светиком и его женой[**]. Между прочим, он сказал, что описание этой замечательной манифестации можно найти во втором томе “Дневника Олькотта”[***]. Когда я услышала о таком явлении, место это озарилось для меня ярким лучом надземной красоты, и я поняла, почему В[еликий] В[ладыка] привел нас сюда» (*Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. VIII (1948–1950 гг.). М., 2008. С. 47).

[*] Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) – востоковед, лингвист; Святослав Николаевич Рерих (1904–1993) – художник, общественный деятель.

[**] Речь идет о С.Н.Рерихе и его жене Девике Рани Рерих (1908–1994), актрисе индийского кино.

[***] См.: *Olcott H.S.* Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883. London, 1900. P. 42–61.

[401] родовым (*фр.* générique).

[402] *Раджпутов*, например, называют «индусами» и причисляют их к арийскому племени, тогда как сами они называют себя *сурьяванзами*, т.е. потомки *Сурьи* (солнца), а брамины ведут свой род от *Инду* (луны) и называются *индуванзами* (*Инду, Сем, Чандра* по-санскритски – луна). Если первые арийцы, появляющиеся в прологе всемирной истории, – брамины, т.е. тот народ, который, по решению Макса Мюллера, перевалив через Гималаи, покорил страну «Пяти рек», то раджпуты – не арийцы, а если арийцы, то не брамины, так как все их родословные и священные книги *Пуран* показывают, что они гораздо древнее браминов; и в таком случае племена арийские существовали в других странах света, кроме знаменитого *Оксуса* (*Oxus*)[*], колыбели *немцев, прародителей ариан и индусов*, по фантазии упомянутого ученого[**] и его немецкой школы. «Лунная» линия начинается *Пурурвой*[***] (по родословной,

потому только, что они не гармонируют с предвзятыми понятиями; смысл древних рукописей их перековеркан, и факт отдан в жертву фикции, коль скоро последняя исходит из уст неких излюбленных оракулов. Невежественный народ часто обвиняется в суеверии по той лишь причине, что создает себе вымышленных идолов в мире духовном, а между тем образованный мир, мир, жаждущий познаний, мир просвещенный, поступает в отношении к своим авторитетам еще глупее обвиняемого им народа. Предоставив полудюжине увенчанных лаврами ученых право извращать факты по-своему, выводить собственные заключения по личному усмотрению, он побивает камнями каждого, кто осмелится восстать против резолюции этих якобы непогрешимых специалистов, называя его невеждой и глупцом. Вспомним, например, случай с Луи Жаколио[403], прожившим двадцать лет в Индии, изучившим в совершенстве язык и страну и смешанным, однако же, с грязью Максом Мюллером, чья нога никогда не была в Индии.

Самые древние народы Европы являются ребятами, еле вышедшими из пеленок, в сравнении с племенами Азии, особенно в Индии. И, Боже мой, как жалки и бедны кажутся генеалогии самых старинных европейских фамилий сравнительно с генеалогией некоторых раджпутских семейств! По мнению полковника Тода, более двадцати лет изучавшего их на месте в Раджистане, эти родословные, ведущие свои записи от 1000 до 2200 лет до Р.Х. и подтверждаемые во множестве случаев греческими писателями, являются самыми совершенными и самыми безошибочными между родословными всех древних народов. После долгих и тщательных разысканий и сравнений с ними *Пуран* и разнообразных надписей на памятниках Тод пришел к заключению, что в одних рукописях Уйдепурского архива (ныне уже кем-то припрятанных) найдется ключ не только к истории Индии, но и к всемирной древней истории. Вот чтò, между прочим, говорит он по этому поводу: «Дабы отыскать этот ключ, мы не должны следовать легковерному примеру многих археологов, незнакомых с Индией и потому воображающих, будто истории Рамы, *Махабхараты*, Кришны и пяти братьев Панду суть одни лишь “аллегории”. Тот, кто пожелает серьезно вникнуть в их легенды, очень скоро убедится, что эти так называемые “басни” все до одной основаны на фактах истории, доказательством чему служат потомки их героев, племена, древние города и до сей поры существующие монеты. Разберем сперва надписи на колоннах *Индра-Престхи,*

составленной полковником Тодом с рукописей «Пуран» в архивах Удейпура), т.е. за 2200 лет до Р.Х. и гораздо позднее Икшваки (Ichswaca)[****], прародителя сурьяванз. Четверый сын Пурурвы, Рех, стоит во главе линии лунного племени, и только в 15 колене после него является Харита, основавший Каузики готру[*****] или *«племя браминов»*[******]. Последних раджпуты не терпят: «Дети *Солнца* и *Рамы* не имеют ничего общего с детьми *Луны* и *Кришны*», – говорят они; бенгальцы же, по их преданиям и истории, аборигены. А мадрасцы и сингалезцы – дравиды, которых по очереди причисляли к семитам, хамитам, арийцам и, наконец, предали воле Божией, заключив, что, по крайней мере, сингалезцы должны быть монголами или туранского племени. Махраты – аборигены Западной Индии, как бенгальцы Восточной. Но к какой группе племен принадлежат эти две народности, за это не поручится ни один этнограф, кроме разве немца. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Река Амударья.

[**] См.: *Müller M.* Ârya // *Müller M.* Lectures on the Science of Language. Vol. I. London, 1861. P. 242–247 (*Мюллер М.* Арии // *Мюллер М.* Лекции о науке о языке. Т. I. Лондон, 1861. 242–247).

[***] Пурура́вас (*санскр.* Purūravas) – в индийской мифологии первый царь Лунной династии.

[****] Икшва́ку (*санскр.* Ikhshwâku – «сахарный тростник») – легендарный древнеиндийский царь, первый правитель и основатель династии Икшваку (Солнечной династии), от которой ведут свое начало и некоторые современные княжеские роды Индии.

[*****] Каушики (Kaushik, Kaushike) – род (готра) индийских брахманов, потомков Вишвамитры.

[******] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 25.

[403] Луи Жаколио (1837–1890) – французский ориенталист, писатель, путешественник.

См.: «…Мы получили из Парижа полное собрание сочинений Луи Жаколио, всего двадцать один том. Они, главным образом, касаются Индии, ее старинных традиций, философии и религии. Этот неутомимый писатель собрал огромное количество информации из различных источников, большей частью подлинных. Во многом не соглашаясь с его мнением, мы все же полностью признаем чрезвычайную ценность его многочисленных переводов из индийских священных книг. Тем более что, как мы находим, они во всех отношениях подкрепляют наши утверждения. Среди других примеров имеются и материалы, подтверждающие погружения континентов в океан в доисторическое время» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. XV); «…Я мало его [Жаколио] читала и не люблю, так как он врет уж больно и, клевеща на высоконравственное духовенство буддист[с]кое, смешивает их в ненависти своей ко всему церковному с католическими ксендзами» (Из письма Е.П.Блаватской Н.А.Фадеевой от 28–29 октября 1877 года // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

Пураги[404] и *Мевара*, на скалах *Джунагура* в Биджоли[405], на *Аравули*[406] и в древних, рассеянных по всей Индии джайнских храмах, где мы находим столько надписей на языке до сей поры нам неизвестном, языке, в сравнении с которым самые иероглифы являются игрушкой, – и только тогда мы получим право выразить наше окончательное мнение»[407].

А между тем, профессор Макс Мюллер, который, как сказано выше, никогда и не заглядывал в Индию, судит и рядит и устанавливает для нее хронологические таблицы по собственному усмотрению. Европа, принимая его слово за слово оракула, беспрекословно подчиняется его решениям. Et c'est ainsi que s'écrit l'histoire[408]… Говоря о хронологии почтенного немецкого санскритолога, не могу утерпеть, чтобы не показать (хоть бы России), на каких хрупких началах основаны все его ученые доводы и как мало мы можем придавать веры его исчислениям, когда дело идет о давности той или другой рукописи. Быть может, что в этом поверхностном описании Индии, не имеющем ни малейшей претензии на ученость, сказанное мною покажется не идущим к делу, но в России, как впрочем и во всей Европе, об этом филологическом светиле судят лишь по знакам восклицания и одобрения его подобострастных последователей, а *Веды-Башии*[409], например, суами Дайананда не читают, да может никогда и не слышали об этом сочинении, что̀ профессору Максу Мюллеру, конечно, весьма на руку. Постараюсь передать суть дела как можно короче.

В своем санскритском сочинении *Sahitya Grantha*[410] профессор Макс Мюллер, указывая, что арийское племя в Индии приобрело свои понятия о Боге постепенно и чрезвычайно медленно, желает этим доказать, что *Веды* совсем не такое древнее писание, как это утверждают некоторые из его коллег. Представив затем более или менее веские доказательства в подтверждение этой новой теории, он заключает их неопровержимым, по его мнению, фактом, указывая в *мантрах* на слово *hirannya-garbha*[411], которое он переводит словом «золото»[412], и при этом добавляет, что так как отдел *Вед*, называемый *chanda*, появился 3100 лет тому назад[413], то отдел *мантр* не мог быть написан ранее 2900 лет[414]. При этом он рассекает филологически и хронологически *мантру*

---

[404] Индрапрастха (*англ.* Indraprastha), Праяга (*англ.* Prayag).

[405] Джунагарх (*англ.* Junagarh), Bijolia.

[406] Аравали (*англ.* Aravali, Aravalli).

[407] *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 42.

[408] И так пишется история (*фр.*) – слова французского поэта, прозаика, переводчика Жерара де Нерваля (1808–1855).

[409] Перевод *Вед* на язык хинди с комментариями и объяснениями. Это первый полный перевод. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[410] Речь идет о книге М.Мюллера «История древней санскритской литературы» (1859).

Сахитья (*хинди*) – литература.

Грантха – алфавит, распространенный в Южной Индии до XVI в.

[411] Хираньягарбха́ (*санскр.* hiraṇyagarbha) – в индуизме «золотой зародыш», плававший в космических водах и давший начало жизни.

См.: «Хираньягарбха (санскр.). Лучистое или золотое яйцо или чрево. Эзотерически – Лучезарный "Огненный Туман" или Эфирное Вещество, из которого была образована Вселенная» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 441).

См.: «Вначале он возник как золотой зародыш.

Родившись, он стал единственным господином творения» (Ригведа, X, 121, 1, «К Неизвестному Богу»).

На санскрите:

«hiraṇyagarbhaḥ samavartatāgre bhūtasya jātaḥ patirekaāsīt

sa dādhāra pṛthivīṁ dyāmutemāṁ kasmai devāyahaviṣā vidhema».

[412] Перевод М.Мюллера:

«В начале возник Источник золотого света.

Он был единственным прирожденным господином всего сущего» (*Müller M.* A History of Ancient Sanskrit Literature. London, 1859. P. 569).

[413] *Веды* разделяются на две части: на *чанды* (стопы, стихи и проч.)[*] и на *мантры* (молитвы, ритмические гимны и вместе с тем заклинания в их применении белою магией). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Чхандас (*англ.* chandas) – метрический размер строфы в санскритском стихосложении, ее ритмическая структура.

[414] *Svāmī Dayānanda Sarasvatī.* Ṛgvedādi Bhāṣya Bhūmikā: Being an Introduction to the Commentary on the Four Vedas. New Delhi, 1981. P. 111–112 (*Свами Даянанда Сарасвати.* Ригведади-бхашья-бхумика: Введение в комментарий к четырем Ведам. Нью-Дели, 1981 С. 111–112). На хинди книга была издана в 1878 г.

(«Agnihi Poorwebhihi» etc.[415])[416], в которой он находит выражение *hirannya-garbha*[417], и затем торжественно уличает оное в анахронизме: «О *золоте* древние народы не имели никакого понятия (говорит он), стало быть, если в *мантре* говорится о золоте, то эта *мантра* сочинена в эпоху сравнительно современную»[418] и проч.

Но тут именитый санскритолог сильно обрывается. Суами Дайананд доказывает, а за ним и другие ученые пандиты, и даже самые ему неприязненные, подтверждают, что Макс Мюллер совершенно не понял значения термина «hirannya». Первоначально оно вовсе не означало, а в соединении со словом *garbha* и теперь не означает «золота» – слова современного и не существующего на старом санскритском языке *Вед*. Таким образом, все блестящие доводы профессора так и пропадают даром; слово *hirannya* в этой *мантре* должно переводить: «божественный свет», символ познания (в мистическом смысле), подобно тому как у алхимиков «свет» назывался *сублимированным золотом*, из лучей которого они надеялись составить объективный металл. А в соединении со вторым словом – *hirannya-garbha* (буквально *светозарное чрево*)[419] означает в *Ведах* первоначальный принцип, в утробе коего (как золото в утробе земной) покоится свет божественного познания и истины, эссенция освобожденной от греховного мира души[420]. В *мантрах*, как и в *чандах*, постоянно следует искать двоякого смысла: 1) чисто метафизического и отвлеченного и 2) чисто физического, так как все земное или существующее на земле тесно связано с миром духовным, из которого исходит и которым снова поглощается. Например, *Индра* – бог грома, *Сурья* – бог солнца, *Вайю* – бог ветра и *Агни* – бог огня; все четверо, подвластные этому первоначальному божественному принципу, исходят, по учению *мантры*, из утробы *hirannya-garbha*. В этом случае они (боги), подвластные единому принципу, суть духи или олицетворенные силы природы. Но посвященные в таинство адепты Индии весьма хорошо понимают, что вместе с этим бог *Индра*, например, просто звук, происходящий от столкновения электрических сил, или, вернее, само электричество; *Сурья* – не бог солнца, а центр огня в нашей системе – эссенция того, из чего проистекают огонь, тепло, свет и т.д., то есть именно то, чего никто, даже из наших великих ученых, лавирующих между Тиндалем[421] и Шрёпфером[422], не умел еще определить… Этого-то тайного смысла профессор Мюллер и не сумел доискаться, вследствие чего он и рубит сплеча, придерживаясь одной мертвой буквы. Каким же образом позволяет он себе определять давность *Вед* по собственным выводам и заключениям, когда он еще так несовершенно понимает язык этого древнего писания?..

Вот сущность ответа *суами*, к которому мы и отсылаем гг.[423] санскритологов, если они только потрудятся заглянуть в его *Rigvedádi Bháshya Bhoomika* (книга 4, стр. 76)[424].

---

[415] Сокращение латинского выражения *et cetĕra*, означающего «и другие», «и тому подобное», «и так далее».

[416] См.: «Агни достоин призываний риши –
Как прежних [purvebhih], так и нынешних» (Ригведа, I, 1, 2, «К Агни»).

[417] В этой мантре нет выражения «hirannya-garbha».

[418] *Svāmī Dayānanda Sarasvatī.* Ṛgvedādi Bhāṣya Bhūmikā: Being an Introduction to the Commentary on the Four Vedas. New Delhi, 1981. P. 113.

См.: *Müller M.* A History of Ancient Sanskrit Literature. London, 1859. P. 570–572.

[419] *Svāmī Dayānanda Sarasvatī.* Ṛgvedādi Bhāṣya Bhūmikā: Being an Introduction to the Commentary on the Four Vedas. New Delhi, 1981. P. 112.

[420] Об этом так же говорится в статье Е.П.Блаватской «Великий Свет под спудом» (The Theosophist, 1880, т. I, №5, февраль), которая была опубликована почти в одно и то же время, что и эта глава (Московские ведомости, 1879, №329, 27 декабря, Особое прибавление).

[421] Джон Тиндаль (1820–1893) – английский физик, член Лондонского королевского общества (1852).

[422] См., например: *Schöpfer K.* Die Erde steht fest. Beweise, daß die Erde sich weder um ihre Achse noch um die Sonne dreht. Berlin, 1853 (*Шёпфер К.* Земля неподвижна. Доказательство, что Земля не вращается ни вокруг своей оси, ни вокруг Солнца. Берлин, 1853).

См.: «Разве в настоящее время у нас нет в Германии ученого, некоего профессора Шёпфера, который в публичных лекциях в Берлине пытается доказать, что: 1) Земля неподвижна; 2) Солнце только немножко больше, чем кажется…» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. XV).

Карл Шёпфер (1811–1876) – немецкий писатель и журналист, никогда не преподавал в университете, написал множество брошюр на самые разные темы.

[423] господ.

[424] Это периодическое месячное издание, вероятно, получается в России в С.-Петербургской академии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В эту ночь все мои спутники, кроме меня, спали как убитые. Свернувшись возле догорающих костров, они нимало не обращали внимания ни на гул доносившихся с ярмарки тысячи голосов, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далекого грома, рев тигров, поднимавшийся из долины, ни даже на громкое моление пилигримов, шествие которых по узкому карнизу скалы, с которого мы чуть было не слетели днем, продолжалось взад и вперед всю ночь. Они приходили партиями по два, по три человека; иногда шли одинокие женщины. Так как им не было доступа в большую вихару, на веранде которой мы лежали, то, поворчав, они отправлялись в боковую келью, нечто вроде часовенки с изображением Деваки-Маты (богини-матери) и с наполненным водою *танком*. Подойдя к дверям, пилигрим простирался на земле, клал приношение у ног богини и затем или окунался в «святой воде очищения», или же зачерпнув рукой воды из *танка* мочил себе лоб, щеки, грудь; потом снова простирался и шел уже назад, спиной к дверям, где опять простирался, пока с последним воззванием к «мата, маха мата!» (матери, великой матери!) окончательно не исчезал в темноте. Двое слуг Гулаб-Синга с традиционными копьями и щитами из носорожьей кожи, получив приказание охранять нас от диких зверей до рассвета, сидели на ступеньке над пропастью. Не в состоянии будучи уснуть, я следила за всем окружающим с возрастающим любопытством. Не спал в ту ночь и Такур. Каждый раз, как я полуоткрывала отяжелевшие от усталости веки, мне бросалась в глаза гигантская фигура нашего таинственного друга…

Поместясь по-восточному (с ногами) на одной из высеченных в скале скамеек у самой окраины веранды, он сидел неподвижно, обвив обеими руками приподнятые колени и вперив глаза в серебристую даль. Раджпут сидел так близко к краю, что малейшее неосторожное движение, казалось, должно было свергнуть его в зиявшую у ног его пропасть. Но он двигался не более стоявшей наискось от него гранитной богини Бавани. Обливавшее все впереди его сияние месяца было так сильно, что черная тень под нависшею над ним скалой делалась еще непроницаемее, оставляя его лицо совершенно во мраке. Только вспыхивавшее по временам яркое пламя догорающих костров, обливая темно-бронзовое лицо горячим отсветом, дозволяло порой разглядеть неподвижные черты сфинксоподобного[425] лика да как угли светящиеся такие же неподвижные глаза.

Чтò это? Спит ли он или замер? Замер, как замирают посвященные *радж-йоги*, о которых он нам рассказывал утром… О, Боже мой! хоть бы заснуть!.. Вдруг громкое продолжительное шипенье, раздавшееся у самого уха как бы из-под сена, на котором мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить с какими-то неясно определенными воспоминаниями о «кобре». Затем пробило раз, другой… То был наш американский дорожный будильник, как-то нечаянно попавший под сено. Сделалось и смешно, и стыдно за невольный испуг.

Но ни шипенье, ни громкий бой часов, ни мое быстрое движение, заставившее мисс Б*** сонливо приподнять голову, не пробудили Гулаб-Синга, который все также висел над пропастью, как и прежде. Прошло еще с полчаса. Несмотря на долетавший издалека гул празднества, все кругом было тихо и неподвижно; сон бежал от меня все более и более. Подул свежий предрассветный и довольно сильный ветер, разом зашелестевший листьями и вскоре закачавший кругом нас вершинами торчавших из бездны деревьев. Все мое внимание было теперь сосредоточено на группе трех сидевших предо мною раджпутов: на двух щитоносцах и их господине. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено в эту минуту длинными развевавшимися по ветру волосами слуг, сидевших сбоку веранды и более защищенных от ветра, нежели их *саиб*. При взгляде в его сторону мне показалось, будто вся кровь у меня застыла в жилах: висевшую возле него и крепко привязанную к колонне кисейную вуаль (*топи*) хлестало со всех сторон ветром; длинные же волосы *саиба* лежали неподвижно, словно приклеенные к плечам: ни один волос не шевелился, ни малейшего движения в легких складках обвивавшей его белой кисеи; изваянная статуя не может казаться неподвижнее…

[425] Сфинкс (*др.-греч.* Σφίγξ, Σφιγγός, сфинга, собств. «душительница» – переосмысление древнеегипетского названия сфинкса «шепсес анх» – «живой образ») – зооморфное мифическое существо. В древнеегипетском искусстве – животное с телом льва, головой человека или (реже) – головой сокола или барана. В древнегреческой мифологии – чудовище с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка, персонаж легенды об Эдипе.

Да что̀ ж это такое? Бред, галлюцинация или изумительная, непонятная действительность? Крепко зажмурив глаза, я было решилась не глядеть долее. В эту минуту что-то захрустело в двух шагах от ступени, и длинный черный силуэт – не то собаки, не то дикой кошки – ясно очертился на светлом фоне неба. Животное стояло на краю обрыва боком и высокий, трубою хвост то подымался, то опускался в воздухе… Оба раджпута быстро, но неслышно встали и повернули голову к Гулаб-Сингу, как бы ожидая приказаний… Да где же сам Гулаб-Синг? На месте, где за минуту до того он так неподвижно сидел, никого не оказалось; лежала лишь одна сорванная ветром *топи*… Страшный, продолжительный рев вдруг оглушил меня, заставив вскочить на ноги; рев этот, проникнув в вихару, казалось, разом пробудил уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи… тигр! Не успела эта мысль еще ясно сложиться в уме моем, как захрустели деревья и словно чье-то тяжелое тело покатилось в пропасть. Все мгновенно вскочили; мужчины схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха…

– Что̀ с вами? – раздался спокойный голос Гулаб-Синга со скамьи, где он снова сидел как ни в чем не бывало. – Что̀ это вас всех испугало?

– Тигр! Ведь это был тигр? – посыпались вопросы европейцев и индусов. Мисс Б*** дрожала как в лихорадке.

– Тигр или что другое, теперь это для нас очень мало значит. Что̀ бы оно ни было, теперь оно лежит на дне пропасти, – отвечал, зевая, раджпут. – Вы, кажется, особенно встревожены? – добавил он с легкою иронией в голосе, обращаясь к истерически рыдавшей англичанке, которая, видимо, колебалась, упасть ли ей в обморок или нет.

– И почему это правительство не уничтожит всех этих ужасных зверей? – всхлипывала наша мисс, вполне веровавшая во всемогущество своего правительства.

– Вероятно потому, что наши *повелители* приберегают порох на нас самих, делая нам честь считать нас опаснее тигров, – отрезал Гулаб-Синг.

Чем-то грозным и вместе насмешливым звучало это слово «повелители» в устах раджпута.

– Но каким же образом вы отделались от «полосатого»? – допытывался полковник. – Разве кто стрелял?

– Огнестрельное оружие только у вас, европейцев, считается *единственным* или, по крайней мере, *самым верным способом* одолевать диких зверей. У нас, дикарей, есть и другие средства, даже более опасные, – пояснил *бабу́* Нарендро Дас-Сен. – Вот когда вы приедете к нам в Бенгалию, то будете иметь хороший случай познакомиться с тиграми; они приходят к нам непрошеные и днем и ночью, даже в городах…[426]

Начинало светать, и Гулаб-Синг предложил спуститься вниз и до первых жаров осмотреть другие пещеры и развалины крепости. В пять минут все было готово к завтраку, и в половине четвертого мы отправились другою, более покатою дорогой в долину, на этот раз без особенных приключений. Только махрат, не говоря ни слова, отстал от нас и исчез.

[426] См.: «История в книге “Из пещер и дебрей” о том, как я упал в пропасть и был спасен саньяси и его пятиногой коровой, – это все вымысел, так же как и “далекий рев тигров, поднимающийся из долины”, ночное нападение на нас огромного тигра, низвержение его в бездну силой воли адепта и плач “мисс Х.” – совершенная небылица. Именно эти изюминки и пряности Е.П.Б[лаватская] поместила в свою очаровательную индийскую чудо-книгу, чтобы сделать ее интересной для русской публики, на языке которой она была первоначально написана. Так же вводит в заблуждение ее рассказ о представлении заклинателя змей, произошедшем в пещерах Карли...» (*Olcott H.S.* Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883. London, 1900. P. 56).

IX

Осмотрев Логарх[427], крепость, взятую Сиваджи в 1670 году у могулов, и ныне разрушенные покои, где вдова Наны Фарнавизы[428], под предлогом протекции и 12000 рупий пенсии со стороны Англии, сделалась *de facto* пленницей генерала Уелезлея (Wellesley)[429] в 1804 году, мы поехали в богатую и когда-то укрепленную деревню Варгаон[430]. Там мы решили переждать знойные часы (от 9 утра до 4 пополудни) и потом ехать в исторически знаменитые пещеры Бирзы[431] и Баджы[432], милях в трех от Карли.

Варгаон знаменит двумя постыдными для англичан историческими событиями. Значительной силы войско было там побито горстью махратов 12 и 13 января 1779 года. Тогда бомбейский губернатор Горнби[433], сговорившись с бывшим пешвой, Рагхунат-рао[434], утвердить его регентом в Пуне с четырьмя тысячами войска, из которых 600 человек были англичане, послал привести в силу этот договор президента совета Карнака[435], который осрамил и свое отечество, и честь Ост-Индской компании, изменив и регенту, и своему правительству. Испуганный небольшою армией махратов под начальством Наны Фарнавизы, Синдии[436] и Тукоджи Холькара[437], Карнак сперва приказал отступать, а потом вошел с торжествующими махратами в самую постыдную сделку, изменив этим пешве и заранее приготовляясь изменить и своим новым союзникам. Окруженный неприятелем, он побросал в озеро пушки, амуницию и приказал людям *спасаться* еще до боя, оставляя свой арьергард на произвол атаковавших его махратов: 15 английских офицеров были убиты в тот день. Полковник Кокбёрн[438], решив, что сражение проиграно и сами они во власти неприятеля, первый посоветовал Карнаку сдаться. Тогда Карнак послал офицера капитулировать и, по словам Гранта Дёфа (*Mahrattas,* Vol. II, p. 363), «не постыдился послать бомбейскому губернатору письмо, в котором утешал его тем, что все уступки и обещания, сделанные в тот день махратам, были сделаны с *тайным между англичанами соглашением не приводить их в исполнение*»[439]. Поэтому, как только доблестный комитет дипломатов перевалил через горы и увидел себя в безопасности, все обещания, которым махраты поверили без колебания, полетели тотчас же на ветер. Остановленная было вспомогательная армия была призвана из Бенгалии, Синдия не получил ни гроша из обещанной суммы и многие из заложников были преданы смерти. Люди «избранной высшей расы» еще раз доказали

---

[427] Лохагад (*англ.* Lohagad).

[428] Нана Фарнавиза[*] был первым министром пешвы[**], молодого Махадео-рао[***], которого он так строго держал в руках, что тот, после публично полученного от него выговора, утром 25 октября 1795 бросился вниз с террасы своего за́мка в Пуне и умер. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Нана Фарнавис (Nana Phadnavis, 1742–1800) – политический деятель государства маратхов в Индии, министр финансов и первый министр империи.

[**] Пешва – индийский титул у маратхов, эквивалентный современному премьер-министру.

[***] Мадхав-рао II (Madhav Rao II, 1774–1795) – пешва государства маратхов.

[429] Ричард Колли Уэлсли (1760–1842) – британский государственный деятель, генерал-губернатор британских владений в Индии (1797–1805).

[430] Вадгаон (*англ.* Vadgaon).

[431] Бедсе, Бедса (*англ.* Bedse, Bedsa).

[432] Бхаджа (*англ.* Bhaja).

[433] Уильям Хорнби (Hornby, 1723–1803) – губернатор Бомбея (1771–1784).

[434] Рагхунатх-рао (Raghunath Rao, 1734–1783) – пешва государства маратхов (1773–1774).

[435] Джон Карнак (1716–1800) – британский бригадный генерал, трижды назначался главнокомандующим войсками в Индии.

[436] Махаджи Шинде (Махаджи Синдия, Mahadaji Shinde, Mahadaji Scindia, 1730–1794) – махараджа Гвалиора (с 1761 г.), влиятельный военный и политический деятель.

[437] Тукоджи Рао I Холкар IV (Tukoji Rao I Holkar IV, 1723–1797) – махараджа Индаура (1795–1797).

[438] Уильям Джеймс Кокберн (Cockburn, ?–1800) – английский подполковник.

[439] См.: *Grant Duff J.* History of the Mahrattas. Vol. II. London, 1826. P. 374–378 (*Грант Дафф Дж.* История махратов. Т. II. Лондон, 1826. С. 374–378).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 324.

Джеймс Грант Дафф (1789–1858) – британский государственный деятель в Индии, историк.

превосходство своих цивилизованных понятий о чести над предрассудками коричневых «дикарей»[440].

Часа в два пополудни, когда, обвеваемые огромными протянутыми чрез всю длину комнаты *пáнками*, мы, несмотря на то, сильно охали от жары, неожиданно предстал нам исчезнувший с дороги приятель наш, махратский брамин. Сопровождаемый полудюжиной дакни (жителей Декканского плато), он тихо ехал верхом, сидя почти на ушах лошади, которая фыркала и очень неохотно шла; когда же он подъехал к крыльцу веранды и спрыгнул с коня, мы увидали, в чем дело: поперек седла лежал, волоча по земле хвост, громадный тигр. Из полуоткрытой пасти висела кусками запекшаяся черная кровь. Его сняли и положили у порога.

«Неужели это наш ночной посетитель?» – мелькнуло у меня в уме. Я взглянула на Гулаб-Синга. Он лежал в углу на ковре, опершись головой на руку, и читал; брови его слегка нахмурились, но он не произнес ни слова. Молчал и брамин, привезший тигра, тихо отдавая приказание, словно он приготовлялся к торжественному таинству. По народному суеверию, то было действительно «таинством», как мы это скоро узнали…

Клочок шерсти тигра, убитого *не* пулей или каким-либо холодным оружием, а *словом*, считается самым верным талисманом против нападения ему подобных. «Такие случаи чрезвычайно редки, – говорил нам махрат, – так как чрезвычайно трудно встретить человека, обладающего этим *словом*. Отшельники-*йоги* и *садду* не убивают их, считая убиение даже тигра и кобры грехом, а просто *отстраняют* от себя зверей. Есть только одно *братство* в Индии, члены коего обладают всеми секретами и для которых нет в природе тайн… А что тигр был убит не вследствие падения со скалы (они никогда не оступаются), не пулей и не каким-либо другим орудием, а просто *словом* Гулаб-Лалл-Синга, то в этом нам порукой тело самого зверя». «Я нашел его очень скоро, – продолжал рассказывать брамин, – в кустах, где он лежал, прямо под нашею вихарой и у подножия скалы, с которой он скатился вниз уже мертвым… Гулаб-Лалл-Синг, ты – радж-йог, и я тебе кланяюсь!..» – добавил гордый брамин, присоединяя дело к слову и простираясь пред Такуром на землю.

– Не говори пустого, Кришнарао! – перебил его Гулаб-Синг. – Вставай и не представляй из себя *шудры*… Тигр просто свалился со скалы и сломал себе при падении шею. Иначе нам пришлось бы употребить в дело оружие, а не *слова*.

– Повинуюсь тебе, саиб, но… прости, что верю все-таки *в свое*… Ни один *радж-йог* еще не сознавался, что он принадлежит к *братству*, с тех пор как существует гора Абу[441].

Он стал оделять нас клочками шерсти, вырываемой им у мертвого зверя. Все молчали. Со странным чувством любопытства я стала наблюдать над группой моих спутников. Полковник (президент нашего Общества) сидел потупив глаза в землю и очень бледный; секретарь его, мистер У***, курил сигару и лежал навзничь, вперив холодные, ничего не выражающие глаза в потолок. Он молча принял клочок шерсти и спрятал его в портмоне. Индусы стояли над тигром, а сингалезец чертил какие-то каббалистические знаки на лбу у зверя. Один Гулаб-Синг продолжал лежать, спокойно читая в углу. Мисс Б*** тихо предложила мне вопрос: «Знает ли *наше*

[440] Один из последних в этом роде политико-дипломатических фокусов, но один из самых неблаговидных, иудо-предательских, был совершен нашими друзьями-англичанами в 1857 году во время мятежа. Из всех независимых и опасных для них принцев, махараджа Синдия*, оставался наиболее преданным и верным англичанам. Понадобилась им, – ввиду собственной безопасности от сипаев Синдии, которых тот насилу сдерживал, – известная своею силой и неприступностью крепость, расположенная на горе почти над самым дворцом махараджи. Эту крепость англичане никогда не успевали взять, да и не пытались. Пользуясь благорасположением Синдии и его искренним желанием помочь *союзникам*, они выпросили крепость у него *на время*, поклявшись *честным словом* очистить ее тотчас же по подавлении мятежа. Синдия – истый махрат, то есть жестокий и неумолимый с врагом, но готовый пожертвовать жизнию, дабы исполнить раз данное союзнику и другу слово. Он согласился. Англичане овладели знаменитою крепостью, в которую их ввел сам махараджа: мятеж усмирили, а чрез год он стал просить правительство отдать ему назад крепость. Но вот уже прошло 22 года, а англичане, под разными предлогами, все еще не «сдали квартиры», откуда им так удобно наблюдать за их любезным *союзником*. А теперь, как известно, затевают даже уничтожить и армию Синдии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Джаяджи Рао I Синдия (Jayajirao Scindia, 1835–1886) – махараджа Гвалиора (1843–1886).

[441] Абу – священная гора в индийском штате Раджастхан.

правительство о существовании этого *братства* и дружелюбно ли расположены *радж-йоги* к англичанам?»

– О, чрезвычайно дружелюбно! – серьезно отвечал раджпут, прежде чем я успела раскрыть рот. – Если они только существуют: одни радж-йоги мешали до сей поры индусам перерезать всем вашим соотечественникам горло, удерживая их… *словом*.

Англичанка не поняла.

Наши психологические исследования в Индии начинались, по-видимому, хорошо, обещая столь же богатую нашему обществу жатву, как и археологические.

Пещера Бирзы – около шести миль на юго-запад от Варгаона – вырыта по тому же плану, как и Карли. Сводообразный потолок храма поддерживается двадцатью шестью колоннами 18 футов[442] вышины, а портик – четырьмя в 28 футов[443], над коими высечена замечательной красоты группа лошадей, быков и слонов. Зала «посвящения» – огромная овальная комната с колоннами и одиннадцатью кельями, идущими внутрь скалы. Пещеры Баджы древнее и красивее. Там сохранились надписи, доказывающие, что все эти храмы были высечены буддистами или, скорее, джайнами. Нынешние буддисты признают, как известно, лишь *одного* Будду – Гаутаму, принца Капилавасту (VI век до Р.Х.)[444], а джайны считают и признают за Будду каждого из своих двадцати четырех божественных учителей (*Тиртанкара*), из коих последний был учителем (*gourou*[445]) Гаутамы. Это разногласие чрезвычайно мешает верному определению древности некоторых вихар или *чайтий*. Секта джайнов неизвестной и глубокой древности; поэтому имя *Будды*, упоминаемое на надписях и таблицах, может относиться как к последнему, так и к первому Будде, жившему (по генеалогии, составленной Тодом) гораздо ранее 2200 лет до Р.Х. Первая надпись, например, в пещере Беиры[446] (гвоздеобразная) гласит так:

«Аскетом из Насика[447], уподобленному очищенному от грехов *святому* Будде, первобытному, небесному и великому».

Решают, что эта пещера вырыта буддистами.

Вторая надпись в той же пещере, над другою кельей, содержит в себе следующее:

«Благоугодный дар небольшого приношения движущейся силе (жизни), умственному принципу (душе), многолюбимому вещественному телу, плоду Ману, бесценной драгоценности, высшему и присутствующему здесь Небесному».

Выходит, что постройка принадлежит не буддистам, а браминам, признающим Ману.

Или вот еще эти две надписи (из пещеры Баджы):

1) «Благоугодный дар символа и колесницы (вместилища) грехоочищенного Сака-Сака». 2) «Дар вместилища Радды[448] (жены Кришны, символ совершенства) Сугате, навеки ушедшему»[449]…

Сугата[450] опять одно из имен Будды. Опять противоречие!

Здесь, возле Варгаона, после сражения [при] Кхирхи[451], махраты схватили капитана Вогана (Vaughan) и брата его, которых и повесили[452].

---

[442] 5,5 м.

[443] 8,5 м.

[444] Капилавасту – столица царства шакьев, о которой рассказывается в житийной литературе, посвященной Сиддхартхе Гаутаме (принцу царства шакьев, будущему Будде). Считается, что Сиддхартха Гаутама провёл здесь первые 29 лет своей жизни. Местонахождение Капилавасту точно не установлено.

[445] гуру (*фр.*).

[446] Бедсе.

[447] На́сик – город в 170 км от Мумбаи.

[448] Радха – жена Кришны.

[449] См.: A Brief Account of the Minor Bauddha Caves of Beira and Bajah in the Neighbourhood of Karli. Communicated in a Letter from N.L.Westergaard to James Bird, with Translations by the Latter of Inscriptions Found at Both // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. I, 1844. P. 440–443 (Краткий отчет о малых буддийских пещерах Беиры и Баджы в окрестностях Карли. Сообщено в письме Н.Л.Вестергора Джеймсу Бёрду, с надписями, переведенными последним и найденными обоими // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, 1844, т. I. P. 440–443).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 325.

Нильс Людвиг Вестергор (1815–1878) – датский востоковед.

Джеймс Бёрд (1797–1864) – английский врач, член Королевского азиатского общества.

[450] Сугата – эпитет Будды как «существующего ради добра, блага, счастья».

На другой день мы поехали в Чинчор или, по-здешнему, Чинчвод[453]. Это место знаменито в религиозных записях Деккана, так как здесь в миниатюре повторяется то же, что̀ совершается на большую ногу в Лласс̀е[454] в Тибете: как Будда воплощается в каждого нового Далай-ламу, так здесь Шива дозволяет сыну своему *Гёнпати* (богу мудрости с головой и хоботом слона)[455] воплощаться в старшего сына того или другого браминского семейства. Тут ему выстроили богатый храм и более двухсот лет в нем живут и принимают поклонения *аватары* (воплощения) *Гёнпати*. Дело было так:

Около 250 лет тому назад бедная чета браминов получила во сне от бога мудрости обещание, что он воплотится в их старшего сына. Мальчик был назван в честь бога *Маробой* (один из его титулов). Мароба вырос, женился и нажил несколько сыновей. Затем бог повелел ему во сне оставить свет и поселиться в пустыне. Там в продолжение 22 лет Мароба творил, по преданиям, удивительные вещи, и слава его стала расти. Он поселился в непроходимой *джонгле*, в углу дремучего леса, покрывавшего в те времена Чинчвод. *Гёнпати* явился ему еще раз и обещал вселяться в его потомков в продолжение семи поколений. Чудесам его нет границ; его стали, наконец, боготворить, и народ построил ему этот великолепный храм. Наконец, Мароба приказал похоронить себя живого, в сидячем положении и с книгой в руке, строго завещав никогда не открывать его гробницы, грозя ужасным проклятием ослушнику. После похорон Маробы *Гёнпати* воплотился в его старшего сына; тот, в свою очередь, стал также кудесить. Таким образом, Мароба Део (бог) I был замещен Чинтамоном Део I. У этого бога было восемь жен и восемь сыновей; старший из них, Нараян Део, производил такие фокусы, что слава его дошла до императора Аламгира[456]. Дабы испробовать меру его «божества», Аламгир послал ему в дань кусок коровьего хвоста (самое греховное прикосновение для индуса), завернутого в богатейшие материи и платья. Когда последние были развернуты, Нараян окропил их водой, и вместо греховного хвоста в узле нашли букет жасмина. Император был так доволен этим превращением, что даровал богу на вечные времена восемь деревень для его содержания. Нараяна наследовал Чинтамон Део II, а его Дармадхар и, наконец, Нараян II. Последний навлек на себя проклятие *Гёнпати*, разрыв могилу Маробы[457]. Поэтому сын его (последний из богов) и умирает теперь без наследника… Мы увидели сидящего на возвышении старика лет девяноста. Его голова тряслась, а глаза, вследствие постоянного употребления опиума, бессмысленно устремлены были на нас, ничего не видя. В ушах, на шее и на пальцах ног блестели драгоценные камни, а кругом валялись жертвоприношения. Нас заставили снять обувь, прежде чем подойти к этой разрушающейся святыне.

В тот же вечер мы вернулись в Бомбей. Чрез два дня мы готовились пуститься в наше далекое путешествие в Северо-Западные провинции, и наш маршрут казался самым привлекательными. Мы приготовлялись увидать Насик, один из немногих городов, упоминаемых греческими историками, его пещеры и башню Рамы; посетить Аллахабад, доисторическую столицу Лунной династии, древнюю Праягу, построенную при слиянии священного Гангеса[458] и Джумны; Бенарес, город 5000 храмов и стольких же обезьян; Каунпур[459], прославленный кровавым мщением Наны Саиба[460], и развалины города Солнца, разрушенного, по мнению

---

[451] Кирки (Kirkee); современное название – Хадки (Khadki).

[452] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 325.

[453] Чинчвад (*англ.* Chinchwad).

[454] Лхаса (*пиньинь* Lāsà) – столица независимого Тибетского государства, резиденция Далай-ламы. Буквально в переводе с тибетского «лхаса» означает «место богов».

[455] Ганéша или Ганапати (Ganapati) – в индуизме бог мудрости и благополучия с головой слона.

[456] Аурангзеб (1618–1707) – падишах империи Великих Моголов под именем Аламгир I («Покоритель Вселенной») в 1658–1707 гг.

[457] См.: *Sykes W.H.* An Account of the Origin of the Living God at the Village of Chinchore, near Poona // Transactions of the Literary Society of Bombay, Vol. III, 1823. P. 69–78 (*Сайкс У.Г.* Отчет о происхождении живого бога в деревне Чинчор, недалеко от Пуны // Труды литературного общества Бомбея, 1823, Vol. III. С. 69–78).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 326–327.

[458] Ганг (*англ.* Ganges).

[459] Каннур (*англ.* Kanpur; до 1948 г. – Cawnpore).

[460] Нана Сагиб (урожд. Дхонду Пант, 1824 – после 1857) – один из лидеров индийских повстанцев в ходе восстания сипаев 1857 г.

Кольбрука, около 6000 лет тому назад; Агру и Дельи[461], и затем, объехав весь Раджистан с его тысячами такурских укрепленных за́мков, крепостей, разрушенных городов и легенд, намеревались проехать в Лахор, столицу Пенджаба, и остановиться, наконец, в Амрутсире[462]. Там, в *Золотом Храме*, построенном посреди озера «Бессмертия», должна была состояться первая встреча членов нашего «Общества», браминов, буддистов, сикков, словом, представителей тысячи и одной секты двухсот сорока пятимиллионной Индии, которые все, более или менее, сочувствовали нашему *Теософическому Обществу братства со всем человечеством*[463].

[461] Дели (*англ.* Delhi).

[462] Амритсар (*англ.* Amritsar).

[463] См.: *Kharsedji N.Seervai.* The Theosophical Society, or Universal Brotherhood // The Theosophist, Vol. I, April, 1880. P. 179–180 (*Kharsedji N.Seervai.* Теософское общество, или Всемирное Братство // The Theosophist, 1880, т. I, апрель. С. 179–180).

Kharsedji Nasarvanji Seervai (?–1897) – член Теософского общества в Индии, вышел из общества после публикации клеветнического отчета Общества психических исследований (декабрь 1885 г.).

X

Бенарес, Праяга (ныне Аллахабад), Насик, Хардвар, Бадринатт, Матура[464] – вот те священнейшие места древней, доисторической Индии, которые одно за другим мы собирались посетить, но, конечно, не так, как их обыкновенно посещают туристы à vol d'oiseau[465], с дешевым *гидом* в кармане и под командой сбивающего вас и с ног, и с толку чичероне. Нет, мы хорошо знали, что вокруг всех этих мест, словно плющ на развалинах старых за́мков, обвилось предание, веками наросли сорные травы фантазии, пока, наконец, по примеру этих паразитных растений, постоянно сдавливая в своих холодных объятиях стены, они совсем не разрушили первобытной формы здания, и археологу так же трудно по обезображенным, усыпающим окрестности остаткам судить об архитектуре когда-то целого здания, как и для нас из этой массы легенд отделить плевелы от настоящего зерна. Тут не помогут ни гиды, ни чичероне. Они способны разве указать нам на места, где во времена былые возвышались крепость, за́мок, храм, священный лес или знаменитый город, да повторять сложившиеся уж при мусульманах предания. До неискаженной истины, до первоначальной истории каждой интересующей нас местности нам, конечно, придется доискиваться самим, следуя собственным соображениям.

Современная Индия не представляет и бледной тени не только древней, то есть Индии дохристианской эры, но даже и Индостана под владычеством Аурунгзеба[466], Акбара, Шах-Джехана[467]. Словно кровавыми, окаменелыми слезами усеяны круглым красноватым булыжником окрестности каждого многократно истерзанного города, каждой разрушенной деревушки. Но не по природным камешкам, не по дресве[468], изранивая себе ноги, приближаетесь вы к высоким, окованным железом воротам старинных укрепленных городов, а по гранитным, еще древнейшим обломкам, под которыми часто покоятся развалины третьего, еще более древнего города. Нынешние названия даны им мусульманами, которые обыкновенно строили свои города на пепелище побежденных, взятых приступом городов; названия последних кое-как еще упоминаются в преданиях, но названия их предшественников исчезли из памяти людской еще до мусульманского вторжения. Кому когда удастся проникнуть в эти вековые тайны?..

Зная все это заранее, мы решились не терять терпения и даже, если бы того потребовали обстоятельства, посвятить целые годы на частые экскурсии в одни и те же места, пока не добьемся более верных исторических данных, менее исковерканных фактов, нежели добытые нашими предшественниками. Последние должны были довольствоваться набором диких вымыслов, с трудом вызываемых из уст напуганного, неохотно отвечающего дикаря, или же враждебного, нарочно искажающего истину брамана. Нам же помогает целое общество образованных, заинтересованных теми же вопросами, как и мы, индусов; мы уже имеем положительное обещание быть допущенными хотя в некоторые тайны древних хранителей их, *махантов*, слышать не предание, а верный перевод старинных, чудом уцелевших хроник и грамот о некоторых городах.

История Индии давно исчезла из памяти ее сынов, она совершенно неизвестна ее завоевателям, но она, несомненно, существует, хотя, быть может, и в растерзанных частях, в тщательно оберегаемых от европейского глаза рукописях. Недаром брамины в редкие минуты дружеских излияний иногда проговаривались. Так не раз уже упомянутому мною англичанину Тоду старый *махант* (настоятель) некоего древнего храма-монастыря раз заметил: «Не теряй времени, сааб, в напрасных розысках: Индия *беллати* (Индия иностранцев, англичан) пред тобою, *гупта* Индию (то есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители ее тайн, скорее отрежем язык друг у друга».

И однако же Тод много кой-чего узнал. Правда, ни один англичанин не был так любим туземцами, как этот старый, храбрый друг махараны Уйдепурского[469], но зато и он любил

---

[464] Матхура, Муттра.

[465] поверхностно, не входя в подробности, букв. с птичьего полета (*фр.*).

[466] Аурангзеб.

[467] Шах-Джахан.

[468] Дресва – рыхлые продукты выветривания различных горных пород, состоящие из их неокатанных обломков и минералов размером 1–10 мм.

[469] Бхим Сингх (1768–1828) – махарана Удайпура (1778–1828).

туземцев и никогда не показывал презрения даже к беднейшему из них. Он писал до периода полного развития современной этнологии, и книга его до сей поры считается авторитетом во всем касающемся Раджистана. Хотя, по собственной скромной оценке ее автора, она представляет «лишь свод добросовестно собранных материалов для будущего историка»[470], но в ней найдется, кроме того, много такого, чего ни один еще великобританский чиновник не добился до него, да не добьется и после.

Так пусть же недоверчиво улыбаются наши друзья и наши недоброжелатели, даже смеются над нашею претензией «проникнуть в мировые тайны Ариаварты», как выразился недавно один критик. Смотря с самой пессимистской точки зрения, наши заключения, если даже и не окажутся достовернее заключений и доводов Фергюсона, Уильсона, Уиллера[471] и прочих археологов и санскритистов, трактовавших об Индии, то, во всяком уж случае, не будут бездоказательнее прочих. Нам замечают, что мы неблагоразумно затеяли то, пред чем ежедневно отступают археологи и историки, которым способствует здешнее правительство с его влиянием и неистощимою казной за спиной; что мы взялась-де за работу, оказавшуюся не под силу даже Королевскому азиатскому обществу…

Пусть так. Но у всех свежо в памяти, а у нас тем более, как бедный венгерец, не только без средств, но почти нищий, отправился пешком в Тибет чрез страны неизведанные, опасные, увлекаемый лишь любознательностью да желанием пролить свет на историческое начало своего народа. В результате вышло то, что были внезапно открыты неисчерпаемые рудники литературных сокровищ. Филология, дотоле бродившая в египетских потемках безвыходного лабиринта этимологий и уже важно предлагавшая ученому миру помириться с самыми фантастическими теориями, вдруг неожиданно напала на нить Ариадны. Она открыла, наконец, что санскритский язык если не праотец, то все же «старший брат» всех других древних языков, по выражению Макса Мюллера. В Тибете найдена неисчерпаемая литература на языке, о письменности которого не было ничего известно. Благодаря необыкновенному рвению Александра Ксомо де Кёрёша[472], она им частью переведена, а частью анализована[473] и выяснена. Перевод же его доказал всему ученому миру, что, во-первых, подлинники *Зенд-Авесты* – солнцепоклонников, *Трипитак*[474] – буддистов и *Айтареи-Браманам*[475] – браманов были в оригиналах своих написаны на том же древнесанскритском языке; во-вторых, что все три языка, то есть зендский, непалийский и современный или брамано-санскритский – более или менее диалекты первого; в-третьих, что от санскритского произошли все менее древние индо-европейские и современные языки и диалекты Европы; в-четвертых, что три самые значительные религии язычества: зороастризм, буддизм и браманизм, хотя только ереси монотеистического учения *Вед*, но что это не мешает им быть всем трем древними религиями, а вовсе не современными подлогами.

Мораль вышесказанного очевидна. То, чего не могли бы добиться целые поколения ученых, то есть проникнуть в *ламазерии*[476] Тибета и получить доступ к священной литературе этого вполне изолированного народа, того добился бедный странник без средств и без протекции, быть может и даже вероятно только потому, что смотрел на диких монголов и тибетян как на *братий* своих, а не как на *низшую* расу. И стыдно становится подумать, стыдно за человечество вообще, а за науку в особенности, что первый добывший такие драгоценные для науки результаты, сеятель столь драгоценной для нее жатвы, оставался почти до самой смерти тем же непризнанным бедным тружеником. Достигнув Калькутты по возвращении из Тибета *пешком*, без гроша денег, он

---

[470] *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajasthan. Vol. I. Madras, 1873. P. XVII.

[471] Джеймс Толбойс Уилер (1824–1897) – английский историк, автор «Истории Индии» (в 4-х т.).

[472] Александр Чома де Кёрёш (1784–1842) – венгерский филолог-востоковед, автор первого тибетско-английского словаря и грамматики, переводчик буддийских текстов, часто называется основателем научной тибетологии (см.: *Шапошникова Л.В.* Жизнь и смерть Чома де Кёрёша // *Шапошникова Л.В.* Вестники Космической эволюции. Т. I. М., 2012. С. 156–171).

[473] анализирована (*англ.* analyze).

[474] Трипитака (*санскр.* «Три корзины») – свод буддийских священных текстов, созданных в V–III вв. до н.э.

[475] Айтарея-брахманы – древнеиндийское собрание священных гимнов, состоит из восьми больших разделов и содержит детальное описание различных обрядов.

[476] Ламасерий (*англ.* lamasery) – ламаистский монастырь.

сделался известен и его имя стало громко произноситься с почестями и хвалой лишь в то время, как, вследствие бескорыстной любви своей к науке, Ксомо де Кёрёш умирал в одном из беднейших кварталов Калькутты и больной на обратном пути пешком чрез Сикким в Тибет умер в Дарджелинге[477], где и похоронен.

Само собою разумеется, что в пределах обыкновенных газетных писем нельзя серьезно начинать что-либо подобное затеваемому нами. Мы можем лишь надеяться, что заложим первый камень здания, дальнейшую постройку коего может взять на себя разве будущее поколение. Чтоб успешно опровергнуть установленные целыми двумя поколениями индианистов мнения о древностях Индии, потребуется не менее полувека упорной работы. А для того чтобы заменить эти мнения другими, необходимо заручиться фактами, основанными не на хронологии и лжепоказаниях лукавых браманов, заинтересованных в невежестве европейских санскритистов (как то испытали, к своему горю, лейтенант Вильфорд[478], а за ним Луи Жаколио), а на неопровержимых доказательствах древнейших, доселе неразобранных надписей, ключа к которым европейцы еще не нашли, ибо он, как не раз уже указано, хранится в *не менее древних*, почти недоступных рукописях. Да если даже наши надежды и осуществятся и мы получим этот ключ, то и тогда явится другая необходимость: начать систематическое опровержение, страница за страницей, каждого из многих десятков фолиантов, доселе опубликованных Королевским азиатским обществом *гипотез*. А на это потребовались бы дюжины постоянно занятых ученых санскритистов, которые даже в Индии редки, как белые слоны[479].

Поэтому при описании посещенных нами пещер и других памятников архаической эпохи я ограничусь простым указанием наиболее распространенных идей и общепринятых между археологами мнений касательно этих местностей. Требую, во всяком случае, привилегии указывать также и на разноголосицу между почтенными учеными, на их противоречивые показания и теории, доказывающие как дважды два четыре, как мало права они еще имеют, невзирая на весь их авторитет, требовать для вышесказанных своих теорий чего-либо сверх простого к ним внимания. Я надеюсь доказать неопровержимыми фактами, как мало успели еще придти[480] к какому-либо правдоподобному заключению гг. археологи касательно хотя бы пещерных храмов Насика.

Сильно занятые подобными мыслями, мы, то есть один американец, три европейца и три туземца, заняли целый вагон *Great Indian Peninsular Railroad*[481] и отправились в Насик, один из древнейших, как уже упомянуто мною, городов Индии и самый священный в глазах обитателей Западного президентства. Насик заимствует свое имя от санскритского слова *насика*, то есть «нос», вследствие эпической легенды, уверяющей, будто Лакшман, старший брат обоготворенного царя Рамы, отрезал на этом самом месте нос великанши «Сарпнаки»[482], сестры царя Раваны, похитителя Ситты (троянской Елены индусов)[483].

Поезд железной дороги останавливается в шести милях от самого города, и мы приехали в ночь; поэтому нам пришлось отправиться далее в час пополуночи в шести золоченых двухколесных таратайках, называемых *эккой*, и на волах. Даже невзирая на поздний час ночи, рога этих животных были вызолочены и украшены гирляндами цветов, а на ногах звенели медные браслеты. Дорога пролегала неровными, ухабистыми оврагами, густо заросшими джонглем, в котором, по приятному показанию наших возниц, постоянно играли в прятки тигры и другие четвероногие мизантропы лесов. С тиграми в эту ночь мы не знакомились, но зато в продолжение всей дороги были угощаемы концертом целого общества шакалов. Неотвязно следовали они за

---

[477] Дарджилинг (*англ.* Darjeeling).

[478] Френсис Уилфорд (Wilford, 1761–1822) – английский востоковед, индолог.

[479] Благодаря частным капиталам и усердию некоторых образованных патриотов-индусов, два *даровых* класса языков санскритского и *пали* уже были открыты: один в Бомбее – Теософическим Обществом, другой в Бенаресе – под председательством ученого Рамы Мисры Шастри[*], а теперь, в 1882 году, первое имеет уже 14 школ на Цейлоне и в Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] В «Московских ведомостях» на этом примечание заканчивается.

[480] прийти (*устар.*).

[481] Великой индийской полуостровной железной дороги (*англ.*).

[482] Шурпанакха (*англ.* Shurpanakha).

[483] *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 364.

нами, разрывая уши своим воплем, диким хохотом и лаем. Эти милые животные здесь до того дерзки и вместе с тем трусливы, что, хотя они в ту ночь бегали вокруг стаями достаточно сильными, чтобы легко поужинать не только всеми нами, но и нашими златорогими волами, ни одно из них, однако, не осмелилось подойти ближе нескольких шагов. Достаточно было стегнуть одного из них длинным кнутом, которым мы запаслись от змей, чтобы вся стая с невообразимым визгом далеко отбегала прочь. И однако же погонщики не пренебрегли ни одним из своих суеверных средств против нападения тигров. Они хором пели заклинательные молитвы, «мантры», сыпали бетелем по дороге в знак своего уважения к лесному «радже» и после каждого куплета заставляли волов становиться на передние колени и низко наклонять в честь высших богов голову, причем легкая, как ореховая скорлупа, *экка* грозила каждый раз вместе с седоком перекинуться вверх дном через рога животных. Это приятное путешествие в темную ночь длилось пять часов. Мы достигли «гостиницы пилигримов» лишь в шесть часов утра.

Настоящая причина святости Насика, как мы узнали, не в отрезанном хоботе великанши, а в местоположении города на Годавари[484] вблизи источников этой реки, называемых почему-то туземцами *Гангой* (Гангес). Этому магическому имени, вероятно, город и обязан своими многочисленными богатыми храмами и отборным классом браманов, поселившихся на берегах реки. Два раза в год пилигримы собираются сюда молиться, и число странников превышает в такие торжественные дни даже население Насика (35000). Чрезвычайно живописны, но столь же и грязны дома богатых браманов, построенные вдоль спуска, от центра города до самых берегов Годавари, по обеим сторонам которой тянутся целые леса узких пирамидальных храмов. Все эти пагоды выстроены на развалинах старых, дотла разоренных фанатизмом мусульман. Легенда повествует, будто бóльшая часть их возникла из атомов пепла обожженного хвоста бога-обезьяны, Ханумана. Удирая по воздуху из Ланки, где этому храброму герою Равана поджег хвост, предварительно натерев его каким-то горючим веществом, Хануман одним скачком по воздуху очутился над своею родиной Насиком. Тут сие благородное украшение обезьяньей спины, по дороге совсем обуглившееся, стало рассыпаться в прах. И вот по мере того как хвост испепелялся, из каждого священного, падавшего на землю атома возникал храм… И действительно, с горы это собрание бесчисленных пагод, разбросанных в самом странном, антиархитектурном беспорядке, представляется так, как будто ими кто посыпал с неба на землю. Не только берега и все окрестности покрыты храмами, но даже островки на реке и торчащие из воды скалы… И что̀ ни храм, то легенда, которую каждый браман из массы этих наследственных жуликов рассказывает на свой манер в надежде, конечно, на приличное вознаграждение.

Здесь, как и всюду в Индии, браманы разделились на две секты: поклонников Шивы и поклонников Вишну, между коими идут вековые распри. Хотя окрестности Годавари украшены двойным ореолом славы как родины Ханумана и театра первых и славных действий Рамы[485], воплощенного Вишну, против Раваны, царя цейлонского, но в них находится столько же, если не более, храмов, посвященных Шиве, как и Вишну. Бóльшая часть пагод выстроена первому из черного базальта. Вот этот-то цвет как цвет обожженного хвоста союзника Рамы и служит яблоком раздора. С самого начала своего владычества англичане получили в наследство нескончаемые тяжбы между воюющими сектантами, – тяжбы, решаемые обыкновенно лишь для того только, чтобы немедленно переходить в другую инстанцию, и всегда возникающие по поводу этого самого злополучного *хвоста* с его претензиями. Этот хвост является таинственным deus ex mashina[486], направляющим все помыслы насикских браманов pro и contra[487]. Об этом *хвосте* было

---

[484] Годавари – вторая по величине река в Индии.

[485] См.: *Asiatic Journal*, 1827, Vol. XXIII, p. 353. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Robertson H.D.* The Early History of the Mahratta Country // The Asiatic Journal, Vol. XXIII, 1827. P. 353 (*Robertson H.D.* Ранняя история государства Махратта // The Asiatic Journal, 1827, т. XXIII. С. 353).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 365.

[486] Deus ex machina (*лат.* Бог из машины) – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора. Словом mechane в древнегреческом театре назывался кран, который позволял поднимать актера над сценой (позволял ему «летать»). В античном театре выражение обозначало бога, появляющегося в развязке спектакля при помощи специальных механизмов (например, «спускающегося с небес») и решающего проблемы героев.

[487] за и против (*лат.*).

исписано более бумаг и прошений, нежели в ссоре о гусе между Иван Иванычем и Иван Никифорычем[488], и пролито более чернил и желчи, нежели имелось грязи в Миргороде с сотворения мира. Свинья, так благополучно решившая пресловутый гоголевский спор, была бы неоцененным благодеянием в Насике по этому щекотливому делу. К сожалению, даже «свинья», если она только «русская», немыслима в Индии: англичане тотчас же заподозрили бы ее и арестовали бы как *русскую шпионку*…

В Насике показывают ванну Рамы; пепел набожных индусов привозится сюда издалека, дабы быть брошенным в священные воды Годавари и смешаться навеки с *Гангом*. В одной древней рукописи упоминается указ главного из полководцев Рамы, о котором, впрочем, не упоминается в *Рамаяне*. В этом указе говорится о реке Годавари как о пограничной линии между царствами Рамы, царя *Айодьи* (Ауд), и Раваны, царя Ланки. Легенды же и поэма *Рамаяна* указывают на это место как на то, где Рама, увидев на охоте прелестную антилопу и сгорая желанием поднести шкуру ее своей возлюбленной Ситте, впервые перешел границу собственного царства и вступил в область неизвестного соседа[489]. Не подлежит ни малейшему сомнению, что и Рама, и Равана, и даже, быть может, Хануман, произведенный почему-то в обезьяну, исторические, когда-то действительно существовавшие личности. Ходили глухие толки лет 50 тому назад о том, что у браманов находится в руках много чрезвычайно ценных рукописей. Говорили, что одна из них целиком относится к той доисторической эпохе, когда арийцы, впервые вторгшись в страну, затеяли бесконечную войну с темными аборигенами Южной Индии. Эти толки заставили было одного из «коллекторов», нечто вроде уездных начальников (сколько я понимаю), советовать правительству «заставить браманов *силой* выдавать все подобные рукописи», тщательно обыскать все углы пагод, ворваться в их тайники и, невзирая на протесты суеверных фанатиков, доказать им, что англичане – властелины, а они – *рабы*. К счастью *властелинов* и, быть может, к несчастью *рабов*, они этой глупости не сделали. Фанатизм в деле религии есть единственное звено, крепко связующее все эти враждующие секты и касты. Англичане хорошо понимают это и потому никогда не оскорбят своих *рабов* в вопросах чисто религиозных. Если не самые браманы, то их храмы и алтари безусловно *неприкосновенны*.

Самое, однако же, интересное в Насике – пещерные храмы, расположенные в пяти милях от города. Отправляясь осматривать на другой день нашего приезда, мне и не снилось, что «хвост» станет снова играть значительную роль в нашем визите в Насик; что на этот раз он положительно спасет меня, если не от смерти, то от очень неприятных и, быть может, опасных ушибов. Вот как это случилось.

Так как приходилось долго ехать в крутую гору, то мы решились отправиться на слонах. Нам привели лучшую парочку в городе, самца и самку, на которых, по уверению хозяина, «ездил сам принц Уэльский[490] и остался доволен». За все удовольствие туда и назад на целый день мы сторговались по две рупии за слона, ударили по рукам и стали приготовляться.

Наши товарищи-туземцы, с малолетства привыкшие джигитовать на слонах, мигом очутились на спине у своего. Как мухи облепили они его, преспокойно рассевшись где ни попало, цепляясь за разные веревочки сидений гораздо более пальцами ног, нежели рук, и вообще представляя картину полного довольства и комфорта. Под нас, европейцев, как самую смирную из двух, приготовили слониху, на спине которой прикрепили нечто вроде двух скамеечек на сиденье покатом на обоих боках и без малейшей опоры для спин. Недоверчиво посматривали мы на это «усовершенствованное» сиденье, но делать было нечего. Наш вожак (махут) поместился между ушами громадного животного (о росте которого несчастные подростки, показываемые в странствующих цирках Европы, дают весьма слабое понятие), а мы с постыдным чувством мурашек по всему телу кое-как влезли по лесенке на спину слонихи, ставшей по приказанию *махута* на колени. Она носила поэтическое название *Чанчули-Пери* (в переводе «Деятельная

[488] Отсылка к произведению Н.В.Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

[489] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 365.

[490] Альберт-Эдуард, принц Уэльский (1841–1910) – будущий король Великобритании Эдуард VII (1901–1910), в 1875–1876 гг. посетил Индию (см., например: Отовсюду. Хроника общественной жизни // Московские ведомости, 1876, №67, 15 марта; Магия в Индии // Ребус, 1893, №21, 23 мая).

Пери») и была действительно самая послушная и веселая из всех когда-либо виденных мною представительниц своей породы. Крепко цепляясь друг за друга, мы, наконец, подали сигнал, и *махут*, вооруженный железным дротиком, ткнул животное острием оного в правое ухо. Установясь сперва на передние ноги, от чего нас отбросило назад, слониха тяжело приподнялась затем на задние, и мы, едва удержавшись от падения, шарахнулись вперед, чуть было не сбив *махута* с места. Но этим не окончилось еще наше испытание. При первых шагах *Пери* мы все четверо развалились в разные стороны, словно комки киселя…

Пришлось остановиться. Нас кое-как подобрали, причем добродушная *Пери* много помогала нам хоботом. Мы отправились далее. С ужасом подумывая о предстоявших нам пяти милях подобного путешествия и совестясь отказаться от поездки, мы, однако, с гневом отвергли постыдное предложение хохотавших товарищей привязать нас к сиденью… Чуть не пришлось мне горько раскаяться в своем самолюбии. Этот непривычный нам способ локомоции[491] являлся чем-то невообразимо фантастическим и вместе глупым. Рысью бежавшая возле важно шагавшей слонихи лошадь с багажом казалась нам с непривычной высоты каким-то малым осленком. Каждый шаг *Пери* превращал нас в акробатов, заставляя выкидывать самые неожиданные штуки. Шагнет она правою ногой – и мы ныряем вперед; левою – мы, как снопы, валимся назад, все время вдобавок перетряхаемые[492] с одного ее бока на другой. Это ощущение, особенно под палящим солнцем, стало вскоре переходить в лихорадочный бред: оно являлось чем-то средним между морскою болезнью и кошмаром во сне. К довершению удовольствия, только что мы стали подниматься по каменистой, извилистой тропинке на окраине глубокого оврага в гору, как вдруг наша *Пери* тяжело оступилась. Этот неожиданный толчок заставил меня окончательно потерять равновесие: сидя на задней части спины слонихи, на *почетном* месте экипажа, я неудержимо покатилась вниз, и в следующую затем секунду непременно очутилась бы с неприятным для своей особы изъяном на дне оврага, если бы не удивительный инстинкт и понятливость умного животного. Слониха задержала мое падение со своей «покатости», буквально поймав меня налету *хвостом*. Чувствуя вероятно, что я падаю, она крепко и ловко обвила хвост вокруг моего туловища и, тут же остановясь как вкопанная, стала опускаться на колени. Но природная тяжесть моя дала себя, вероятно, знать и оказалась не под силу тонкому хвосту доброго животного. Хотя *Пери* и не выронила меня, но зато быстро опустилась на землю и тут же тихо и жалобно замычала, вероятно размышляя, что чуть было не поплатилась за свое великодушие собственным хвостом. Так, по крайней мере, заявил соскочивший мигом с ее головы *махут*, бросившийся на помощь мне и принявшийся осматривать якобы «поврежденный» хвост слонихи. И тут произошла сцена, как нельзя лучше характеризующая грубое лукавство, хитрость, жадность к наживе и вместе с тем трусость низшего класса индусов, «безкастников» (*outcasts*), как их здесь называют.

Сперва хладнокровно осмотрев хвост и для вящей проверки крепко дернув его несколько раз, он уже собирался возвратиться на свое место, но услыхав мое неосторожное соболезнование о хвосте *Пери*, он внезапно и самым неожиданным образом переменил тактику. Бросившись плашмя наземь, он вдруг стал кататься по ней, испуская все время ужасные, дикие вопли. Рыдая на всю долину, он стал приговаривать и причитать, как над покойником, стараясь уверить публику, будто «мэм-сааб»[493] оторвала у его Пери хвост. «Пери навеки осрамлена (плакался он). Ее супруг, свидетель позора ее, гордый Айравати[494], прямой потомок любимого слона бога Индры, теперь отвергнет ее и ей остается лишь умереть»…

Так голосил *махут*, невзирая на все увещания сбежавшихся наших товарищей. Напрасно было доказывать ему, что «гордый Айравати» не показывал ни малейшего поползновения поступить так жестоко со своею супругой, добродушною *Чанчули-Пери*, о бок которой он даже в

---

[491] передвижения (*англ.* locomotion).

[492] перетряхиваемые (*прост.*).

[493] Т.е. Madame Sahib. Слово *сахиб*, произносимое *сааб*, приклеивается здесь к каждому титулу, чину, имени. Так, например, говорят Captain-Saab, Colonel-Saab*, мэм-сааб и т.д. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Captain (*англ.*) – капитан, colonel (*англ.*) – полковник.

[494] Айрава́та (*санскр.* «восставший из вод») в индуизме – белый слон, вахана бога Индры.

Вахана (*санскр.* वहन vahana, от *санскр.* वह, «восседать, ехать на чем-либо») – в индийской мифологии объект, мифическое существо или животное, используемое богами как средство передвижения.

эту критическую минуту преспокойно чесал свой хобот, и что у самой *Пери* хвост был цел и на месте. Ничего не помогало! Тогда выведенный из терпения наш приятель Нараян, известный силач, прибег к весьма оригинальному средству. Бросив одною рукой на землю серебряную рупию, он приподнял другою тщедушную фигурку *махута* за его *дотти*[495] и преспокойно швырнул его прямо носом на монету. Невзирая на окровавленную физиономию и даже не обращая внимания на нее, *махут* бросился на рупию с жадностью дикого зверя на добычу. Много раз простершись в прах пред нами с нескончаемыми «салаамами»[496] в знак благодарности, он стал без малейшего перехода изъявлять такую же безумную радость, какое за минуту до того выказывал горе. В заключение спектакля и в знак того, что хвост был действительно цел «молитвами *сааба*», он повис на нем, как виснет звонарь на колокольной веревке, пока его силой не оторвали и не заставили вернуться на свое место.

– Неужели все это за одну несчастную рупию? – воскликнули мы в изумлении и дружным хором.

– Изумление ваше понятно, – объявили нам индусы. – Трудно, особенно нам, не чувствовать стыда и отвращения при виде подобного унижения и жадности. Но не забудьте, что этот несчастный *махут*, у которого есть жена и, вероятно, дети, получает от своего хозяина номинально 12 рупий в год без содержания, а *фактически* последний с ним чаще расплачивается пинками, чем деньгами. Вспомните также долгие века угнетения от своих же браманов, от фанатиков-мусульман, видящих в индусе лишь нечистую гадину, наконец, от наших настоящих высокообразованных, *гуманных* властителей, англичан, и вы вместо отвращения почувствуете, быть может, глубокое сожаление к этой карикатуре рода человеческого.

Но «карикатура» рода человеческого, видимо, считала себя счастливою, не чувствуя ни малейшего унижения. Сидя, поджав ноги на широкой макушке *Пери*, он ей рассказывал про свое неожиданное богатство и, напоминая ей, что она «божья» слониха, заставлял кланяться *саабам* хоботом. *Пери* в превосходном расположении духа вследствие пожертвованного ей мною целого стебля сахарного тростника, забрасывала хоботом назад и игриво дула нам через него в лицо…

---

[495] *Дотти*[*] – длинный кусок материи, которым обвивают себе индусы верхнюю часть ног и поясницу. У простого народа это единственная одежда за исключением такой же тряпки на голове. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Дхоти (*санскр.* dhotī).

[496] приветствиями.

XI

Из мира современных пигмеев, житейских дрязг и Индии, столь падшей и униженной, мы опять в мире глубокой древности, в мире Индии неведомой, великой и таинственной…

Главные пещеры Насика, высеченные на горе, называемой туземцами *Панду Лена*[497], опять-таки этим именем указывают на не вымирающее, упорно переживающее века предание, относящее все подобные циклопические постройки к Панду, пяти мифическим (?) братьям доисторической эпохи страны. Единодушное мнение археологов приписывает им чуть ли не более интереса и важности, нежели пещерам Элефанты и Карли, взятым вместе. И однако же – странное дело! – за исключением почтенного и ученого доктора Уильсона, любившего немного «рубить сплеча», выдавая людские предположения за непогрешимые аксиомы, ни один из археологов еще не рискнул решить ни к какой эпохе принадлежат эти пещеры, ни кем они сооружены, ни даже к какой именно из трех главных религий древности принадлежали ее таинственные зодчие.

Пещеры Насика, очевидно, вырывались не одним поколением, как и не одною сектой. Первое, что̀ в них поражает, – это грубость первоначальной работы, громадные размеры и дряхлость скульптуры на капитальных стенах, в то время как резьба и изваяния на шести колоссах, поддерживающих главную пещеру во втором этаже, великолепно сохранились и чрезвычайно изящны. Это обстоятельство заставляет думать, что пещера была начата за много веков до своего окончания. Но когда же хоть приблизительно? Одна из переведенных санскритских надписей, находящихся на работах гораздо позднейшей эпохи (на подножии одного из колоссов), прямо указывает на 453 год до Р.Х. как на год этих пристроек. Так, по крайней мере, доказывают по астрономическим данным на этой надписи Гибсон, Бёрд, Стивенсон, Ривз[498] и несколько ученых[499], воспитанных на западе, стало быть, не предубежденных, как туземные пандиты. Да, впрочем, дата по соединению планет очевидна; она обозначает или 453 год до Р.Х., или 1734 нашей эры, или же 2640 лет до Р.Х., что̀ невозможно, так как в надписи говорится о Будде и буддистских монастырях. Перевожу главные и самые интересные фразы из оной по переводу, сделанному сперва доктором Стивенсоном и переправленному в коллегии санскритских правительственных пандитов в Бенаресе:

«Совершеннейшему и высшему. Да окажется сие благоприятным ему! Сыном царя Кшапа́ра́ты, властелина племени кшатриев (то есть воинов) и покровителя людей, владыкой Диники, лучезарным, как заря, приносится сей дар, сто тысяч коров, пасущихся на реке Бана́за́[500], вместе с рекой, а также дар злата, им, строителем сего святого пристанища богов и места для укрощения страстей браманов. Нет более желанного места, нежели это место, и даже в Прабхазе[501], куда стекаются сотни тысяч браманов, повторяя священный стих; ни в святом граде Гайа́[502], ни на Крутой горе возле Дазапуры[503], ни на Змиином поле в Говардхане[504], ни в граде Пратисрая, где монастырь буддистов, ни даже в здании, воздвигнутом Депанакарой на берегу *пресноводного* моря (?). Это место, доставляющее несравненные милости, приятное и во всех отношениях полезное для пятнистой оленьей шкуры (?) аскета[505]. Безопасная лодка, присланная в

---

[497] Pandavleni.

[498] Henry W.Reeves.

[499] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 366–367.

[500] Ба́нас – река в Индии, в штате Раджастхан.

[501] Прабхаса (*санскр.* Prabhâsa) – место религиозного паломничества в Индии в штате Гуджарат вблизи храма Сомнатх.

[502] Га́я – город в Индии в штате Бихар, является святым местом как для индуистов, так и для буддистов.

[503] Дашапура (современный Мандсаур).

[504] Говардхана – холм, расположенный неподалеку от города Вриндавана. В вайшнавизме Говардхана и окружающая его территория почитаются священной и являются важным местом паломничества. Согласно Пуранам, более 5000 лет назад на этом месте Кришна и его старший брат Баларама проводили свои божественные игры. Холм Говардхана играет особо важную роль в традициях кришнаизма, в частности в гаудия-вайшнавизме, где Кришне поклоняются как верховной ипостаси Бога. Огромное число паломников посещает Говардхан каждый год.

[505] Аскеты Индии и в наши времена покрываются à la Геркулес шкурой диких зверей, обыкновенно тигра. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

дар также им, строителем бесплатного парома, ежедневно перевозит к хорошо охраняемому берегу. Им также, строителем здания для путников и публичного резервуара воды, злаченый лев был поставлен у постоянно осаждаемых толпою ворот этой *Говардханы*; также другой (лев) у перевоза, а еще другой у Раматирты. Для тощего стада всегда найдется здесь разных родов корм; для такого стада более ста родов трав и тысячи горных корней припасены этим щедрым дарителем. В этой же самой *Говардхане*, в лучезарной горе, сия вторая пещера была вырыта по приказанию той самой благотворительной особы *в тот самый год, когда почитаемые людьми Солнце, Сукра*[506] *и Раху*[507] *были в полном ликовании своего восхода*; в этот-то год и были дары поднесены. *Лакшми, Индра и Яма*[508], освятив их, отправились назад с кликами торжества на свою колесницу, поддерживаемую заклинательными мантрами на беспрепятственном пути[509]; когда все они (боги) уехали, то полил проливной дождь» и т.д.[510]

Первые пещеры вырыты на конусообразном холме саженях в сорокà[511] от подножия. В главной, в 45 квадратных шагов, стоят три фигуры Будды; в боковых – лингам; затем два джайнские идола, а в верхней пещере находится идол или, скорее, статуя *Дхармы-Раджи*[512], или *Юдиштиры*[513], старшего Панду, которого здесь обоготворили и которому поклоняются в собственном, в честь его воздвигнутом между Пентом и Насиком храме. Затем целый лабиринт келий, очевидно, буддистских отшельников, громадная статуя Будды в лежачей позе; другая таких же колоссальных размеров и окруженная колоннами с капителями, украшенными фигурами различных зверей. Стили всех эпох, как и всех сект, перемешаны и перепутаны, как разнородные деревья в лесу[514].

Весьма замечательно то обстоятельство, что почти все без исключения пещерные храмы Индии вырыты в конусообразных скалах и горах, словно древние строители нарочно отыскивали подобные природные пирамиды. О странной и необычайной, нигде не виданной мною, кроме Индии, форме уже замечено при описании поездки в Карли. Случай ли это, или же одно из правил

---

[506] Шу́кра (*санскр.* Śukra – «ясный, чистый, белый») или Шукрача́рья – Наваграха, сын Бхригу в индуизме, наставник дайтьев и гуру асуров, владеющий знанием о воскрешении мертвых. В индийской астрологии, Шукра связывается с планетой Венерой.

[507] Раху и Кехетти – две неподвижные звезды, составляющие голову и хвост созвездия Дракона; Раху также одна из девяти планет*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Ра́ху – демон в индуизме. Периодически он проглатывает Солнце или Луну, вызывая тем самым затмения. В индуистском искусстве изображается как дракон без тела верхом на колеснице, ведомой восемью черными конями. Ке́ту – тело демона. Раху и Кету – «теневые планеты» и являются не небесными телами, а лунными узлами. Раху – это северный, или восходящий узел, в котором Луна, пересекая эклиптику, направляется вверх, в сторону Северного полюса Земли. Кету – это противоположный, южный или нисходящий узел, в котором Луна направляется вниз, к Южному полюсу.

[508] То есть созвездия – Девы, Водолея и Тельца, которые подвластны и посвящены этим трем из двенадцати высших богов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[509] На небесном пути. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[510] *Bird J.* Historical Researches on the Origin and Principles of the Bauddha and Jaina Religions: Embracing the Leading Tenets of Their System, as Found Prevailing in Various Countries; Ellustrated by Descriptive Accounts of the Sculptures in the Caves of Western India, with Translations of the Inscriptions from those of Kanari, Karli, Ajanta, Ellora, Nasik, &c., which Indicate Their Connexion with the Coins and Topes of the Panjab and Afghanistan. Bombay, 1847. P. 61 (*Бёрд Дж.* Исторические исследования о происхождении и источниках буддийской и джайнской религий: включающие в себя основные принципы этих систем, сложившиеся в различных странах, с иллюстрированным описанием скульптур в пещерах Западной Индии, с переводами надписей из пещер Канари, Карли, Аджанты, Эллоры, Насика и др., которые указывают на связь этих пещер с монетами и топами* Пенджаба и Афганистана. Бомбей, 1847. С. 61).

* Топ – насыпная буддийская гробница или мемориальный памятник, часто воздвигаемый над буддийской реликвией.

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 368.

См. также: *Stevenson J.* On the Násik Cave-Inscriptions // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. V, 1857. P. 35–57 (*Стивенсон Дж.* Надписи из пещер Насика // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, 1857, т. V. С. 35–57).

[511] 85 м.

[512] Дхармараджа (*англ.* Dharmaraja).

[513] Юдхиштхира (*англ.* Yudhishthira) – герой Махабхараты, старший из братьев Пандавов.

[514] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 366.

религиозного зодчества тех далеких времен? И кто тут подражатель? Зодчие ли египетских пирамид, или же неизвестные строители подземных храмов Индии? Как в пирамидах, так и в храмах все кажется геометрически рассчитанным и, подобно пирамидам, вход в храмы находится не внизу, но на известном расстоянии от подножия горы. Природа, как известно, никогда не подражает искусству, а напротив, последнее всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже в этом сходстве между символами Египта и Индии не найдется ничего, кроме случайности, то остается только сознаться, что игра случая бывает иногда необъяснимой. Далее нам придется, быть может, представить более веские доказательства тому, что Египет заимствовал многое у Индии. Не забудем, что начала царства фараонов совершенно неизвестны науке, а то малое, что̀ мы успели узнать, не только не противоречит этой теории, но даже указывает на Индию как на колыбель и первобытную родину египтян. Так в своей *Истории Индии* Каллука Батта[515] писал еще в дни глубокой древности следующее:

«Во время царствования Висвамитры[516], первого царя Сома-Вангской[517] династии, вследствие пятидневного сражения Ману-Вена, наследник древних царей, покинутый браманами, эмигрировал со всею армией и, пройдя страну Арии и Баррии, дошел, наконец, до берегов *Масры*…[518]»[519]

А если нам ответят, что «Каллука Батта» историк до того древний, что санскритологи до сей поры ссорятся из-за него, затрудняясь придать ему какую-либо правдоподобную эпоху, и поэтому благоразумно колеблются между 2000 лет до Р.Х. и эпохой императора Акбара (т.е. как раз во времена Иоанна Грозного[520]), то вот что̀ говорит историк более современный и всю жизнь свою изучавший Египет (не в Лондоне или Берлине по примеру многих его коллег, а в самом Египте) прямо с надписей древнейших саркофагов и папирусов, словом, Генрих Брюгш-бей[521].

«…Повторяю, это мое непоколебимое убеждение, что египтяне пришли из Азии далеко до исторического периода и, перейдя этот мост всех наций – Суэзский[522] перешеек, нашли новое отечество на берегах Нила»[523]. Есть доказательства, что во времена одиннадцатой династии египтяне вели торговлю с Аравией и берегами Индийского океана, – кто знает с каких незапамятных времен? А надпись, найденная на скале Хаммамата[524], гласит, что *Санкара*[525],

---

[515] «Каллука Бхатта (*санскр.*). Комментатор индусских Священных Писаний “Ману-смрити”; известный писатель и историк» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 193).

[516] Вишвами́тра (*санскр.* viśvāmitra «друг всех»), от рождения Вишваратха – ведийский мудрец, один из семи великих риши. Ему приписывается авторство бо́льшей части третьей мандалы «Ригведы», включая «Гаятри-мантру».

[517] Лунная династия или Чандравамша – полумифическая древнеиндийская царская династия, наряду с Солнечной династией (Сурьявамша). Ведет свое начало от бога Луны Чандры (Сомы; отсюда именование Сомавамша).

[518] *Ария* – Иран (Персия); *Баррия* – древнее имя Аравии, а *Маср* или *Масра* – имя чисто египетское. «Масром» мусульмане еще зовут Каир, коверкая имя в *Мисро, Муср* и т.д. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: «Несомненно, этот Ману-Вена и Менес, первый египетский царь, – одно и то же. Арья – это Иран (Персия); Баррия – Аравия, а Масра была названием Каира, который и по сегодняшний день называют *Масром*, Мусром и Мисро. Финикийская история упоминает Масера в качестве одного из предков Гермеса» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. XV).

[519] *Jacolliot L.* Les Fils de Dieu. Paris, 1873. P. 215 (*Жаколио Л.* Сыны Божьи. Париж, 1873. С. 215).

[520] Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584) – великий князь московский и всея Руси с 1533 г.

[521] Генрих Карл Бругш (1827–1894) – немецкий египтолог.

[522] Суэцкий (*англ.* Suez).

[523] *Brugsch-Bay H.* A History of Egypt under the Pharaohs, Derived Entirely from the Monuments. Vol. I. London, 1879. P. 2 (*Бругш-бей Г.* История Египта при фараонах, полностью основанная на памятниках. Т. I. Лондон, 1879. С. 2).

[524] Вади-Хаммамат – русло (вади) высохшей в древности реки. Через Хаммамат проходит кратчайший путь, связывавший район Фив с Красным морем. В период расцвета Древнего Египта через это ущелье проходили караваны с золотом, медью, оловом и камнем, добывавшимся в окрестностях Вади-Хаммамата. Это место наибольшего во всем Египте количества наскальных надписей и рисунков. Их делали участники экспедиций, останавливавшихся в долине на пути к Красному морю, рабочие, добывавшие в Вади-Хаммамате темную зеленоватую брекчию или золото в соседней долине Вади-Фавахир. Всего в долине около 2300 надписей и рисунков. Одна из самых ранних надписей в ущелье Хаммамат рассказывает об экспедиции, организованной фараоном Пепи I (2321–2287 гг. до н.э.), чтобы добыть ценный камень для украшения его пирамиды в Саккаре. В надписи перечислены имена архитектора, бригадиров, скульпторов, писцов, казначеев и капитанов судов, участвовавших в экспедиции.

последний царь одиннадцатой династии, послал вельможу Ханну в *Пунт* или Пёнт (?)[526]: «Я был послан везти корабли в страну Пунта, дабы привезти домой душистой камеди, собираемой принцами Красной Земли»[527], – сказано в надписи. Комментируя эту надпись, Брюгш-бей объясняет, что «под именем Пунта древние жители *Кеми* (Египта) подразумевали дальнюю страну, омываемую большим океаном, страну, полную гор и долин, изобилующую черным деревом и другим дорогим лесом, бальзамом, ладаном, драгоценными металлами и камнями; страну богатую, изобилующую дикими зверями, жирафами, леопардами, пантерами, большими обезьянами и длиннохвостыми макашками». Даже название обезьяны на древнеегипетском языке *каф, кафи* (у израильтян *коф*) чисто санскритское – *капи*[528].

Этому «Пунту» (очевидно, Индия) легендарные сказания уже весьма древнего Египта придавали весьма священный характер; ибо Пунт (или Пент)[529] был «первобытною обителью богов, которые именно оттуда под предводительством *А-Мона* (Ману-Вена Каллуки Батты?), *Хора и Хатор*[530] *отправились по направлению долины Нила и благополучно прибыли в Кеми*»[531].

Недаром Хануман имеет такое родственное сходство с египетским священным кинокефалом (*Cynocephalus*)[532], а эмблемы *Озириса*[533] и *Шивы* одни и те же. *Qui vivra verra*[534]*!..*

Обратный путь в город на *Пери* оказался приятнее. Мы приноровились к ее шагу и, въезжая в Насик, почувствовали себя бесподобными наездниками. Зато в продолжение целой недели мы едва могли ходить от боли в пояснице.

---

[525] Санхкара Ментухотеп III (Sankhkare) – египетский фараон XI династии Среднего царства, правивший приблизительно в 2004–1992 гг. до н.э.

[526] Земля Пунт (*егип.* Та-Нечер – «Земля богов») – известная древним египтянам территория в Восточной Африке.

[527] *Brugsch-Bay H.* A History of Egypt under the Pharaohs, Derived Entirely from the Monuments. Vol. I. London, 1879. P. 115.

[528] Там же. С. 114.

[529] *Пент* – от Та-нутер, «священная земля» или египетская «страна богов»[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Brugsch-Bay H.* A History of Egypt under the Pharaohs, Derived Entirely from the Monuments. Vol. I. London, 1879. P. 114–115.

[530] В древнеегипетской мифологии: Амон – Демиург и Верховный Бог, Гор (Хор) – Бог Неба, царственности и Солнца, его жена Хатхор – Богиня Неба, любви, женственности, красоты, веселья и танцев.

[531] С памятника 11-й династии (см.: *История Египта во времена фараонов, написанная единственно с десяти ее памятников* Г.Брюгш-бея, том I, стр. 114)[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Brugsch-Bay H.* A History of Egypt under the Pharaohs, Derived Entirely from the Monuments. Vol. I. London, 1879. P. 114.

[532] Анубис – древнеегипетский бог погребальных ритуалов и мумификации (бальзамирования), «страж весов» на суде Осириса в царстве мертвых, знаток целебных трав. С определенного периода развития религии Древнего Египта Анубиса стали изображать в виде человека с головой дикой собаки Саб (*егип.* sb – «судья») или человека с головой шакала, североафриканского волка или собаки.

Кинокефалы, киноцефалы (*греч.* κῠνοκέφᾰλοι), псоглавцы, песьи главы, песьеглавцы, песиголовцы – люди с собачьими, волчьими, шакальими либо гиеньими головами.

[533] Осирис (Озирис) – бог возрождения, царь загробного мира в древнеегипетской мифологии и судья душ усопших.

[534] Будущее покажет (*фр.*).

XII

На вопрос – кто бы чтò предпочел, если бы пришлось выбирать между слепотой и глухотой, девять из десяти всегда скорее помирятся с последнею. А кому пришлось хоть раз заглянуть в один из волшебных уголков Индии, часто напоминающей вам самые фантастические и казалось бы в природе невозможные декорации «Большой Парижской оперы», – этой страны мраморных кружевных дворцов и заколдованных садов, – тот вдобавок к глухоте решился бы скорее захромать на обе ноги, нежели лишиться подобных зрелищ.

Рассказывают, как великий поэт Саади[535] раз горько жаловался на равнодушие друзей, которым будто бы надоедали его бесконечные восторженные похвалы своей возлюбленной. «Если бы, – замечал он им, – вы получили хоть один раз возможность и счастие, подобно мне, увидать *ее* дивную красу, вы вполне поняли бы мои стихи, непрестанно воспевающие – увы! так слабо и так бледно – то чарующее душу чувство, которое она внушает всякому, хоть издали увидавшему ее!..»[536] Я вполне понимаю положение влюбленного поэта, но не виню и друзей его, не видавших его возлюбленной. Поэтому я дрожу от боязни, как бы мои постоянные, восторженные рапсодии об Индии не нагнали на читателей скуки друзей Саади. Но чтò же делать бедному повествователю, если на каждом шагу он открывает в своей «милой» все новые и самые диковинные прелести! Самые темные ее стороны, отвратительные, безнравственные, а подчас и глубоко ужасающие черты, и те полны чего-то столь дико-поэтического, незаурядного, чего никогда не встретишь ни в какой другой стране. Нередко местные сцены заставляют непривычного европейца содрогаться, но в то же время, как ночной призрак, они притягивают его, приковывают к себе внимание и от них невозможно глаз оторвать….

Всего этого мы насмотрелись вдоволь в продолжение многих дней нашей *école buissonnière*[537]. Дни эти мы провели вдали от линии железной дороги, этого проблеска цивилизации, которая столь же к лицу Индии, как модная шляпка на голове полуголой перувьянки[538], «девы солнца» кортесовских[539] времен.

Ежедневно бродили мы через реки и джонгли по селам и развалинам старых крепостей, по проселочным дорогам между Насиком и Джепельпуром[540]; днем, переезжая из одной деревни в другую, частью в арбах на волах, иногда на слонах, а не то так и в *пальках*[541] (в паланкинах) и верхом, а ночью – обыкновенно разбивая палатку где ни попало. В эти дни мы имели случай убедиться, насколько человек, в силу одной привычки, может сделаться властелином, хоть и пассивным, над непобедимыми для всех других и смертельно опасными климатическими условиями. В то время как мы, «белые», невзирая на толстейшие пробочные *топи* на головах и защиту навеса, чуть не падали в обморок и положительно *тлели* под нестерпимо палящими лучами солнца и когда даже туземцы-спутники обвивали лишним куском кисеи голову, наш приятель, бенгальский *бабу́*, проезжал верхом целые мили под вертикально стреляющим в него солнцем с обнаженною головой!.. У него даже не было с собой и простого *пёггри*[542], куска легкой материи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно ехал он целыми часами с непокрытою ничем, кроме собственных густых волос, макушкой и над его бенгальским черепом солнце оказывалось совершенно бессильным. Этот народ никогда не покрывает головы, кроме торжественных случаев, когда тюрбан надевается лишь как принятое украшение, как цветы на балу во время *дурбара*[543], свадьбы или пира.

---

[535] Саади (1210–1291) – персидский и таджикский философ и поэт.

[536] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 1.

[537] прогулки (*фр.*).

[538] перуанки (*англ.* Peruvian).

[539] Фернандо Кортес (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

[540] Джабалпур (*англ.* Jabalpur).

[541] Palkee, palki.

[542] Пагри (*англ.* pagri, pagari).

[543] Дурбар – торжественный прием.

Бенгальские *бабу́*, занимающие почти все низшие гражданские и особенно писарские должности, наводняют все железнодорожные и телеграфные станции, канцелярии, почтамты и правительственные присутственные места. Закинув через плечо белые кисейные мантии наподобие римской *тоги* с голыми от колен ногами и всегда простоволосые, они гордо расхаживают на платформах станций и пред дверьми своих контор, с презрением посматривая на женственные украшения махратов, с их кольцами на пальцах ног и рук и огромными серьгами в верхней части правого уха… Они не носят сектарных[544] знаков на лбах, как прочие индусы, и позволяют себе лишь дорогие *колье*, да и то редко. И, однако же, в то время как страстно преданные женоподобным украшениям махраты справедливо считаются одним из храбрейших народов Индии (не раз уже заявив себя очень неприятно с этой стороны англичанам) и долгими веками войн выказали себя превосходными и храбрейшими воинами, Бенгалия испокон века из *шестидесяти пяти миллионов своих жителей не произвела еще на свет ни одного солдата*: среди туземных войск английской армии никогда не было и нет ни одного бенгальца. Это странный, но, тем не менее, неопровержимый *факт*, которому мы долго не могли верить, но должны были, наконец, сдаться пред подтверждениями многих английских офицеров и самих бенгальцев. И со всем этим, однако, их нельзя назвать трусами. Если *бабу́* и высшие классы раджей изнежены, то их *земиндары* (землевладельцы) и поселяне несомненно храбры. Обезоруженный правительством, бенгалец идет с дубиной на тигра своей родины, самого свирепого из всех тигров Индии, так же спокойно, как в прежние времена шел на него с винтовкой и ятаганом.

Много глухих тропинок, на которые, быть может, с начала мира не ступала нога белого, еще более чудом уцелевших рощ прошли и посетили мы в эти короткие дни. И всюду мы встречали привет благодаря магическому влиянию Гулаб-Лал-Синга, который за отсутствием своим послал провожать нас и руководить нами в дороге своего доверенного слугу. И если бедные, голые крестьяне дичились и часто запирали пред нами двери, зато все браманы являлись к нашим услугам.

Прелестны местоположения в окрестностях Кандеша[545] по дороге в Тхальнер[546] и Мхау[547], но много украшена здесь природа и искусством человеческим, и это искусство проявляется более всего на мусульманских кладбищах. Теперь все они большею частью полуразрушены и заброшены вследствие изгнания из этих местностей мусульманских принцев и ханов и большинства индусского населения. Когда-то властелины почти всей Индии, мусульмане теперь в загоне и в тысячу раз более унижены, чем индусы. Но много они оставили по себе несокрушимых памятников, между прочим, свои кладбища. Эта неискоренимая верность мусульманина своим покойникам – одна из самых трогательных черт в характере сынов Пророка. Их посмертная преданность, всегда горячее выказываемая ими, нежели их любовь к семейству при жизни, как бы вся сосредоточивается на последних жилищах тех, кто отошли до них в лучший мир. Насколько их понятия о рае, обещанном Магометом[548], грубы и материальны, настолько поэтична обстановка их кладбищ, особенно в Индии. В этих тенистых, прелестных садах с их рядами белых гробниц, увенчанных чалмами, покрытых сверху донизу розами и жасмином, с кипарисами вокруг, невольно можно засиживаться по целым часам. В них мы обыкновенно совершали привалы, обедали, часто и ночевали. Особенно прелестно кладбище возле городка Тхальнер. Из нескольких уцелевших исторических мавзолеев великолепен памятник семейства киладара[549], повешенного на городской башне в 1818 году генералом Гислопом, который, между прочим, расстрелял в тот же день всех солдат сдавшегося гарнизона под предлогом, будто те составили против него заговор. Кроме памятника этому повешенному злополучному киладару, есть четыре другие мавзолея, из коих один славится на всю Индию. Восьмиугольной формы, весь из белого мрамора, он покрыт сверху донизу резьбой, какой не найти и на *Père Lachaise*[550]. Персидская надпись на подножии

[544] сектантских (*англ.* sectary).
[545] Хандеш (*англ.* Khandesh).
[546] Талнер (*англ.* Thalner).
[547] Mhow.
[548] Магомет или Мухаммед (571–632) – арабский религиозный и политический деятель, основатель ислама.
[549] Киладар – губернатор города.
[550] Пер-Лашез (*фр.*) – кладбище в Париже.

гласит, что он стоил 100000 рупий[551]. Днем залитый горячим солнцем, этот высокий, минаретообразный мавзолей отделяется на синеве безоблачного неба, блестя, как пирамидальная ледяная глыба; ночью при том особенном фосфорическом свете луны в Индии, который приводит в восторг всех путешественников и артистов, он еще ослепительнее и поэтичнее. Будто вновь выпавшим легким снегом покрыты его вершины; возвышая над темною зеленью кустов свой тонкий профиль, он кажется каким-то полуночным чистым видением, витающим над этою безмолвною обителью разрушения и смерти и оплакивающим невозвратное прошлое…

А рядом с такими кладбищами, обыкновенно на берегу рек, возвышаются *гхоты* индусов… Есть действительно нечто величественное в этом обряде сожжения мертвых, – а в очень недалеком прошлом и сожжения живых, – но только в теории, а не на практике. Следя за церемонией и видя как в какой-нибудь час времени после смерти от покойника остается лишь несколько пригоршней пепла, который тут же рукой посвященного брамана, жреца смерти, и рассевается на все четыре стороны по ветру над рекой, дабы пепел навеки смешался со священною водой, зритель невольно поражен глубокою философией основной мысли подобного обряда. Разбрасывая горсть того, чтò некогда жило и чувствовало, любило и ненавидело, радовалось и плакало, браман поручает пепел всего этого четырем стихиям: «З*емле*, из которой оно мало-помалу развилось и сформировалось в человека и которая так долго питала его; *огню*, эмблеме чистоты, пожравшему его тело, дабы дух его также был очищен от всего греховного и мог свободнее вращаться в той новой сфере загробного существования, где каждый грех является камнем преткновения на пути души человеческой к “мокше”[552] или вечному блаженству; *воздуху*, которым он дышал и тем самым жил; и *воде*, которая очищала его физически, как и духовно, поила его и теперь принимает его пепел в *чистое* лоно свое…» (Мантра XII).

«Чистое» как прилагательное является здесь только в фигуральном смысле «мантры». Говоря вообще, реки в Индии, начиная с трижды священного Гангеса, невообразимо грязны, особенно близ городов и селений. Двести миллионов человек круглым счетом омываются в них от тропического пота и грязи по нескольку раз в день, а *касты*, недостойные сожжения, как шудры, парии, манги и проч., бросают в них вдобавок всех своих покойников. Далее все касты, до браманов включительно, бросают туда же детей, умерших ранее трехлетнего возраста.

Пройдемся вдоль берегов любой реки, но только поздно вечером, чтобы провести там ночь и дождаться рассвета. Вечером хоронят лишь богатых или принадлежавших к высшим кастам. Только для таковых зажигаются после заката солнечного высокие костры из сандального дерева вдоль священных вод; для них одних произносятся мантры и заклинания богам, а для простых смертных, для бедных *безкастников*, нет не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостоин слышать, даже после смерти, божественных слов из священной книги откровения, продиктованного в начале мира четырьмя риши Веда-Вьязе, великому богослову Ариаварты. Как не допускался он ближе семи шагов к ступеням храма при жизни, так не допустится он и в загробной жизни стать наряду с «дваждырожденными».

Ярко горят костры, протягиваясь по берегу реки длинною огненною змеей. Черные силуэты странных, дико-фантастических фигур тихо двигаются среди огней, то подымая тонкие руки к небу как бы в молитве, то подбавляя дров к костру, то мешая огонь длинными вилообразными кочергами, пока потухающее пламя не вспыхнет снова, треща, и виясь, и брызгая во все стороны растопленным человечьим жиром, да выпаливая под облака целый дождь золотых искорок, тотчас же исчезающих в густом облаке черной копоти. Это на правом берегу; перейдем на левый…

В тот самый предрассветный час, когда красные огни костров, черные облака миазмов и тощие фигуры факиров-прислужников, отразившись в последний раз в темном зеркале реки, одни потухают, а другие расходятся, а миазмы с их запахом пригорелого мяса рассеваются утренним ветерком и все на *гхотах* погружается в тишину до следующего вечера, – в тот самый час на противоположном берегу начинается процессия другого рода…

---

[551] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 371–372.

[552] Мóкша (*санскр.* mokṣa, «освобождение») или мýкти в индуизме, джайнизме и раннем буддизме – освобождение из круговорота рождений и смертей (сансары), от всех страданий и ограничений материального существования.

Печальною, безмолвною вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности в городе и окрестностях, тянутся индусы обоего пола. Они подходят к реке отдельными группами, без плача, без всяких обрядов. Вот двое принесли на плечах что-то длинное, тонкое, завернутое в красную тряпку. Раскачав его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидают ношу в желто-грязные воды реки. При падении красная тряпка слетает в сторону и темно-зеленое лицо молодой женщины показывается на один лишь миг, чтобы тотчас же исчезнуть в мутных волнах. Далее другая группа. Старик и две молодые женщины; одна из них девочка лет десяти, низенькая, худая, далеко еще не развитая, рыдает с причитаньем: то *мать мертвого ребенка*, которого она тотчас же бросит в холодные воды грязной реки. Слабый голос ее монотонно раздается по берегу, а дрожащие руки словно не находят силы кинуть бедную, маленькую фигурку, скорее похожую на темно-коричневого котенка, нежели на младенца. Старик ее уговаривает, затем берет мертвое тело из ее рук и, войдя в воду по пояс, кидает его на средину реки. За ним входят обе женщины, в чем стоят, то есть одетые или, скорее, полунагие по обыкновению, и, погрузившись семь раз сряду в воду для очищения после мертвого тела, выходят на берег и, даже не отряхнувшись, идут домой. Между тем, коршуны, вороны и другие хищные птицы, целый день кружащиеся над рекой в ожидании добычи, собираются черною тучей над телами и долго задерживают их путь вниз по течению. Иногда такое обглоданное тело, зацепясь за прибрежный тростник или попав меж двух камней, беспомощно торчит из-под мелкой воды, пока, наконец, один из прибрежных *мангов* – несчастное безкастное существо, доля которого всю жизнь, со дня рождения до последнего вздоха, возиться за подобною *нечистою* работой, – не придет вооруженный своим длинным шестом и, зацепив застрявший скелет между ребер, не выковырнет его из-под камней или тростника, чтобы снова толкнуть по течению – по дороге к синему океану…

Но встанем теперь с песчаного и, несмотря на раннюю пору, уже накаленного берега. Простимся с водяным кладбищем бедных. Встанем и пойдем далее… Тяжелы и омерзительны для европейца подобные картины и невольно при этом переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далекий север, на те мирные сельские кладбища, где вместо резных мраморных с высокими чалмами гробниц, костров из сандального дерева да грязной реки вместо последнего ложа стоят кресты, осененные старыми березами. Как мирно спят под высокою сочною травой наши *покойнички*. Не видал никто из них, сердечных, плывя вниз по течению, ни гигантских пальм, ни дворцов мраморных, ни пагод, крытых чистым золотом. Но зато над их бедными курганами цветут и фиалки, и белые ландыши, да весной заливается соловей на старой березе…

Для нас соловьи уже давно не поют ни в соседних рощах, ни на душе. Этого-то уж тут всего менее. Но пойдем вдоль высокой стены из красного песчаника, ведущей к крепости, когда-то знаменитой и залитой кровью, теперь же безвредной и полуразрушенной, как и прочие. Стаи зеленых попугаев, испуганные нашим приближением, выпархивают из каждой полуразваленной ниши стены, сверкая на солнце крыльями, словно летающие изумруды. Мы на «проклятой» англичанами территории, в стране Чандва́да, где во время сипайского мятежа бхилли, ринувшиеся из своих засад, как неудержимый горный поток в долины, перерезали несколько дюжин своих властелинов, а вместе с другими и капитана Гёнрѐ, возле Шинара[553], в двадцати милях от Насика. *Татвà*, древняя книга индусов, рассуждающая о географии времен царя Азоки (250–300 до Р.Х.), учит нас, что земля махратов оканчивается у стены города *Чандвад* или *Чандор*, а что Кандеш за рекой. Но англичане, не признающие ни *Татвы*, ни других каких авторитетов, кроме себя, приказывают нам верить, что Кандеш начинается у Чандорских холмов. Поэтому вышесказанную «крепость», одну из самых неприступных, по словам полковника Уоллеса, «по причине ее природного с трех сторон укрепления», англичанам пришлось брать в 1804 году у не отдававших им оную «мятежников»-махратов с большим трудом и таковым же уроном. Да и не взять бы ее им никогда и ни в какие веки, когда бы не мусульмане, заклятые враги вечно, бывало, побивавших их махратов. Они открыли, наконец, полковнику Уоллесу тайну некоего прохода под воротами крепости. Тогда, ворвавшись чрез этот проход ночью, англичане победили крепко спавших махратов, чем премного и хвалились в последствии. Чрез несколько времени в неосторожную минуту щедрости они возвратили крепость Хольскару, с тем, чтоб *он содержал* в ней английских

[553] Sinnar.

солдат, но чтобы солдаты, впрочем, считались *не на его службе*. Затем раскаялись даже и в этой милости и в 1818 году, видя, что Холькар[554] не отдаст им крепости назад без боя, послали туда чуть ли не целую армию под предводительством сэра Томаса Гислопа и таким образом отняли назад дарованное[555].

[554] Малхар Рао II Холкар VII (1806–1833) – махараджа Индаура (1811–1833).
[555] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 368–369.

XIII

В двенадцати милях на юго-восточной стороне Чандвада находится целый город пещерных храмов, известных под именем *Енкай-Тёнкай*[556]. Опять, как и в прочих пещерах, храмы на высоте ста футов[557] над подножием, а холм пирамидальный. Описывать их здесь в подробностях невозможно, так как предмет этот требует совершенно иной разработки, нежели допускаемая в журнальной статье. Поэтому лишь бегло замечу, что и в этом случае все статуи, идолы и работа на колоннах приписываются *буддистским* аскетам первых веков по смерти Будды. На том бы и можно покончить, если бы здесь неожиданно не являлось для гг. археологов новое и гораздо более серьезное затруднение, нежели все затруднения, вместе взятые, касательно других спорных пунктов. В этих пещерах находится более идолов, называемых *буддами*, нежели где-либо в другом месте. Они покрывают главные входные двери, густо посажены вдоль каменных балконов, занимают задние стены всех келий, стоят на часах, как чудовища-великаны, у входов и, наконец, две такие фигуры сидят в главном *танке* (бассейне), где столетие за столетием ключевая вода омывает их по пояс без малейшего видимого ущерба для их гранитных тел. Между этими *буддами* есть прилично одетые с пирамидальными, многоярусными пагодами на головах, есть и голые; некоторые в сидячем положении, другие представлены стоя; есть между ними колоссальной величины идолы, есть и маленькие, найдутся и средние. Все бы это еще ничего, хотя мы знаем, что реформа, затеянная Гаутамой или Сиддартой Буддой именно в том и состояла, чтобы вести ожесточенную войну против браманов и искоренить навеки идолопоклонство.[558] Эта религия сохранялась чистою, *без малейшей примеси идолопоклонства*, целые века, пока, наконец, попав в руки тибетских лам, китайцев, бурмийцев и сиамцев, она не совратилась и не исказилась ересями. Затем, изгоняемая из Индии, преследуемая ожесточенными и в свою очередь торжествующими браманами, она нашла последнее убежище на острове Цейлон. Там теперь она и процветает, подобно тому легендарному алоэ, что̀ цветет будто бы лишь один раз в жизни и цвет коего убивает главный корень, а семена цветов, пуская, в свою очередь, отпрыски, производят сорную траву. Но главное затруднение для археологов состоит не в идолах, приписываемых буддистам, а в физиономиях, в *типе* всех этих *енкай-тёнкайских будд*. Все они до единого, от малого до большего, негры: приплюснутые носы, толстейшие губы, профили под углом 45° и курчавые волосы[559]! Ни малейшего сходства между этою физиономией чистокровных негров и каким-либо из будд даже в Сиаме или в Тибете, где при монгольских лицах с широкими скулами и такими же широкими носами у всех этих идолов, однако, гладкие, совершенно *прямые* волосы. Этот неожиданный и нигде не находимый в Индии африканский тип приводит антиквариев в полное смущение. Недаром археологи избегают говорить об этих замечательных пещерах, так как после насикских пещеры енкай-тёнкайские для современных антиквариев настоящие Фермопилы.

Мы проехали Малеганв[560] и Чикалвал, где осматривали чрезвычайно любопытный и весьма древний храм джайнов, снаружи построенный без малейшего цемента из сложенных квадратных, так аккуратно и тесно прилаженных камней, что даже тонкое лезвие ножа не проходит между ними; внутри храм украшен великолепною резьбой[561]. Вернувшись в Тхальнер, мы отправились прямо в Гхару[562]. Там для того чтобы посетить великолепные развалины старинного, когда-то укрепленного города *Ма́нду*, находящиеся в двадцати милях к северо-востоку, нам пришлось опять нанимать слонов. На этот раз мы доехали благополучно и скоро. Упоминаю об этом месте, так как оно связано в моих воспоминаниях с одним из самых замечательных когда-либо виденных мною зрелищ, относящихся к той ветви многочисленных сект Индии, что̀ обыкновенно называют «чертопоклонством».

---

[556] Форты Ankai и Tankai, у подножия которых находятся пещеры.

[557] 31 м.

[558] В «Московских ведомостях» далее: Как известно, буддизм играл ту же роль в Индии, какую принял когда-то на себя протестантизм против римско-католической церкви.

[559] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 369.

[560] Малегаон (*англ.* Malegaon).

[561] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 371.

[562] Dhar.

Ма́нду расположен на хребте гор Виндия[563] около 2000 футов[564] над уровнем моря. По уверению Малькольма[565], этот город был построен в IV веке по Р.Х. (в 313 году) и долго был столицей индусских раджей Дхары. Историк Фериште[566] указывает на Ма́нду как на резиденцию Диливара, хана Гхури, первого царя Мальвы[567], процветавшего от 1387 до 1405 года. В 1526 году город был взят приступом Багадур-шахом[568], царем гуджератским, и затем снова взят обратно в 1570 году Акбаром, имя коего и год его посещения вырезаны на мраморной доске над главными воротами.

Странное чувство, должно быть схожее с тем, которое овладевает иными особами при их первом посещении Помпеи[569], охватило нас при самом входе в этот огромный, пустынный, называемый туземцами «мертвый» город. По всему видно, что некогда Ма́нду был одним из самых обширных городов Индии. Городская стена – *тридцать семь* миль в окружности, по измерению, сделанному в 1852 году. В этом бесконечном пространстве тянутся улицы на целые мили; по обеим сторонам стоят разрушенные дворцы, валяются мраморные колонны. Из-за развалившихся гранитных стен зияет провалье[570] подземных покоев, в прохладном полумраке которых проводили жаркие дни султанши. Далее разбитые ступени, засохшие танки, безводные резервуары, бесконечно длинные дворы, мрамором выложенные помосты и поломанные арки величественных портиков. Все это заросло вьющимися растениями и кустами, ныне скрывающими берлоги диких зверей. Высоко над развалинами торчат там и сям полуцелевшие стены мраморных и гранитных дворцов, пустые окна которых, широко тараща безглазые впадины под густою бахромой вековых чужеядных растений, как бы хмурятся на назойливых, нарушивших их покой пришлецов. А еще далее, там, в самом центре развалин, из разбитого сердца опочившего города, из широкой богатырской груди, в которой когда-то бушевало столько страстей, столько жизни, выросла целая кипарисовая роща…

Казалось просто невероятным, чтобы город, который еще в 1570 году назывался *Шадиабадом*, «обителью счастья»[571], и в несчетный раз описанный и упоминаемый францисканскими миссионерами: Адольфом Акуавивой[572], Антарио де Монсеротти[573], Энрикесом[574] и другими лицами посольства, отправленного в тот самый год из Гоа к могульскому правительству за разными привилегиями, один из величайших городов того времени в целом свете с великолепными улицами и роскошью, удивлявшею даже самые роскошные дворцы того периода в Индии, – чтобы тот город был этими самыми развалинами, на которых мы насилу могли отыскать чистое место для палатки. Наконец, из опасения диких зверей мы решились разбить ее в единственном, почти неповрежденном здании Джама-Масжид[575], или «Соборной мечети», возвышающемся на гранитной платформе ступеней на двадцать пять выше площади. Ведущая сюда лестница – мраморная, как и все прочее, – широка и мало повреждена временем, но зато

---

[563] Виндхья (*англ.* Vindhya).

[564] 610 м.

[565] Джон Малькольм (1769–1833) – британский генерал-майор, военный и государственный деятель, дипломат, историк, писатель.

[566] Фериште (Фиришта, Ferishta, Firishtah, 1572 – после 1623) – индийский мусульманский историк и писатель.

[567] Хусайн Дилавар-хан – султан Малвы из династии Гури (1401–1406).

[568] Бахадур-шах – правитель Гуджарата (1526–1535, 1536–1537).

[569] Помпеи – древнеримский город недалеко от Неаполя, погребенный под слоем вулканического пепла в результате извержения Везувия 24 августа 79 г.; с середины XVIII в. в нем ведутся раскопки и он открыт для посещения всеми желающими.

[570] Провал, глубокий овраг.

[571] «Город радости».

[572] Рудольф Аквавива (Acquaviva, 1550–1583) – итальянский иезуит.

[573] Антони де Монсеррат (Antoni de Montserrat, 1536–1600) – португальский и каталонский путешественник, монах ордена иезуитов, католический миссионер и дипломат, домашний учитель при царствующих домах Португалии и Великих Моголов. В 1574 г. отправился с миссионерской группой в Гоа, португальскую колонию в Индии; в 1579–1582 гг. вместе с Р.Аквавивой и Ф.Энрикесом находился при дворе императора Акбара. Известен описанием Индии и сопредельных областей и как первый европейский картограф Гималаев. Из четырех его сочинений сохранилось одно – «Записки о посольстве к Великому Моголу» (*лат.* «Mongolicæ Legationis Commentarius»), содержавшее первые в европейской науке сведения о народах и религиях ряда областей региона.

[574] Франциско Энрикес (?–1590) – португальский иезуит, профессор богословия, писатель.

[575] Джама-Масджид (Jama Masjid).

крыша совершенно исчезла, и над нами сиял бы целую ночь небесный свод, если бы не случилось одного обстоятельства, о котором ниже. Кругом главного строения, стоящего на квадратной площадке, с четырех сторон идет низкая галерея, поддерживаемая несколькими рядами огромных столбов. Издали, невзирая на свою немного неуклюжую, непропорциональную величину, это здание очень напоминает Акрополь в Афинах. Со ступеней, где мы расположились, виднелся мавзолей Гушанга Гхури[576], царя Мальвы, доведшего город до высшей степени блеска и роскоши. Массивное, величественное строение из цельного белого мрамора с крытою галереей на превосходно украшенных резьбой колоннах, когда-то ведшею прямо в один из его дворцов, теперь же обрамляющею глубокий овраг, который завален камнями и зарос кактусом. Внутри мавзолея пространная комната с потолком и стенами из широких квадратных плит, покрытых сверху донизу изречениями из Корана, писанными золотыми буквами, а посреди комнаты саркофаг самого султана. Неподалеку от этого жилища смерти дворец Баз-Бахадура[577] – в мелких кусках, в пыли и заросший деревьями[578]…

Усталые и изнемогая от жажды и голода, проходив весь день по развалинам и с тремя убитыми змеями, перекинутыми через палки как военный трофей, мы вернулись за несколько времени до солнечного заката и уселись пить чай и ужинать у входа нашей палатки, уже расположенной внутри мечети. Мы нашли у себя нежданных гостей: *патель* – официальное лицо, нечто среднее между сборщиком податей и мировым судьей – соседней деревни и два землевладельца (*земиндары*) приехали верхами засвидетельствовать нам свое почтение и умолять как нас самих, так и наших спутников-индусов, с которыми были давно знакомы, принять их приглашение и ехать с ними. Услыхав, что мы намерены ночевать в «мертвом городе», они горячо восстали против этого плана. По их уверениям, мы затеяли опасное и совершенно неслыханное дело. Чрез два часа развалины оживятся и из-под каждого куста, из подземных комнат каждого дома начнут вылезать для ночного разбоя гиены, *читты*[579] и тигры, не говоря о нескольких тысячах шакалов и диких кошек. Наши слоны или убегут, или же будут обессилены и съедены. Следует, не теряя времени, собраться в путь и, оставив как можно скорее за собою развалины, ехать в их деревню, которая отсюда всего на полчаса расстояния. Там у них уже все приготовлено и наш *бабу́* ожидает нас.

Только в эту минуту заметили мы, что наш простоволосый и осторожный друг блещет своим отсутствием. Как видно, еще за три часа до того он спустился в долину к своим знакомым и послал их за нами.

Вечер был так хорош и мы так было славно устроились, что мысль перевернуть все наши планы на утро вовсе не улыбалась нам. К тому же казалось просто смешным, чтобы развалины, где мы спокойно проходили целый день, не встретив ничего опаснее трех убитых нами змей, были наполнены дикими зверями. Мы продолжали благодарить и отнекиваться.

– Но вам положительно невозможно оставаться здесь, – настаивал толстый *патель*. – Если случится несчастие, то я один должен буду отвечать пред правительством. Неужели вам приятно будет провести ночь без сна и в рукопашной схватке с шакалами, если не хуже того?.. Вы не верите, что окружены дикими зверями, невидимыми до заката солнца, но, тем не менее, опасными? Так поверьте же инстинкту слонов, которые не трусливее нас, но, пожалуй, умнее. Взгляните, что̀ они проделывают!..

Действительно, с нашими важными, напоминающими философов слонами происходило в эту минуту нечто необыкновенное. Высоко задрав вопросительным знаком хобот кверху, они сопели и с беспокойством топтались на одном месте. Еще минута и один из них, перервав толстую, привязывавшую его к сломанной колонне веревку, как гнилую нитку, повернулся в один прием всем тяжелым телом и стал напротив ветра. Крепко тянул он хоботом воздух, подняв правую ногу и как бы собираясь бежать… Он, очевидно, чуял опасного зверя.

Полковник поглядел на него чрез очки и продолжительно свистнул.

---

[576] Хушанг-шах (Hoshang Shah, ?–1435) – султан Малвы из династии Гури, правил в 1406–1435 гг.

[577] Баз-Бахадур-шах – последний султан Малвы (1555–1562).

[578] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 372–373.

[579] Чита (*англ.* cheetah) – азиатский гепард.

– Дело действительно выходит серьезное, – заметил он. – Ну, а как, в самом деле, на нас нападут тигры…

Да, подумалось мне, а Такура-то Гулаб-Лал-Синга с нами и нет!..

Оба наши индуса, поджав ноги, сидели на ковре и спокойно жевали бетель. На вопрос об их мнении они хладнокровно отвечали, что это до них не касается: что̀ мы решим, тому они и последуют. Но остальные наши спутники, англичане, уже перепугались и поспешно собирались уезжать. Чрез пять минут мы все сидели на слонах, а чрез четверть часа и в тот самый момент, как солнце заходило за гору и мигом распространились сумерки, мы выезжали из Акбаровских ворот и начинали спускаться в долину.

Но не отъехали мы и десяти шагов, как позади нас, не более как в полуверсте расстояния и как бы из только что оставленной нами кипарисовой рощи, поднялся вой и лай шакалов, а вслед за этим как рев обманутого ожидания послышалось такое продолжительное, громкое, вдруг потрясшее воздух рычание, что нас всех бросило в холодный пот. Наш слон рванулся вперед и чуть было не сбил с ног ехавших впереди верховых. Но на этот раз, собственно, мы, наездники, находились в безопасности: мы сидели в крепкой *хауде*[580], в плотно запертой, как карета, башне.

– Вовремя же мы убрались, – заметил полковник, рассматривая из окна как верховые, человек двадцать приведенной *пателем* прислуги, зажигали факелы.

Чрез час мы остановились у ворот довольно большего бёнглоу, и нас встречал, улыбаясь, наш простоволосый спутник-бенгалец. Введя всю нашу компанию во двор и под веранду, он объяснил нам, что зная наперед, что наше «американское» упрямство восстанет против всякого предостережения, он пошел на хитрость, которая, к счастию, и удалась.

– А теперь отправимся умыться и за ужин…

И он добавил, наклоняясь ко мне:

– Вы давно желали присутствовать на чисто индусском обеде или ужине. Ваше желание теперь исполняется. Наш хозяин брамин, и вы первые европейцы, переступающие порог его *семейного* жилого дома…

[580] Хаудах (*англ.* howdah, houdah) – паланкин на слоне или верблюде.

XIV

Кому когда-либо приходило в Европе в голову, что есть на белом свете такая страна, где каждый шаг в жизни человека, малейший его поступок, особенно в домашнем быту, самое незначительное действие связаны с религиозными постановлениями и *не могут* быть иначе совершены, как по известной программе? В этой стране не только все крупные эпизоды жизни, все главные выдающиеся черты ее, как-то: зачатие, рождение, переход из одного периода жизни в другой, женитьба, родительское звание, старость и, наконец, смерть, но даже все ежедневные отправления, функции физические и физиологические, как, например, утренние омовения, туалет, еда et tout ce qui s'en suit[581], – все это со дня рождения до последнего вздоха должно быть исполнено по установленному браманами шаблону *под опасением отлучения от касты*. Браманов можно уподобить музыкантам оркестра, в котором разнохарактерные инструменты представляют бесчисленные секты этой страны. Все они различной формы, разнятся и в звуках, тем не менее, все подчинены одному и тому же капельмейстеру[582].

Насколько бы эти секты ни отличались одна от другой в толковании своих священных текстов и как бы враждебно ни относились они друг к другу, стараясь выставить вперед и возвысить над прочими каждая свое божество, но все они и каждая из них, слепо повинуясь веками установленным обычаям, обязаны следовать, как музыканты, одному дирижерскому жезлу – законам Ману. На одном этом пункте они сходятся и составляют единодушную, единомыслящую общину, крепко, неразрывно связанную массу. И горе тому, кто в этой общей симфонии произвольно или даже нечаянно сфальшивит! Старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой касты или даже субкасты (коих множество) держат членов своей общины, что̀ называется, в «ежовых рукавицах». Их решения безапелляционны и поэтому-то исключение или по принятому выражению «отлучение» от касты является одним из самых страшных наказаний, влекущим за собою ужасные последствия. «Отлученный» хуже прокаженного, так как солидарность между кастами, особенно в этом отношении, нечто феноменальное и может сравниться разве лишь с солидарностью сынов Лойолы[583]. Если при самом строгом соблюдении всех требований члены двух разных каст, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимного уважения и дружбы, не могут не только вступать между собою в брак или вместе обедать, но даже и выпить, принять стакан воды друг у друга или же выкурить вместе кальян, то понятно, насколько строже соблюдаются подобные запрещения касательно «отлученного». Несчастный в полном смысле слова *умирает* для всех: для своих столько же, как и для чужих. Даже собственное семейство: отец, мать, жена, дети обязаны или отвернуться от него, или же быть, в свою очередь, отлученными. Нет надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, как бы ни были дети неповинны в наказуемом грехе…

С минуты «отлучения» индус как бы исчезает для всех любивших и знавших его. Его мать, жена, дети не смеют накормить его, ни даже позволить напиться из домашнего колодца. Никто из прежней касты, тем менее из других, ни за какие деньги не осмелится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть с голоду, или же еще более *осквернить* себя, покупая необходимое у *безкастников* или у европейцев. Во времена браманской власти приказывалось обманывать и обворовывать «отлученного», даже убивать его, так как он был *вне* закона. Теперь он, конечно, безопасен от последнего, но теперь, как и тогда, если по воле судеб ему случается умереть *до* своего прощения и возвращения в касту, для него нет ни священного костра, ни обрядов очищения: манги бросают его в кусты или в воду как дохлое животное…

Понятно, что против такой силы – она тем страшнее в своей пассивности, что против последней закон совершенно бессилен, – не помогут ни западное воспитание, ни английское влияние. Остается одно: каяться и подчиняться всевозможным унижениям, а благодаря алчности браманов иногда и полному разорению. Я знаю лично несколько браминов, кончивших самым

[581] и всё, что за этим следует (*фр.*).
[582] Капельмейстер – руководитель хоровой капеллы или оркестра.
[583] Игнатий де Лойола (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

блестящим образом курс в английских университетах, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всем отвратительным требованиям «очищения», а именно: сбривать половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться по часам за хвост *священной* коровы, читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы[584]! Путешествие за море (*кала пани*, то есть за «черную воду») считается самым тяжким из грехов и требует, вследствие этого, самых строгих очищений. На совершившего такой поступок взирают как на человека, который от самой минуты отъезда на корабле *беллати* (иностранцев) до минуты возвращения осквернялся постоянно… Всего несколько дней тому назад один наш знакомый, доктор юриспруденции, блистательно окончивший курс в Англии, вынужден был пройти чрез подобное «чистилище» и чуть с ума не сошел. На наше замечание, для чего же ему подчиняться всему этому, если, по собственному сознанию, он давно перестал верить в браманизм и сделался ярым «материалистом», он нам привел причины, против которых возражать было невозможно. «У меня в доме две дочери (говорил он), одна пяти, другая шести лет; если я их не выдам замуж, особенно старшую, в продолжение этого года, то их станут считать перезрелыми и на них уже никто не женится. Допустив, чтобы меня отлучили, я их этим обесчещу, поставлю в невозможность найти мужей и сделаю их навеки несчастными. Затем старуха-мать до того суеверна, что вследствие такого семейного позора непременно покончит с собою: она уже не раз грозила мне самоубийством»… Но, быть может, заметят нам: почему бы ему, человеку образованному, разом не разорвать всякую связь с браманизмом и кастой? Почему бы не соединиться с другими товарищами в подобном ему положении? Забрав семейство и всех ему близких, не перейти целою колонией на сторону цивилизации, присоединиться к европейцам?

Вопрос весьма естественный, но и ответ на него далеко не затруднителен. Как в знаменитом ответе одного маршала Наполеону[585], из тридцати двух приведенных им причин, почему нельзя было атаковать некоей крепости, первою причиной являлось отсутствие пороха, так что о других причинах и спрашивать было нечего, так и из многих причин, почему для индуса немыслимо *объевропеиться*, – первая должна оказаться совершенно достаточною и, конечно, не потребует указания остальных. Разрубив гордиев узел[586], индус не только не помог бы горю, но попал бы прямо из огня да в полымя. Будь у него семи пядей во лбу, будь он в науке соперником какого-нибудь Тиндаля, в политике равен Дизраэли и Бисмарку[587], принадлежи он к знатнейшему роду, – как только он отрекается от своей касты и соотчичей, так разом становится в положение гроба Магомета[588]: говоря метафорически, он повиснет между небом и землей!..

Мудрая поговорка: «от своих отстал, а к чужим не пристал», кажется, сложена нарочно для этого злополучного народа. Напрасно воображают, будто отстранение как индийцев-магометан, так и индусов[589] от гражданской службы есть лишь результат несправедливой, трусливой политики, боящейся привлечения своих заклятых врагов к управлению страной. Общественный остракизм и совершенно откровенно выказываемое со стороны англичан враждебно-презрительное чувство «высшей» к «низшей» (по английским понятиям) расе играет в этом вопросе гораздо более серьезную роль, нежели предполагают даже в Англии. Это незаслуженное презрение, выказываемое при всяком случае туземцам (включая тут и мусульман), с каждым

---

[584] Называется *панч-гайя*, дословно «пять коровьих» (принадлежностей): смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Панчагавья, панчагава (*санскр.* pañcagava) – санскритский термин, которым называют пять основных продуктов, получаемых от коровы: молоко, йогурт, гхи, мочу и навоз.

[585] Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император (1804–1814, 1815), полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

[586] Го́рдиев узел – чрезвычайно сложный узел, завязанный, согласно древнегреческой мифологии, фригийским царем Гордием, а впоследствии рассеченный мечом Александра Македонского. В переносном смысле выражение «гордиев узел» означает всякое запутанное сплетение обстоятельств, а выражение «разрубить гордиев узел» – разрешить какое-либо сложное, запутанное дело, какие-либо затруднения прямолинейным способом.

[587] Отто Бисмарк (1815–1898) – первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии.

[588] По преданию, гроб с телом пророка Магомета висел в пространстве без всякой поддержки.

[589] Европейцы весьма часто впадают в ошибку, смешивая индийских мусульман с *индусами*. Первые даже оскорбляются этим названием и зовут себя индийскими *могулами*. Те – семиты, а индусы – арийского племени и разнятся от них во всем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

годом расширяет между двумя нациями пропасть, которой им веками не засыпать. Приведу два примера.

Мы гостили у одного весьма влиятельного здесь лица, редактора английской газеты, и имели случай познакомиться с одним чрезвычайно замечательным мусульманином, молодым человеком из высшей туземной аристократии Сеидом М. Что туземец принят в доме, посещаемом всем местным английским beau monde[590], объясняется двумя причинами: во-первых, мистер С***[591] далеко не заурядный англичанин, а джентльмен в полном смысле этого слова; во-вторых, этот курьез, как нам кажется, можно отчасти объяснить тем, что Сеид М., не в пример прочим, носит европейское платье, воспитывался в Англии и человек не только талантливый, но вдобавок сумевший заставить даже англичан уважать его. Горячий патриот, он бросил адвокатуру, обещавшую ему громкое имя и еще большее состояние, и перешел в гражданскую службу, приняв место судьи в незначительном округе из-за одной надежды, по его словам, «хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положение туземцев». Единственный, быть может, пример между индийскими мусульманами, он не делает разницы между могулами и индусами и одинаково горячо защищает интересы обеих рас. Его любовь к индусам даже чуть ли не горячее привязанности к одноверцам: мать Сеида была перешедшею в мусульманство браминкой…

– Все мы, туземцы, дети одной и той же несчастной матери нашей, Индии, – говорил он нам недавно, выражаясь привычным ему восточным и весьма поэтическим слогом. – Сыны одной горькой участи, мы должны дружно нести ее, а не растравлять наболевшие язвы распрями между двумя фанатическими религиями.

Это говорилось вследствие только что происшедшего публичного в Бенаресе побоища между могулами и индусами во время и по случаю религиозных празднеств у первых.

Сеид М. заезжал к нам каждый день и обыкновенно тотчас же заводил беседу о «болячках» Индии, как он их называл, и по целым часам, бывало, спорили – С*** отстаивая англичан, М. доказывая угнетенное положение туземцев, несправедливость к ним англо-индийского общества и невыносимое высокомерие британцев в Индии. Раз у них зашел спор горячее обыкновенного по поводу только что вышедших в Калькутте новых гражданских служебных постановлений. М. спрашивал, почему, например, из двух чиновников, англичанина и туземца, в совершенно равных чинах и занимающих совершенно одинаковые должности (окружного судьи, например), англичанин получает на 35, а иногда с разными натяжками и на 60 процентов более годового оклада, нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для летней кочевки экстренные суммы, так называемые «лагерные», каждый год «вспомогательные», а туземцу *ничего*, кроме жалованья? «И ведь все это из денег Индии (добавил он), то есть из кровавого пота несчастной дойной коровы Англии, коровы уже до того передоенной, что следует только удивляться, как у нее до сих пор не отвалилось вымя»…

Припертый таким образом к стене, С***, блестящий писатель и такой же оратор, знакомый с политическим направлением калькуттского кабинета, как с собственным карманом, не нашелся чтò на это ответить и сказал парадоксальную глупость: «Не забудем (пробормотал он), что *мы* в этой стране *изгнанники*; что вы, индийцы, по вашему же собственному сознанию, нуждаетесь в нас и *что было бы несправедливостью заставлять нас служить вашей стране без хорошего вознаграждения*. Вы, туземцы, обязаны платить нам; наши нужды, наконец, более ваших»…

У М. от изумления даже опустились руки.

– «Изгнанники»?.. – воскликнул он, наконец. – Вы изгнанники? Да кто же вас просил приезжать сюда из-за морей спасать нас! Неужели…

Но он не докончил. Под перекрестным огнем наших изумленных взглядов, при этой комической выходке сам С*** расхохотался над самим собою… Он, видимо, старался замять этот щекотливо-политический разговор. Но М. не унимался; очевидно, у него сильно накипело на сердце, и он через несколько минут снова повел атаку.

– Вот, – заметил он, – мы с вами старые друзья и вы принимаете меня как равного. Но ведь это не потому, что мои прадеды были в продолжение стольких веков первыми сановниками

[590] бомондом, высшим светом (*фр.*).
[591] А.П.Синнетт.

могульской империи или что мы ведем свой род прямо от дочери Магомета… А просто от того, что я в Англии сделался более или менее похожим на *джентльмена*, что я ношу черный фрак и при случае даже палевые перчатки. Иначе и в туземном костюме, хотя он красивее ваших черных мешков, вы стыдились бы принимать меня, тем более сажать за свой стол.

И на горячий протест хозяев он прибавил:

– Не спорьте, С***, а главное, не отвечайте за других, так как я вам сейчас же докажу, что вы неправы и что есть между вами лица, в глазах которых даже мой черный фрак не спасает меня. Вчера, например, леди К.[592] не приняла моего визита. Это бы еще ничего. Но знаете ли, что̀ она приказала сказать мне через секретаря лорда К., ее супруга? Фраза знаменательная, уже облетевшая весь город и обрисовывающая в нескольких штрихах наше политическое и социальное положение. Она приказала мне передать свое «удивление»… Я должен был знать, что лорд К., ее высокородный супруг и мой начальник, три дня тому назад уехал из города, а что «жены» сановников ни в Англии, ни в Индии не имеют обыкновения принимать визиты «по службе». Иными словами, что ей и в голову не могло придти, чтобы туземец «осмелился» сделать английскому семейству визит наравне с другими смертными, кроме разве по *служебным обязанностям*.

– Леди К. этим показала только свою природную глупость, – вспыхнула мистрис С***[593]. – Никто, кроме нее, не сделал бы вам подобной дерзости.

– Совсем нет, – отвечал, по-видимому, спокойно мусульманин. – Делали мне весьма часто и другие ваши дамы, и даже их мужья, мои собственные сослуживцы, такие же ничем не вызванные дерзости. – И он назвал несколько имен. – А если *я*, в моем исключительном для туземца положении, подвержен таковым, то чего же приходится ожидать другим, менее фаворизованным[594] судьбой и правительством туземцам?

Он сидел нагнувшись над чашкой и говорил тихо, по-видимому, сохраняя полное хладнокровие. Только ложечка, которою он машинально постукивал о блюдечко, слегка дрожала в его руке да черные глаза налились кровью и пылали…

– За Англию, которая меня воспитала, – продолжал он тем же тоном, – за правительство, которому я присягал в верности и которому служу, я готов отдать, ради моей же возлюбленной Индии, жизнь. Мы как народ неспособны теперь управлять страной без чужой помощи, это я знаю, хотя, худо ли, хорошо ли, а управляли ею веками, и страна была и богаче, и счастливее. Но я сознаю, что теперь, за последнее столетие, мы выродились и что помощь Англии нам необходима. Но если я присягал в верности правительству, то не делал еще ничего подобного в отношении к обществу и частным лицам… и я *ненавижу их*!.. Помните мои слова: если Англии когда-нибудь снова придется бороться с мятежом, то этому виной будет единственно английское же общество; и случится это вследствие до бешенства доводящего туземцев презрительного высокомерия посылаемых сюда ваших чиновников. Нам все твердят о тирании и деспотизме России; нас пугают жестокостью ее правительства. Да знаете ли вы, что̀ на это отвечают хоть бы наши мусульмане, потомки султанов, сердаров[595], героев и величайших государственных людей прошлых веков? Они говорят следующее: да, быть может, администраторы России и жестоки и ее правительству не сравниться с «благодушным» правительством ее величества императрицы Индии. Но когда мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал – *мусульманин*[596], другой – армянин и, несмотря на это, главнокомандующий целою армией[597], между тем как у нас последний английский солдат скорее дезертирует, нежели согласится повиноваться и признать начальником *туземца*, будь последний хоть принц крови, – то, сравнивая нашу горькую участь с судьбой и

---

[592] Кэролайн Пенелопа Купер (1832–?) – жена Джорджа Купера (1824–1908), вице-губернатора Северо-Западных провинций и главного комиссара Ауда (1877–1882).

[593] Пейшенс Синнетт (1844–1911) – жена А.П.Синнетта. Е.П.Блаватская впервые гостила у Синнеттов в Аллахабаде в декабре 1879 г.

[594] От favori (*фр.*) – любимец, фаворит, избранник.

[595] Сардар (*перс.* sardār, глава, руководитель, начальник), сердар – название правителя, вождя в Средней Азии и Западной Азии.

[596] Генералы-мусульмане составляли 2% от российского генералитета.

[597] Всего в период существования Российской империи в русской армии было около 1300 генералов, из которых 132 генерала (10%) были армянами по национальности.

надеждами каждого верного России иноверца и иноплеменника, у нас невольно шевелится на душе вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в черном теле? И, в безмолвном отчаянии сознавая всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата-мусульманина в так называемой вами *деспотической* России[598]!..

Второй пример. Семейство одного известного и очень ученого доктора медицины в Бомбее, уроженца Гоа, по фамилии португальца. Уже более трех поколений они христиане-католики, но прадеды, как мужа, так и жены, были чистокровными высокорожденными браманами. И муж, и жена воспитывались за границей и получили превосходное образование. Муж – кавалер нескольких почетных орденов, член многих ученых обществ и находится на хорошем счету в Королевском азиатском обществе. Жена, молодая двадцатилетняя женщина, превосходно образованная, обладает восхитительным голосом. *Ни тот, ни другая в обществе не приняты*. На их музыкальных вечерах по вторникам, кроме нескольких журналистов из европейской *богемы*, не найдется ни одного лавочника-англичанина; из дам, положительно, ни одной. «Помилуйте, – завопят либеральные барыни и барышни, юность которых, быть может, протекла в какой-нибудь задней лавке Оксфордской улицы, – помилуйте! Кто же водит знакомство с подобными *неграми*?»…

Чем-то странным, чудовищно невероятным покажется нашим русским читателям следующий замечательный факт: главною преградой между этим эксбраминским семейством и чванным англо-индийским обществом является их *обращение в христианство*, хотя и насильственное, как все такие обращения последних двух веков в португальском Гоа, где их крестили между тюрьмой и инквизицией с ее рафинированными пытками. Не потому, что они католики, а просто по той причине, что они *некогда были индусами* и что в них, как презираемых мулатах Америки, течет, по выразительной терминологии здешнего высокообразованного общества, «хамова[599] кровь», потому что они потомки «низшей» расы (half-castes[600]) и наравне с «юразиями» (Eurasians[601], то есть евр-азиаты, имя, образовавшееся из слияния Европы и Азии) равно презираемы как туземцами, так и христианами-европейцами. Будь они чистыми идолопоклонниками-индусами, парсийцами или сыновьями Пророка, магометанами, то раза два в год они еще имели бы шанс быть приглашенными на один из тех балаганных балов в «правительственном доме», когда этот дом, как бочонок с сельдями, набивается многими тысячами туземцев, которые наравне со стенными украшениями ставятся кругом в несколько рядов и затем забываются.

Ради яснейшего понятия о туземцах Индии мы здесь распространились об этом вопросе, быть может, более, нежели следовало; как бы то ни было, но злополучные индусы ввиду всего этого предпочитают временное унижение и все страдания «очищения», как физические, так и нравственные, подобной перспективе общего презрения до самой смерти.

Множество подобных вопросов занимало нас в продолжение тех двух часов, которые нам пришлось высидеть до обеда с браманами. Это, как казалось с первого взгляда, опасное, почти невозможное отступление от предписаний Ману – обед с иностранцами и людьми других каст – объяснялось на этот раз просто. Во-первых, толстый *патель* был *главою* своей касты, поэтому не боялся отлучения; во-вторых, он заранее принял все предосторожности и предписанные законом меры, дабы не *осквернить*ся нашим присутствием; а в-третьих, либерал в душе и приятель Гулаб-Лал-Синга, он обещал ему показать нашему Обществу на деле, сколько софизма и тонких уловок придумано хитрыми браманами, дабы, сохраняя на вид мертвую букву закона, в то же время ловко вывертываться при экстренных случаях из-под его железной руки. К тому же, он сильно желал,

---

[598] См.: *Желиховская В.П.* Два вечера с лондонскими индусами // Новости и биржевая газета, 1889, №237, 29 августа (см. также: http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html).

[599] Хам – библейский персонаж. Согласно Библии, Хам повел себя постыдным образом во время опьянения своего отца Ноя. За грех Хама расплачиваться пришлось его сыну Ханаану, которого Ной проклял, пророча ему рабское существование. В XVII в. появилась гипотеза, возводящая происхождение негров к Хаму, что было оправданием расизма и обращения негров в рабство.

[600] люди смешанной расы (*англ.*).

[601] евразийцы (*англ.*).

наш добродушный жирный хозяин, получить диплом от нашего Общества и присоединиться к числу членов оного. Он слышал, что полковник О., главный «коллектор» (сборщик податей) его округа, принадлежал к «американскому Обществу», и поэтому искал, быть может, прислужиться нам.

Таковы были, во всяком случае, объяснения нашего *бабу́* в ответ на выраженное нами удивление. Нам оставалось, стало быть, только возрадоваться редкому случаю и не упустить оного. Кто раз был допущен не только разделить, но даже присутствовать при обеде брамана, тот становится как бы священным в его глазах. Не только сам хозяин, но даже все члены касты его взирают на такого счастливца как бы на принадлежащего, по крайней мере, de jure[602] к их касте. Но зато как редки, почти невозможны такие случаи!..

[602] по праву (*лат.*).

XV

Индусы едят всего два раза в день (мы говорим о богатых), утром в десять и вечером в девять часов; оба раза трапеза сопровождается сложными обрядами и церемониями. В остальное время дня никто, даже дети, не едят ничего, так как есть без предписываемых религией заклинаний считается грехом. Тысячи образованных индусов давно перестали верить в эти суеверные обряды – остатки глубокой старины, но, невзирая на это, обязаны подчиняться им.

Наш хозяин Шамраò Бахунатджи принадлежал к древней касте «патарских прабху» (Pátáres Prabhus) и весьма гордился своим происхождением. Прабху (то есть лорды, господа) – потомки кшатриев (воинов), родоначальником коих был Ашвапати (700 лет до Р.Х.), происходивший по прямой линии от Рамы и Притту[603], которые, по местной хронологии, управляли Индией в *Двапа-* и *Трета*-июгах[604]. Для них одних браманы обязаны исполнять чисто ведические обряды, известные под названием «обрядов кшатриев». Теперь их зовут *патанами* вместо патаров (то есть «падшие»), и этим несчастием они также обязаны родоначальнику своему царю Ашвапати. Раз, раздавая милостыню святым отшельникам, он нечаянно обошел великого Бригу[605]. Оскорбленный этим, пророк и ясновидец проклял его, пригрозив, что его царствованию скоро придет конец, а все потомство погибнет. Тогда царь, бросившись к его ногам, стал умолять о прощении. Бригу, наконец, согласился простить его, но проклятие святого уже пустило корни и все, чтò он сам мог сделать для поправления дела, было обещание не допустить его род до окончательной погибели. Вследствие этого патары вскоре потеряли престол и даже всякую власть. С тех пор им приходилось жить «пером» и службой разным правительствам, переменить имя патаров на патанов (падших) и жить беднее, нежели многие из миллионов бывших их поданных. К счастию, еще прадеды нашего словоохотливого амфитриона[606] перешли в браманство, то есть пролезли чрез золотую корову…

Выражение «жить пером», как мы узнали, относилось к тому, что со временем английского владычества почти все должности писарей и мелких чиновников в Бомбейском президентстве заняты патанами, как в Северо-Западных провинциях их занимают бенгалийские бабу́. В одном Бомбее их насчитывают до 5000. Они смуглее конканских браманов, но зато и гораздо красивее, и умнее. А таинственное выражение «пролезать чрез золотую корову» означало следующее: в исключительных случаях и при готовности затратить большую сумму денег не только кшатрии, но даже презренные шудры могут преобразоваться, так сказать, в «побочных» браманов. Настоящие браманы, от которых исключительно зависит эта метаморфоза, заставляют их покупать это право за несколько сот, а иногда и тысяч коров. Затем, вылив из чистого золота корову, которая освящается при разных мистических церемониях, кандидата заставляют пролезать три раза чрез ее пустое отверстие, и тогда подвергшийся такому искусу тотчас же перерождается в брамана. Нынешний траванкорский махараджа и даже великий, недавно умерший махараджа Бенареса – оба шудры, и некогда купили себе подобным образом желаемое право.

Все эти сведения, как и исторически легендарная хроника о патарах, были переданы нам с большою любезностью нашим хозяином. Попросив нас готовиться к ужину и обещав вернуться за нами чрез полчаса, почтенный Шамраò исчез, уводя с собою и наших кавалеров. Оставшись одни и пользуясь отсутствием мужчин, мисс Б*** и я отправились рассматривать пустой, как нам казалось, дом, захватив с собою одного лишь простоволосого бабу́ для объяснений. Бабу́ как

---

[603] Прѝтху (*санскр.* Pṛthu, букв. «огромный, великий, важный, обильный») – идеальный правитель, описанный в Ведах и Пуранах и почитаемый как одна из аватар Вишну в индуизме.

[604] То есть по летосчислению индусов в *последнем* до настоящего *Кали-июга* и в *предшествующем* тому *июге*, так как они делят *Маха-июг*, или «большой период», на четыре меньшие периода (*июга*), или по чисто арифметическому исчислению около двух миллионов лет тому назад!! – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[605] Бхри́гу (*санскр.* bhṛgu от корня bhrāj, «пылать», «сиять») – в ведийской и индуистской мифологии мудрец, один из семи великих риши.

[606] Амфитрион – персонаж одноименной пьесы французского драматурга Мольера (1622–1673), изображенный автором как радушный хозяин; благодаря этому имя Амфитрион стало нарицательным именем человека, охотно принимающим у себя гостей.

истый, современный бенгалиец презирал религиозные приготовления к столу и поэтому находил лишним «готовиться». Он пошел с нами.

«Прабху», если их несколько братьев, все живут в одном бёнглоу, и у каждого женатого брата непременно своя особенная комната (если не отдельное помещение во дворе) и свой слуга. Дом нашего хозяина был обширный, окруженный меньшими пристройками, занимаемыми его братьями, тогда как главное здание служило для гостей и заключало в себе общую столовую, молельню или кумирню, комнату для родильниц, другую для покойников и т.д. Как и все туземные бёнглоу, весь нижний этаж был окружен верандой (крытою галереей), с которой входы с арками и без дверей вели в большую, занимавшую весь нижний этаж залу. Вокруг этой комнаты, со всех ее четырех сторон, шли деревянные с великолепною резьбой колонны, поддерживавшие потолок верхнего этажа и заменявшие в этом случае стены. Мне почему-то показалось, что эти колонны когда-то должны были украшать один из дворцов «мертвого города». Резьба была совсем не индусского характера, и вместо богов, баснословных чудовищ и зверей колонны были покрыты арабесками с изящно вырезанными цветами и листьями. Колонны постановлены вблизи одна от другой, но рельефная работа не дозволяла им, однако, составлять одну сплошную стену, вследствие чего вентиляция оказывалась немного форсированною: во время нашего сидения посреди столовой нас продувал из-за каждой колонны сильный сквозной ветер и со всех четырех сторон жужжали миниатюрные ураганы, будя все уснувшие было в климате Индии ревматизмы и зубную боль. Весь фасад дома был покрыт прибитыми к стенам и над окнами железными подковами – вернейшее средство против злых духов и от *глаза*[607]. К правой стороне фасада была прилеплена пристройка – высокая комната, называемая «озри»; из этой «озри» во всех туземных домах ведет наверх (резной работы, как и все прочее) лестница, у подножия которой на большой висячей без ножек кровати, спускающейся с потолка на железных цепях, лежал в натуральную величину идол, которого я сперва приняла за спящего индуса и даже приготовилась было ретироваться. Узнав, однако, нашего старого друга Ханумана, я расхрабрилась и стала его рассматривать… Увы! От когда-то целого бога оставалась одна лишь голова; остальное, долженствовавшее представлять тело, оказалось старыми тряпками… Налево от веранды находился еще ряд пристроенных комнат; каждая из них имела особенное назначение. Так одна служила комнатой для родильниц; другая – для злополучных вдов; третья – для покойников, и, наконец, большая комната, называемая «ваттан». Это комната для прекрасного пола, который, хотя и не обязан прятаться под вуалью, как мусульманки, и проводить жизнь в гаремах, имеет, однако, весьма мало общения с мужчинами и держится совершенно особняком. Здесь женщины только приготовляют пищу для мужчин, но не обедают вместе с ними; они часто пользуются уважением и даже иногда робкою почтительностью со стороны мужа, но, тем не менее, не осмелятся с ним заговорить не только при постороннем лице, но даже при его сестрах и матери. Что же касается вдовы в Индии, то это самое несчастное существо в мире. Как только умирает муж, ей сбривают волосы и брови навсегда. Все ее украшения снимаются: и серьги из ушей и кольца из носа, браслеты с рук и ног и перстни со всех двадцати пальцев. Она буквально *умирает* для своего семейства, как и для света, и даже манг не женится на ней, так как самое легкое к ней прикосновение оскверняет мужчину, и он должен тут же бежать «очищаться». На ее долю выпадает самая черная работа в доме и ей не позволяется есть вместе с замужними женщинами или детьми. Самосожжение вдов («сутти»[608]) запрещено, но браманы взяли свое: все вдовы жалеют о костре.

Наконец, осмотрев последнюю комнату – святилище индусов, «кумирню», наполненную идолами, пред которыми стояли цветы, горели лампады, свечи и курился фимиам в богатой бронзовой вазе, а пол был густо усеян *тульси*[609] и другими ароматическими травами, мы отправились одеваться. После умывания нас заставили снять обувь: таков обычай, и нам

---

[607] Сглаз или дурной глаз – распространенное у многих народов суеверие о вредоносном влиянии взгляда некоторых людей («дурного глаза»). От сглаза якобы болеют люди и животные, засыхают деревья, постигает неудача.

[608] Са́ти (*англ.* sati, suttee) – похоронная ритуальная традиция в индуизме, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению вместе со своим покойным супругом на специально сооруженном погребальном костре. На данный момент это явление редкое и запрещенное.

[609] Туласи (*санскр.* tulasī) – базилик тонкоцветный или базилик священный.

оставалось лишь подчиниться или отказаться от браманского ужина. Но нас ожидал еще более неожиданный сюрприз. Войдя в столовую, мы просто остолбенели: оба наших европейских кавалера были одеты или, скорее, раздеты… индусами!

Из приличия на них оставили нечто вроде безрукавных фуфаек, они были босы, с обмотанными вокруг бедер снежной белизны *дотти* и представляли нечто среднее между белыми индусами и константинопольскими garçons de bains[610]. Оба были невыразимо смешны, и я не знаю ничего уморительнее европейца в подобном костюме. К великому смущению мужчин и, как полагаю, скандалу серьезных хозяек я расхохоталась на весь дом. Сорокапятилетняя мисс Б*** старалась покраснеть, но тут же последовала моему примеру. Худшее совершилось; посмотрим, что̀ далее…

Церемонии и обряды, о которых только что шла речь, достигают у индусов полного апогея пред каждым обедом и ужином. За четверть часа до того, как садиться за еду, каждый индус от мала до велика обязан совершить *пуджу*[611] пред богами. Он не переменяет белья, но снимает даже то малое, чем прикрывается во время дня. Выкупавшись у колодца, то есть умыв себе руки, ноги и лицо, он распускает длинную прядь волос на макушке бритой головы и остается простоволосым[612]; обедать одетым или с покрытою головой считается у индусов грехом. Обмотав бедра белою *шелковою дотти* (шелк обладает свойством отгонять злых духов, обитающих в магнетических токах атмосферы, говорит мантра, книга V, стих 23[613]), они идут поклониться идолам и затем уже садятся за трапезу.

Засим позволю себе еще раз сделать маленькое отступление хотя бы ради невольно являющегося вопроса: не таится ли за этим кажущимся суеверием о духах и шелке чего-либо более глубокого. Уже давно, хотя изредка и с видимым нежеланием расстаться с излюбленною учеными идеей, что все обычаи древности и язычества основаны-де на одном лишь *невежестве* и грубом *суеверии*, – уже давно, говорю я, стали открывать, что некоторые из этих обычаев, казавшихся столь нелепыми с первого взгляда, возникли из чисто научного принципа. Почему же не предположить скорее, что древние ввели подобный обычай, хорошо зная свойства и благодетельное влияние электричества в соприкосновении с голым телом человека на органы пищеварения? Те, которые изучали древнюю философию Индии с твердым намерением проникнуть в тайный смысл ее афоризмов, в большинстве случаев убедились, что с самых древних времен свойства электричества были в значительной доле известны таким философам, как, например, Патанжали. Чарака[614] и Шушрут[615] изложили систему Гиппократа[616] еще за несколько веков до того, кого на Западе так долго называли «отцом медицины». Исчисления Сурьи-сидхенты, доказывающие, что он[617] знал и исчислил силу паров века тому назад, неизгладимо начертаны на камне, что̀ хранится в Бадринаттском храме Вишну. Древние индусы первые

---

[610] слугами в бане (*фр.*).

[611] Пуджа – один из главных обрядов поклонения и почитания в индуизме. Объектом поклонения выступает Бог, однако, учитывая усматриваемые индуистами божественные аспекты у широкого круга объектов, пуджа может быть посвящена живым людям – духовному учителю, свами или родственникам, а также животным или даже неодушевленным предметам.

[612] Одни *бенгалийцы* носят короткие волосы, не сбривая на голове ничего; *пенджабы* также не бреют волос, но носят их во всю выростаемую длину и никогда не стригут их, пряча их только днем под белую чалму. *Раджпуты* тоже сохраняют длинные волосы, подбирая их на затылке. Но *махраты* и *декканцы* носят волосы наподобие ирокезцев*, оставляя один длинный чуб, как то, бывало, делали запорожские казаки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Ирокезы – группа индейских племен, проживающих в США и Канаде.

[613] Здесь дается отсылка к так называемой «Змеиной мантре» (см.: The Aitareya Brahmanam of the Rigveda. Containing the Earliest Speculations of the Brahmans on the Meaning of the Sacrificial Prayers, and on the Origin, Performance and Sense of the Rites of the Vedic Religion. Edited, Translated and Explained by Martin Haug. Vol. II. Bombay, 1863. P. 358–359 (Айтарейя-брахмана из Ригведы. Содержит самые ранние рассуждения браминов о значении жертвенных молитв, а также о происхождении, исполнении и смысле обрядов ведической религии. Отредактировано, переведено и объяснено Мартином Хаугом. Т. II. Бомбей, 1863. С. 358–359); *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. I).

[614] Чарака – индийский врач, автор медицинского трактата «Чарака-самхита» (700 до н.э. – I в.).

[615] Сушрута (Sushruta, VIII в.) – индийский врач, автор медицинского трактата «Сушрута-самхита».

[616] Гиппократ (ок. 460 – ок. 377 до н.э.) – древнегреческий врач.

[617] Это древнеиндийский астрономический трактат «Сурья-сиддханта» (*санскр.* Sûrya-siddhânta).

вычислили скорость света и определили законы, которым он следует в своем отражении, а Пифагорова таблица и его знаменитая теорема о свойстве квадрата гипотенузы находится в древних книгах джиотиши (Geotishà)[618]. Еще недавно западные математики указывали на Гиппарха Никейского[619] как на отца тригонометрии, хотя все, что̀ они когда-либо могли узнать о нем, почерпнуто ими со слов его же ученика Птоломея[620], а теперь здесь найдена древняя рукопись, доказывающая, что «уравнение центра» (équation du centre)[621] было известно индусам задолго до Р.Х. Даже в наши времена (в 1880 году) живет в Индии и коптит на должности помощником судьи в каком-то захолустье некий Динанаф Атмарам Дальви (M.A., LL.B.[622], то есть магистр наук и бакалавр юриспруденции)[623], величайший, быть может, математический гений в мире. По свидетельству самого директора народного просвещения в Индии Пэйля[624], он, Дальви, доказал (три года тому назад), что великий Ньютон[625] в своей «Rule for Imaginary Roots»[626] *ошибался с начала до конца* и что применение сего ньютоновского правила совершенно не достигает цели[627]. Тот же Дальви разбил некоторые теоремы одного из величайших английских математиков профессора Сильвестра[628] в пух и прах[629]…

Все это дозволяет нам предполагать, что древние арийцы, устанавливая этот странный обычай носить во время еды *шелковые* «дотти», имели в виду нечто серьезнее, нежели отвод от «демонов». Хотя странно, что даже в наш просвещенный век есть ученые доктора-спиритуалисты, которые (как Dr. Евгений Кроуэль[630] в Нью-Йорке) пишут целые ученые диссертации, доказывая, что так называемым «медиумам» одно спасение от злых духов-кикимор[631] – носить на голове и груди плотно завязанные *шелковые* платки, и хотя почтенный Кроуэль еще не совсем ясно доказал ученому миру, что кикиморы вообще (американские в особенности) дрожат пред произведением шелковичных червей, зато он совершенно ясно и логично объясняет роль шелковой материи в отношении к электричеству. А поэтому…[632]

За нами явился хозяин, и мы отправились в столовую.

---

[618] Джьотиша, джьотиш, джйотиш (*санскр.* jyotiṣa) – астрология индуизма.

[619] Гиппарх Никейский (II в. до н.э.) – древнегреческий астроном, механик, географ и математик, часто называемый величайшим астрономом античности.

[620] Клавдий Птолемей (ок. 100 – ок. 170) – позднеэллинистический астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ.

[621] Уравнение центра – в задаче двух тел угловое расстояние между истинным положением тела на эллиптической орбите и положением, которое занимало бы тело в случае равномерного движения по круговой орбите с тем же периодом обращения.

[622] Master of Arts (M.A.) – магистр гуманитарных наук; Bachelor of Laws (LL.B.) – бакалавр права.

[623] Динанатх Атмарам Дальви (1844–1897) – индийский судья и математик.

[624] Джеймс Брейтуэйт Пейл (1833–1906) – британский администратор в Индии.

[625] Исаак Ньютон (1643–1727) – английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей классической физики.

[626] «Правило для комплексных корней» (*англ.*).

[627] См. работы Д.А.Далви: «An Examination of Sir Isaac Newton's Rule for Finding the Number of Imaginary Roots in an Equation: With Geometrical and Mechanical Theorems and a Trigonometrical Formula» («Проверка правила Ньютона нахождения количества комплексных корней уравнения: с использованием теорем геометрии и механики, а также тригонометрической формулы», 1869); «Aryan Trigonometry» («Арийская тригонометрия») (The Theosophist, 1879, т. I, октябрь); «Memorandum» («Записка») к статье Munshi Sada Sukh Lal «Geometry on the Principles of the Ancient Hindu Philosophy» («Геометрия на принципах древней индусской философии») (The Theosophist, 1881, т. II, апрель).

[628] Джеймс Джозеф Сильвестр (1814–1897) – английский математик.

[629] В случае (и этот случай непременно случится) кто-нибудь из наших русских математиков, поклонников сэра Исаака Ньютона, «воссерчает» на такое бездоказательное (пока) кощунство против великого математика и усомнится в моем заявлении, я предлагаю каждому, до *дюжины* недовольных включительно, обратиться в редакцию *Московских ведомостей* с просьбой дать мне знать по моему адресу о таковом сомнении. Я немедля вышлю в помянутую редакцию несколько брошюр Атмарама Дальви, в коих он пространно и (по сознанию лучших профессоров) неопровержимо доказывает, в чем состоят ошибки Ньютона. Брошюры будут высланы мною *бесплатно* из одной любви к справедливости и дружбы к автору, гений которого напрасно пропадает в неизвестном захолустье Индии. Брошюры напечатаны по-английски. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[630] Юджин Кроуэлл (Crowell, 1817–1894) – американский врач, спиритуалист.

[631] Е.П.Блаватская называет «кикиморами» низшие астральные двойники людей, которые в виде «духов» появляются на спиритических сеансах (см. подробнее в письмах Е.П.Блаватской к В.И.Прибыткову (7.04.1883), Н.П.Вагнеру и А.П.Ганенфельдту (https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html)).

[632] В «Московских ведомостях» фрагмент текста «Засим позволю себе… А поэтому…» отсутствует.

Войдя в «трапезную», мы тотчас же увидали, в чем состоят предохранительные меры индусов от осквернения. Каменный пол залы был разделен на две равные половины чертой, нарисованною мелом со странными каббалистическими знаками по концам. Одна половина предназначалась для хозяев и однокастников, другая – для нас. В стороне находился еще третий квадрат для наших туземных спутников другой касты. За исключением этого легкого барьера обе половины были одинаковы. Вдоль двух противоположных стен – узкие ковры с подушками и низенькими скамеечками для сидений по числу ужинавших, а пред каждым сидением на голом полу – продолговатый квадрат, разделенный, как шахматная доска, на меньшие квадратики – тоже мелом, – предназначаемые для различных блюд и тарелок. Последние заменялись толстыми и крепкими листьями ост-индского дерева «тик» (Butea frondosa)[633]: большие блюда – из нескольких листьев, сколотых вместе шипами, блюдечки – из одного закругленного по бокам листа. Весь ужин был налицо и стоял пред каждою скамейкой; мы сосчитали сорок восемь таких блюдечек из малых листьев, на которых лежало по *глотку* яств – сорока восьми сортов! Все эти кушанья являлись нам материалом из terra incognita[634], некоторые оказались чрезвычайно вкусными, а ужин состоял из строго растительной пищи; говядина, птицы, яйца, рыба были изгнаны из этого menu[635]. Тут были и *чатни* – маринованные в меду и уксусе фрукты и овощи; и *панчамрит* – смесь из пампелло (ягоды), тамаринда, кокосового молока, патоки и прованского масла; и *кушмер* – из редисок, меда и муки; и прожигающие насквозь рот пикули и пряности, и т.д. Все это довершалось горою великолепно изготовленного риса и другою горой *чапати* – лепешек вроде грузинских «чуреков». Блюдца стояли в четыре ряда, по 12 в ряд, а между каждым рядом дымилось по три курительных ароматных палочки величиной с копеечную церковную свечу. Вдоль всего нашего отделения ярко горели красные и зеленые свечи в *семи* огромных, странной формы канделябрах, представляющих каждый семиглавую кобру, обвившую хвостом древесный пень и поднимающую во все стороны головы. Из семи ртов ее подымались семь тонких, завитых штопором красных и зеленых восковых свечей. Дующий из-за всех колонн сквозной ветер развевал во все стороны желтое пламя, наполняя нашу высокую трапезную фантастически прыгающими тенями и заставляя сильно чихать наших «легко одетых» господ. Оставляя темные силуэты индусов еще более в тени, этот неверный свет тем резче выбрасывал ярким белым пятном этих двух европейцев, как бы дразня и глумясь над ними…

Один за другим входили родственники и однокастники хозяев. Все они были нагими до пояса, со священным «тройным» шнурком браманов через плечо, босые, с распущенными волосами и все в белых шелковых «дотти». За каждым «саабом» шел слуга, несший его чашку, два серебряных или даже золотых рукомойника и полотенце. Все они, поклонившись хозяину, подходили к нам поочередно и, сложив вместе ладони, прикладывали руки ко лбу, к груди и, наконец, нагибаясь, дотрагивались ими до земли, проговорив: «Рам-Рам и *намасте*[636]». Затем они, поджав ноги, молча садились на свои места, напоминая мне, что этот древний обычай приветствовать друг друга вдвойне произносимым именем прародителя существует с доисторических времен.

Когда мы все разместились, – индусы, спокойные и величавые, как бы собираясь совершать таинство; мы, чувствуя себя не совсем ловко, не зная, что̀ делать с собою далее, и боясь совершить в невинности души какую-нибудь глупость и тем оскорбить хозяев, – вдруг раздалось из темного угла тихое пение нескольких женских голосов. Полдюжины «нотчей» (певиц и танцовщиц пагод)[637] затянули в унисон гимны и восхваления богам. Тогда под этот шумок, проголодавшиеся и усталые, мы принялись за рис, который, по научению и благодаря баб́у, мы принялись есть

---

[633] Это два разных дерева. Тик, или Ти́ковое дерево, или Тектона великая (*лат.* Tectona grandis) – вид листопадных деревьев рода Тектона семейства Яснотковые. Растет в муссонных лесах Южной и Юго-Восточной Азии, имеет овальные листья, 15–45 см длиной и 8–23 см шириной. Бутéя (*лат.* Butea) – род растений семейства Бобовые (Fabaceae), распространенный в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии.

[634] незнакомой области (*лат.*).

[635] меню (*англ.*).

[636] Первое – имя обоготворенного ими героя; второе, в буквальном переводе с санскритского – «преклоняюсь пред вами»[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Намасте́ – индийское и непальское приветствие, произошло от слов «намах» – поклон, «те» – тебе.

[637] Nautch – придворный танец в Индии, исполняемый девушками (nautch girls).

правою рукой, так как иначе если бы мы стали есть его левою, то разом привлекли бы на пир целую стаю *ракшазов* (демонов) и выгнали бы в ужасе всех туземцев. О ножах, вилках и ложках не было, конечно, и помину. Страшась провиниться невольно и по рассеянности, я всунула левую руку в карман, крепко держась во все остальное время пиршества за носовой платок…

За исключением тихого пения, продолжавшегося всего несколько минут, пиршество оказалось из самых молчаливых. Был понедельник – день постный, и правило гробового молчания за пищей соблюдалось у них в тот день еще строже. Обыкновенно, когда при случаях неизбежной необходимости случится кому проговорить хоть одно слово, то он спешит, омочив средний палец дотоле спрятанной за спиною левой руки в воду, увлажнить себе оным оба века. Но действительно набожный человек не удовольствуется таким очищением: прервав молчание, он обязан тотчас же встать, умыться и уже в тот день не дотрагиваться до пищи.

Благодаря подобному гробовому молчанию, мне представлялась возможность наблюдать за всем происходившим с величайшим вниманием. Несколько раз, впрочем, взглянув на полковника и мистера У***, уплетавших рис пригоршнями, мне стоило величайших усилий, чтоб опять не расхохотаться. Мною невольно овладевал неудержимый смех. Оба сидели с невозмутимою важностью и неловко работали и локтями, и руками. У одного вся борода была усеяна, словно инеем, рисовыми зернами; у другого вся нижняя часть лица испачкана жидким шафраном, а по груди и неуклюже поджатым коленям текли зеленые ручейки пикулей. Но я счастливо удержалась и устремила все свое внимание на необычайную процедуру индусов. Постараюсь описать любопытные детали их манеры обедать и ужинать.

Каждый из них, усевшись с поджатыми под себя ногами и держа в левой руке принесенный слугою кувшин, наливал себе из него воды сперва в чашку, а затем в горсть правой руки. Потом он медленно и долго кропил из оной вокруг стоявшего отдельно от других кушаний листа с яствами (как мы узнали, для богов и духов) и во все время этой церемонии напевал «мантру» из Вед. Набрав после этого в правую пригоршню рис, он повторял несколько других двустиший с припевом и, отложив пять щепоток на правую сторону своей тарелки, снова умывал руки (от глаза), снова кропил водой вокруг этой тарелки и, налив окончательно несколько капель в горсть правой руки, выпивал оную. Потом проглатывал другие шесть щепоток риса, одну за другою, бормоча все время молитвы, и, обмакнув в чашку с водой средней палец левой руки, дотрагивался им до обоих глаз. В заключение он прятал левую руку за спину и тогда только начинал свой ужин правою. Все это совершалось в несколько секунд, но с большою торжественностью. Ели индусы наклоняясь всем туловищем вперед и подбрасывая рукой пищу в рот с ловкостью японских жонглеров, не проронив ни одного зернышка, не пролив ни единой капельки из разных жидкостей. Из уважения к хозяевам и, вероятно, желая оказать этим честь Индии, наш полковник, видимо, старался подражать им в каждом движении. Он также было наклонился далеко вперед всем туловищем, но – увы! – почтенное брюшко оказалось серьезною помехой. Потеряв равновесие, он чуть было не повалился со своей скамеечки лицом прямо в яства, счастливо отделавшись на этот раз одними очками, которые полетели в кислое молоко с чесноком. После такого несчастного опыта храбрый американец разом отказался от дальнейших попыток «индуизироваться» и успокоился.

Все кончили ужин, по обыкновению, рисом, приправленным сахаром, толченым горохом, оливковым маслом, чесноком и гранатами. Это последнее лакомое блюдо они всегда едят поспешно, нервно, поглядывая на соседей и как бы вперегонку. Каждый из них смертельно боится опоздать и кончить после другого, так как это чрезвычайно дурная примета. Пред самым концом они снова забирают воды в горсть и, пошептав над нею заклинания, проглатывают ее залпом. Горе тому, кто поперхнется при этом! Ему залез в горло *бхут* (демон, дух умершего) и он должен бежать очищаться пред алтарем. Эти злые духи людей, умерших с неудовлетворенными желаниями и земными страстями в полном их разгаре (других беспокойных покойников они не признают), сильно тревожат бедных индусов. Индийские духи, если верить показаниям всех и каждого, толкутся вокруг смертных, стараясь насытиться их ртами и удовлетворить всем своим нечестивым земным желаниям посредством на время завоеванных органов у живых. Их боятся и проклинают на всю Индию, не пренебрегая никакими средствами, дабы отвязаться от них и успокоить расходившихся *бхутов*. Понятия, идеи и выводы индусов диаметрально противоречат

аспирациям[638] и надеждам западных спиритов. «Добрый и чистый дух, – говорят они, – на землю уж душу свою не пустит, коли та душа была также чиста. Он рад умереть и соединить свой дух (*атма*)[639] с Брамой, жить на *сварге* (небесах) жизнью вечною и брататься с прелестными *гандарвами* (поющие ангелы или херувимы), под небесную песнь коих он дремлет целые вечности, в то время как душа (*джив*)[640] продолжает очищаться от земной грязи в теле более чистом и более совершенном, чем только что оставленное ею»[641]. Но не то ждет злые души. Душа, не успевшая до смерти тела совершенно очиститься от земных помышлений, невольно отяжелеет под бременем грехов и вместо того, чтобы, следуя по законам метемпсихоза[642], тотчас же воплотиться в другую форму, она остается бесплотною, осужденная бродить на земле. Она делается *бхутом* и, страдая сама, причиняет иногда невыразимые мучения своим же родственникам. Вот почему индус боится более всего на свете остаться *бесплотным* после смерти.

– Лучше перейти по смерти в тело тигра, собаки, даже желтоногого ястреба, – говорил мне недавно один старый индус, – нежели сделаться *бхутом*! Каждый зверь, какой бы он ни был, имеет свое собственное *законное* тело и право честно им пользоваться. А *бхуты*, навек обреченные *дакоиты*, разбойники, воры, вечно настороже, как бы поживиться чужим добром. Это самое ужасное, невообразимо страшное состояние; это и есть *ад* по нашим понятиям. Чтò это за спиритизм такой на Западе? Неужели умные и образованные англичане и американцы сошли совершенно с ума?

И он так и не поверил, чтобы могли быть довольно безумные люди, чтобы любить *бхутов* и даже *приглашать их к себе на землю*.

После ужина мужчины все отправились во двор к колодцу и, умывшись, снова оделись. Обыкновенно они к ночи надевают чистые *малмалы*, род узких, длинных блуз из тонкого жаконета[643], тюрбаны и деревянные сандалии с пуговкой, которую они захватывают между пальцами ноги, но оставляют обувь всегда у дверей дома. Вернувшись в приемную, они рассаживаются возле стены на коврах и подушках, жуют бетель, курят трубки или индийские сигары и слушают священное чтение или смотрят на танцы «нотчей».

Это в обыкновенные дни. В этот же вечер (вероятно, в нашу честь) все оделись очень богато. На многих были *дарии* из богатой атласной полосатой материи и по несколько золотых браслетов, золотые, украшенные бриллиантами и изумрудами *колье*, золотые часы, цепочки и белые, тонкие, как дымки, с золотыми полосами *джанви* – браманские шарфы через плечо. Толстые пальцы нашего хозяина и правое ухо так и сияли бриллиантами…

Прислуживавшие нам женщины, хозяйки, исчезнувшие тотчас после ужина, вернулись к нам чрез полчаса разодетые и были теперь формально нам представлены. Их было пять: хозяйка, жена толстяка, женщина лет двадцати шести или семи; две женщины помоложе, из которых одна, к нашему удивлению, оказалась ее дочерью с ребенком на руках; старуха – мать хозяина; наконец, жена брата его, *семилетняя* девочка. Таким образом, хозяйка оказалась бабушкой, а девочка,

---

[638] стремлениям (*англ.* aspiration).

[639] «Атма или Атман (санскр.). Вселенский Дух, Божественная Монада, так называемый седьмой принцип в семеричном строении человека. Высшая Душа» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 63).

[640] Джива (*санскр.* jīva) – понятие в индийской религиозно-философской традиции, обозначающее духовное, вечное живое существо, отдельную душу.

[641] По их понятиям, *дух*, «атма», частица целого, или Парабрамы, не может быть наказуем за грехи, к коим он никогда не причастен. То *манас*[*], животный разум (*animal intelligence*) и животная душа[**] – *душа*, «джив», полуматериальная иллюзия или *майя*, – грешит, и страдает, и переходит из одного тела в другое, пока не очистится. Дух только осеняет ее земные странствования. Когда *ego* совсем очистилось, то это *ego*, или душа, окончательно соединяется со своею *атмою*, духом, и мало-помалу оба погружаются в Парабраму и исчезают в нем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Манас (санскр.). Буквально “ум”, ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо и отличающая его от простого животного; синоним Махата. Эзотерически, однако, это означает, в широком смысле, Высшее Эго, или чувствующий перевоплощающийся Принцип в человеке. В узком смысле теософы называют его Буддхи-Манасом, или Духовной Душой, в противоположность его человеческому отражению – кама-манасу» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 246).

[**] В «Московских ведомостях» выражение «*манас*… животная душа» отсутствует.

[642] Метемпсихоз (*греч.* μετεμψύχωσις) – переселение душ, перевоплощение, реинкарнация.

[643] Жаконет – тонкая бумажная материя с льняной основой из крученых ниток.

которая должна была поступить в полное владение мужа года через два, много три, могла, в свою очередь, сделаться матерью задолго до двенадцати лет. Все они были босые, с перстнями на пальцах ног, и все, кроме старухи, носили гирлянды на шее и венки из натуральных цветов вокруг черных как вороново крыло кос. Их костюмы состояли из плотно облегающих шею и грудь вышитых золотом коротких корсажей (*чали*[644]). Надетые на голое тело, они не доходили на целую четверть до *сари* – юбки-покрывала (если можно назвать юбкой эти короткие штаны, верхняя часть которых служит покрывалом для головы и вместе мантильей) и храбро открывали смуглый, блестящий при огне, словно вылитый из бронзы, стан красивых женщин. Их прекрасные руки были покрыты выше локтей дорогими браслетами, также как и щиколки ног. При малейшем движении они звякали, а маленькая невестка, похожая на большую куклу на пружинах, еле могла двигаться под их тяжестью. У молодой хозяйки, «бабушки», носовое кольцо, продернутое чрез левую ноздрю, опускалось ниже подбородка и оттягивало нос. Только когда она сняла его, чтоб удобнее пить чай, мы рассмотрели всю ее удивительную красоту.

Начались танцы «нотчей», из коих две были очень красивы. Пляска состояла из более или менее выразительной мимики глаз, ушей, носа, головы и вообще всей верхней части туловища. Ноги же семенили на одном месте, почти не двигаясь или же двигаясь так быстро, что исчезали в тумане…

Я заснула сном праведных.

[644] Чоли (*англ.* choli).

XVI

Приятно после стольких проведенных на голом полу палатки ночей выспаться на кровати, хотя бы и висячей, – особенно когда это сопровождается сознанием, что спишь на ложе «бога». Последнее обстоятельство, впрочем, было мною открыто только поутру, когда, сходя с лестницы, я нашла, что божественного генерал-аншефа (Ханумана) лишили висячего трона, а его самого, вместе с тряпичным телом, бросили под лестницу… Положительно, индусы XIX столетия вырождаются и кощунствуют!

Оказалось, что за исключением старого дивана это была единственная кровать в доме. Наши два кавалера провели ночь хуже нас: они оба спали в старой пустой башне, бывшей *гопарамом*[645] (алтарь) древней разрушенной пагоды за домом, куда их положили с благим намерением спасти от шакалов, забирающихся по ночам во все нижние этажи, где вместо окон и дверей существуют одни отверстия. Кроме неизменного ночного концерта, шакалы на этот раз не беспокоили их своим присутствием. Зато мистеру У*** и полковнику пришлось воевать целую ночь с неотвязным *вампиром*[646], который оказался не только летучею мышью, но и «духом», как они это позднее узнали к своему горю. Вот как это случилось.

Без всякого шума влетал в башню вампир и, помахав своими холодными, липкими крыльями, садился то на одного, то на другого из спящих, очевидно, решившись полакомиться европейскою кровью. Раз десять они просыпались и прогоняли его, но каждый раз безуспешно; только что они было соберутся задремать, как снова почувствуют его легкое, почти неслышное прикосновение на плечах, ногах, груди. Наконец, У*** изловчился: он поймал его за крыло и свернул ему шею…

К утру, похваляясь в невинности души этим подвигом пред хозяином дома, они, казалось, навлекли на себя все громы небесные. Двор был полон народа, а пред дверьми башни стояли, понурив голову, все домашние: старуха-мать рвала на себе волосы и запевала, приговаривая и причитывая что-то на всех языцех Индии. Чтò ж такое случилось? Происшествие ужасное, узнав о котором, мы пришли в величайшее смущение: по особенным, известным только одному домашнему браману приметам в этого кровожадного вампира со дня своей смерти *переселился* старший брат хозяина, а неистовствовавшей старухи – сын. Уж девять лет как покойник жил под этим новым видом, отбывая все повинности метемпсихоза. Днем, зацепясь когтями за ветку старого пипала, чтò пред башней (испокон века жилище духов), и повиснув головою вниз, он проводил в глубоком сне часы между восходом и заходом солнца; ночью посещал старую башню, где ловил забравшихся туда на ночной покой насекомых. И так жил этот вампир, отмаливая потихоньку старые грехи, совершенные им, когда он был еще прабхуским «патаном». А теперь? Его бездыханное тело валялось у входа в башню и одно крыло уже отгрызли крысы… Старуха заливалась слезами, бросая яростные взгляды из-под покрывала своей бритой головы на У***, который в качестве убийцы имел вид отвратительно равнодушный.

Но дело запутывалось и становилось трагическим. Весь комизм оного исчезал пред искренностью ее неподдельного горя. Толпа стояла вокруг, молчаливая и серьезная, очевидно, не смея высказать свои настоящие чувства английским «саабам», но поглядывая на нас не особенно приветливо исподлобья. Возле старухи стоял семейный жрец и астролог с книгой *шастр*[647] подмышкой и с жезлом в руке, приготовляясь начать над башней церемонию очищения. Он уже распорядился покрыть куском новой холстины полуобъеденный, облепленный муравьями труп отвратительного вампира, лежавшего пред ним с широко распростертыми крыльями…

У*** по-прежнему стоял, хладнокровно посвистывая и с заложенными в оба кармана руками. Подошедшая мисс Б***, не стесняясь присутствием хорошо говорившего по-английски

---

[645] Го́пурам (го́пура) – надвратная башня в храмовой ограде индуистских храмов, отличительная черта индийской средневековой архитектуры, особенно характерная для Южной Индии, служит в качестве входа в храмовый комплекс.

[646] Летучая мышь.

[647] Шастра (*санскр.* śastra, «призыв, гимн», также «меч, нож, оружие») – вид пояснительного текста, использующийся в индийских религиях; комментарий к сутре.

хозяина, громко ораторствовала (совершенно à l'anglaise[648]) о грубом, невежественном суеверии этой «падшей расы». У*** не отвечал, но весьма презрительно улыбался. Тогда наш хозяин с низким «салаамом» подошел к полковнику и учтиво попросил его вместе со мною на «несколько минут разговора»…

«Ну, – подумалось мне, – выгонят!..»

Но мы, как видно, не измерили еще сердца индусов до полной их метафизической глубины.

Он начал с того, что сочинил экспромтом весьма кудрявое вступление. В нем напоминалось, что он, хозяин, человек образованный, получивший *западное* воспитание. Вследствие этого он-де не совершенно еще уверен в том, что в теле вампира действительно обретался дух покойного брата. Дарвин и другие великие натуралисты Запада, однако, как бы сами верят в переселение душ, но, как он понимает, в *обратном* смысле; то есть родись у него в минуту несчастной смерти вампира сын, то по самым последним научным соображениям в этом сыне, вследствие разлагающихся по близости атомов вампира, явилось бы, по всей вероятности, много вампировского. «Так ли он понял Дарвина и его школу?» – спрашивал он нас.

Мы скромно отвечали, что вследствие беспрерывных путешествий за последний год мы немного отстали от современной науки и о таковом ее последнем заключении еще не слыхивали.

– А я следил за нею, – немного напыщенно произнес добродушный Шамраò, – и поэтому полагаю, что вполне понял и оценил ее последние выводы. Я даже только что кончил превосходную *Антропогению* Геккеля[649] и много думал над его логическим, научным объяснением об образовании человека из более низших животных форм путем трансформации. А чтò такое *трансформация*, как не *трансмиграция* древних и современных индусов – *метемпсихоз* греков?

Мы ничего не нашли сказать против тождества и даже заметили, что по Геккелю оно действительно как бы выходит так.

– Ну вот видите ли! – воскликнул он, обрадовавшись. – Стало быть, наши воззрения не так глупы и суеверны, как об этом пишут и говорят некоторые противники Ману. Великий Ману, между тем, предупредил и Дарвина, и Геккеля. Судите сами: последний ведет генеалогию или *генезис* человека от группы «пластидов»[650], от слизистого *монера*[651]; этот «монер» чрез *амеб*[652], а затем *зинамебию*[653], *асцидий*[654] и, наконец, безголового и бессердечного *амфиокса*[655], на восьмой стадии трансмигрирует в миногу[656] – превращается, наконец, в позвоночного *амниота*[657], в промамалию[658], сумчатое животное, а к отделу позвоночных принадлежит и *вампир*… Вы, конечно, как люди образованные против этого спорить не станете?

Мы и не спорили.

– Так прошу вас, следите за мной…

---

[648] на английский манер (*фр.*).

[649] См.: *Haeckel E.* Anthropogenie oder Entwickelungsgeschichte des Menschen. Leipzig, 1874 (*Геккель Э.* Антропогенез или история развития человека. Лейпциг, 1874).

Эрнст Геккель (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ-позитивист.

[650] Пластиды – полуавтономные органеллы (постоянные компоненты клетки, жизненно необходимые для ее существования) высших растений, водорослей и некоторых фотосинтезирующих простейших.

[651] Э.Геккель в книге «Естественная история творения» (1868) высказал идею о зарождении жизни из неживого, о возникновении организмов не от предков, а в результате спонтанного их появления из некоего раствора. Утверждение Геккеля не было подкреплено никакими данными и представляло собой заявление чисто мировоззренческого характера. Геккель предположил, что должны существовать некие примитивные объекты, некое промежуточное звено между неживой материей и одноклеточными организмами. Он назвал эти предполагаемые объекты «монерами».

[652] Амёбы – род микроскопических одноклеточных простейших организмов, длина до 0,5 мм.

[653] Synamoeba – сообщество амёб.

[654] Асцидии – морские беспозвоночные донные животные, длина от 0,1 мм до 30 см.

[655] Амфиокс (ланцетник) – маленькое, не более 5 см длиною, прозрачное позвоночное животное, которое некоторые причисляют к рыбам, но которое должно считаться единственным представителем совершенно особого класса трубкосердых позвоночных животных.

[656] Минога морская – водное позвоночное животное класса круглоротых с длинным голым змеевидным телом. Зоологи не считают миног классическими рыбами из-за их уникальной морфологии и физиологии.

[657] Амниоты – высшие позвоночные (рептилии, птицы и млекопитающие).

[658] Promammalia (от *лат.* mammalia млекопитающие) – гипотетические предки млекопитающих.

Мы, без сомнения, следили с большим вниманием, только уж решительно не понимали, куда он нас заводит.

– Дарвин, – продолжал он, – ведет свое учение о происхождении видов, следуя почти слово в слово «палингенетическому»[659] учению нашего Ману. В этом я вполне убедился и готов это доказать с книгами в руках. Древний законодатель говорит, например, вкратце следующее: «Великий Парабрама повелел, дабы от зародившегося в тине глубоких морей червя земного, пройдя чрез все стадии животного творения, явился в мире, наконец, человек. Червь сделался змием, змий рыбой, рыба преобразовалась в млекопитающее и т.д.»[660]. Не эта ли самая основная идея заключается в дарвиновской теории происхождения органических форм посредством постепенного перехода из простейших видов в более сложные, из бесструктурной протоплазмы в тине силурийского и лаврентийского периода (тина морей Ману) в антропоида[661], а затем в человека?..

Мы согласились, что действительно представлялось такое сходство.

– Но, несмотря на все мое искреннее уважение к Дарвину и его последователю Геккелю, я не могу с ними согласиться в их окончательных заключениях, особенно с выводами последнего, – продолжал ораторствовать Шамраò. – Этот вспыльчивый и желчный немец, так верно копирующий эмбриологию нашего Ману и все метаморфозы наших предков, теряет из вида эволюцию *души человеческой*, которая, по учению Ману, следует рука об руку с эволюцией *материи* во всех ее изменениях… Сын *Суайамбхувы* («несотворенного»)[662] говорит так: «Каждое творение в ряду своих переселений приобретает, в дополнение к качествам всех предыдущих форм, новые, таким образом, что чем ближе оно подходит к высшему земному типу, человеку, тем ярче в нем разгорается божественная искра», и добавляет: «Но раз сделавшись Брамой на земле (то есть достигнув в образе *человека* верхней точки цикла трансмиграций), человек вступает в ряд трансмиграций *сознательных*». Другими словами, его будущие превращения будут зависеть не от слепого закона постепенного развития, но от поступков его на земле, за малейший из коих он будет или награжден, или наказан. Поэтому в воле человека и от него самого зависит, пойдет ли он выше по дороге к *мокше* (вечному блаженству), переходя из *локи* в локу[663], пока не дойдет до *Брамалоки*, или же, вследствие грехов, снова не оттолкнется законом возмездия назад. В таком случае он будет обязан возвратиться к прежним уже раз бессознательно пройденным животным формам. Но если и Дарвин, и Геккель как физики, оба, теряют из вида этот, так сказать, *второй том* их неполной теории, так остроумно «дополненной» в учении Ману, то все же они нигде в своих сочинениях и не отвергают оного. Не так ли?..

– Кажется, что не отвергают.

---

[659] Палингенез (*др.-греч.* πάλιν снова, опять, γένεσις происхождение, возникновение) – возрождение, обновление.

[660] См.: Законы Ману, I.

[661] Антропоиды – обезьяны.

[662] «Сваямбху (санскр.). Метафизический и философский термин, означающий “Спонтанно Самопорожденный” или “Самосущее Существо”. Эпитет Брамы. Сваямбхува также является именем первого Ману» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 358).

[663] Таких *лок* в религии индусов семь *главных* и множество *менее значительных*. «Лока» значит – страна, место. Локи вообще – очистительные миры, и некоторые секты видят их в звездах. Души не очень грешные и освобожденные от земных переселений отправляются в эти миры, постепенно переходя от одного в другой, но всегда в образе человека, хотя этот образ растет и совершенствуется с каждой новой «локой». Такие освобожденные от земной материи духи делаются, по понятиям индусов, *питрисами*[*] и *девами*, которым поклоняются и приносят жертвы под названием «душ предков» (*pitris*). Последние соответствуют описанным средневековыми каббалистами *планетарным духам* (см.: Heinrich Khunrath *Amphitheatrum* etc.[**], соч[инения] Парацельза[***] и пр.). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Питри (санскр.). Предки или создатели человечества. Всего они делятся на семь классов, три из которых бестелесные, арупа, и четыре обладают телом» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 314).

[**] См.: «Генри Кунрат, великий германский каббалист, на гравюре из своего редкого труда *Amphitheatrum Sapientiae Aeternae* изобразил четыре класса этих человеческих “элементарных духов”» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. IX).

Генрих Кунрат (1560–1605) – немецкий врач, философ, алхимик, каббалист, автор труда «Амфитеатр вечной мудрости», изданный впервые в 1595 г. с 4 гравюрами, в 1609 г. вышло второе расширенное издание, дополненное другими гравюрами.

[***] Теофраст Парацельс (1493–1541) – философ, врач, алхимик.

– Так почему же, – вдруг неожиданно накинулся он на нас, – почему же меня, вполне изучившего самые современные и последние идеи западной науки, меня, верующего в ее представителей, которые, в свою очередь, буквально подтверждают научными выводами, по крайней мере, *первую половину* (эволюцию физического мира) учения Ману… почему меня, спрашиваю я, почтенная мисс Б*** причисляет к невежественным и грубым индусам, называя наши *дополненные* научные теории «суеверием», а нас самих – сынами «павшей низшей расы»?..

И у бедного Шамраò даже навернулись на глазах слезы при воспоминании о незаслуженном оскорблении со стороны бестактной англичанки. А мы стояли сконфуженные, не зная, чтò сказать.

– Ведь я же не возвожу всех этих наших народных верований в «непреложные догматы». Я взираю на них пока как на простые теории, стараясь слить в одно, заставить древнюю науку гармонировать с современною; я просто «гипотезирую», как и Дарвин, и Геккель. К тому же, как я слыхал, мисс Б*** спиритка: она верит в духов, в *бхуту*. А если «бхут», по ее понятиям, в состоянии влезать в тела медиумов и овладевать на долгие часы и даже дни их организмами, то почему же невозможно не только *бхуту*, но и менее грешной душе войти в тело вампира?..

На подобную, чересчур уже «сжатую» логику мы, признаюсь, не нашлись, чтò ответить, а предпочли, не затрагивая этого деликатного метафизического вопроса, извиниться пред ним за грубость мисс Б***: «Она – англичанка (говорили мы) и ее не переделаешь; она не желала никого оскорблять, а просто высказала необдуманно клевету о суевериях» и т.д.

Хозяин мало-помалу успокоился. Он еще с бóльшим рвением принялся было доказывать нам, почему вследствие глубоко обдуманного им закона «атавизма», или наследственной передачи свойств прыжками чрез пятого на десятого (как говорится) предка[664], он дошел до настоящей необходимости полууверовать в тождество покойного брата его с покойным вампиром… Но вдруг У*** чуть было не испортил всего дела:

– Старуха совсем рехнулась!.. – закричал он нам через весь двор. – Она проклинает нас, утверждая, что убийство вампира лишь начало целого ряда несчастий, навлеченных сыном на их дом вами, Шамраò… – грубо продолжал он, обращаясь к последователю Геккеля. – Она говорит, что вы осквернили вашу браманскую святость, пригласив нас, *беллати*, ужинать с вами и провести ночь в вашем доме… Посылайте за слонами, полковник, не то нас выгонят, коли еще не хуже.

– Но, помилуйте! – говорил в свою очередь растерянный браман. – Чтò же мне делать? Она старая женщина, быть может, с предрассудками, но она мать моя… Вы люди образованные, люди ученые, скажите же мне и научите, как помочь всему этому несчастию? Чтò бы вы сделали на моем месте?..

– Чтò бы я сделал, сэр? – воскликнул рассерженный глупостью положения У***. – Будь я на вашем месте и верь я в то, во чтò вы верите, я бы не задумался ни на минуту, а взяв револьвер, перестрелял бы: во-первых, всех соседних вампиров, хотя бы для того, чтобы разом освободить всех моих родственников от отвратительных тел этих животных; затем я прикладом револьвера разбил бы голову вон тому мошеннику-браману, который сочинил подобную глупость. Вот чтò бы я сделал, сэр!..

Но этот совет не удовлетворил бедного потомка Рамы, и долго бы он бегал в недоумении от одного к другому, колеблясь между священным чувством гостеприимства, врожденным страхом к браману и собственным суеверием, если бы всех нас не выручил находчивый бабý. Услыхав, что мы, в свою очередь, рассердились и посылаем в деревню за слонами, чтобы тотчас же уехать, бабý уговорил нас подождать хоть один час, заявив нам, что подобный поступок был бы величайшим оскорблением хозяину, который отнюдь не повинен во всей этой истории. А что касается глупой старухи, то он обещал ее угомонить очень скоро; у него уже и план-де готов.

С этою целью он попросил нас отправиться на большую дорогу осмотреть развалины старой крепости и ждать там до его прихода. Мы повиновались, но, чрезвычайно заинтересованные его «планом», шли тихо и нехотя. Мужчины злились, мисс Б*** ораторствовала, а Нараян,

---

[664] В «Московских ведомостях» далее: на основании доказанной будто бы Геккелем необходимости «создавать *филогенетические*[*] гипотезы, имеющие главным образом дедуктивный характер».

[*] Филогенетика или филогенетическая систематика – область биологической систематики, которая занимается выявлением и прояснением эволюционных взаимоотношений среди разных видов жизни на Земле, как современных, так и вымерших.

невозмутимо хладнокровный, как и всегда, поддразнивал англичанку «духами», в которых она веровала. Проходя за домом, мы увидали бабу́, шедшего вдоль стены с фамильным жрецом и горячо о чем-то с ним споривше́го. Бритая голова жреца кивала на все стороны, длинное желтое платье развевалось, а руки высоко воздымались к небу, как бы призывая богов в свидетели его слов…

– Ничего он не поделает с этим фанатиком, – заметил полковник, закуривая трубку.

Не успели мы после этого замечания отойти и на сто шагов, как увидали бабу́, бежавшего за нами и делавшего нам знак остановиться.

– Все благополучно кончилось, – кричал он нам еще издали, размахивая руками и от смеха насилу выговаривая слова. – Вам предстоят благодарения. Вы являетесь спасителями и благотворителями покойного *бхута*… Вы…

И он упал на камень, держась обеими руками за узкую, запыхавшуюся грудь, и хохотал до того, что заразил своим смехом всех нас, еще даже не понимавших, в чем дело.

– Подумайте только, – рассказывал он, – ведь всего десять рупий стоило; предлагал пять, но он заупрямился, а десять взял.

И он опять катался со смеху.

Наконец, он объяснил нам следующую, дающую отчетливое понятие о святости браманов придуманную им хитрость. Он знал, что вообще все *метемпсихозы* шайвов (поклонников Шивы) зависят от воображения фамильных «гуру», которые и получают за эти наставления от каждого семейства от 100 до 150 рупий в год. Такие браманы в то же время и астрологи, и распорядители всех установленных религиозных в семействе обычаев. Все обряды сопряжены с расходами, которые поступают в карманы ненасытных домашних браманов, причем обряды в честь какого-нибудь счастливого события оплачиваются гораздо лучше, чем те, которые совершаются вследствие несчастия. Зная все это, бабу́ приступил прямо к делу: он предложил браману пять рупий, если тот разыграет фальшивую *самадди*[665], то есть притворится вдохновенным и, заговорив как бы от имени умершего сына, объявит матери, что тот сам искал смерти в теле вампира; что он с целью отвязаться от этой трансмиграции и перейти в *высшую* – нарочно искал смерти; что ему теперь лучше и что он благодарит «сааба», освободившего его от отвратительного образа. К тому же, он, бабу́, слышал, что браман желает продать ожидаемый на днях плод своей буйволицы, а Шамраò отказывался от покупки. Чего же лучше? Пусть только преподобный отец-*гуру* объявит (под влиянием той же *самадди*), что освобожденный дух намерен теперь поселиться в теле будущего буйволенка, и мать, конечно, заставит Шамраò купить это новое воплощение ее старшего сына. Пойдут увеселения, новые обряды, и почтенному браману выпадет изрядная, по этому случаю, доля рупий.

Сначала, боясь быть изобличенным, *гуру* отказывался и призывал небо и богов в свидетели, что в вампире действительно проживал сын дома, но потом, когда бабу́ (сам глубоко изучивший все штуки браманов) доказал ему, что его выдумка не в состоянии была выдержать критики, так как подобной трансмиграции в *шастрах* не находится, он поддался, потребовав только 10 рупий и молчания… Таким образом дело было слажено и старуха успокоилась.

Когда мы подходили к высоким воротам дома, Шамраò вышел к нам навстречу с сияющим лицом… Боясь насмешек или же не находя ни в современных положительных науках вообще, ни в Геккеле в частности чего-либо положительного на чтò бы сослаться в вопросе об этой новой трансмиграции, он нам не объяснил, почему вдруг все переменилось к лучшему. Он только довольно неловко заметил, что старуха-мать вследствие ей одной известных, таинственных и новых соображений успокоилась за судьбу сына, а затем не намекал более на эту маленькую неприятность. Зато он сделался еще приветливее и веселее и умолял нас «из чистой любви к науке» отправиться с ним в этот вечер на религиозную *тамашу*[666]. Известная на весь околоток

[665] «Самадхи (санскр.). Состояние экстатического и полного транса. Этот термин происходит от слов *сам-адха*, “само-обладание”. Тот, кто обладает этой силой, способен осуществлять абсолютный контроль над всеми своими способностями, физическими и ментальными; это высшее состояние йоги» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 347).

[666] Тамаша (дословно развлечение, театральное представление) – один из наиболее популярных видов индийских музыкально-танцевальных представлений.

джадувалла (заклинательница, колдунья) находилась в то время под влиянием *семи богинь*, семи сестер, которые все поочередно овладевали ею и пророчествовали ее устами…

Мы с радостью согласились и стали с нетерпением ожидать вечера.

XVII

Чтобы рассеять неприятное впечатление утренней истории, Шамраò предложил нам, между тем, сидеть у открытой двери молельни и взирать, как он будет совершать свои утренние обряды, поклонение богам. Для нашей любознательности ничего не могло быть приятнее этого, и мы, усевшись на веранде, стали наблюдать за ним в широкое, заменяющее дверь отверстие…

Было девять часов утра, обыкновенный час утренней молитвы туземцев. Шамраò пошел к колодцу приготовиться и «одеться», как он выражался, тогда как злые языки сказали бы: «Раздеться». Чрез несколько минут вернувшись в одном *дотти*, как за столом, и с непокрытою головой, он направился прямо к кумирне. В то самое время как он входил туда, раздался громкий удар привязанного к потолку молельни колокола, который и не переставал звонить во все время обрядов. Звонарь оставался невидимым, но бабу́ сообщил нам, что то звонит мальчик с крыши…

Шамраò вошел правою ногой и очень медленно. Затем он подошел к алтарю и сел, поджав и скрестив ноги, на низенькую, стоявшую перед ним скамеечку. В глубине комнаты на алтаре, похожем на модную этажерку, стояли расположенные на покрытых красным бархатом полукруглых полках домашние боги. Идолы были из золота, серебра, меди и мрамора, смотря по достоинству и заслугам. Так *Махадева* (Шива) был золотым; Гёнпати или Ганеша (сын Шивы, бог со слоновою головой) был серебряным; Вишну – в образе *шалиграмма*[667], черного круглого камня из реки Гандаки в Непале (Вишну в этой форме называется Лакшми-Нараян); другие неизвестные божества находились там под видом больших раковин, известных под названием *чакра*[668]; бог солнца, *Сурья*, и другие боги и богини (*куладевы*, домашние боги) стояли на заднем плане. Сам алтарь находился под куполообразною беседкой из сандального с великолепною резьбой дерева, а по ночам эти боги и приношения покрывались огромным стеклянным колпаком от крыс. На стенах молельни висело много образов, представлявших главные эпизоды в жизни высших богов.

Пока мы с любопытством рассматривали все это, Шамраò, бормоча все время молитвы, наполнил золой горсть левой руки и, закрыв ее на минуту правой, налил в нее воды и, растерев золу между ладонями, стал проводить большим пальцем правой руки линию от кончика носа до средины лба, а отсюда к углу правого виска, а потом назад, от правого к левому. Совершив эту разрисовку своей физиономии, он стал по порядку натирать тою же мокрою золой горло, живот, левую руку, грудь, правую руку, плечи, спину, уши, глаза и голову; после этого, направясь в угол комнаты к освященному фонтану, он трижды окунулся с головой, как был в дотти, в огромной, полной водою бронзовой купели, откуда и вынырнул, изображая собою неуспевшего высохнуть на солнце толстого тритона. Встряхнув распущенною прядью, он свернул ее на манер того, что̀ в старину русскими горничными называлось *кудельк*ой, и, забрав опять воды в правую горсть, стал ею водить вокруг головы. Эта операция завершила первое действие.

Действие второе началось молитвами *сандхьи* – религиозною медитацией и *мантрами*, которые набожные люди повторяют по три раза в день, утром с восходом солнечным, в полдень и на закате солнца[669]. Он громко произносил имена 24 богов, и каждое имя сопровождалось ударом колокола. Кончив, он сперва закрыл глаза, заложил уши ватой, а двумя пальцами правой руки левую ноздрю и, шумно вытянув воздух правою, захватил большим пальцем и другую ноздрю, крепко сжав губы, чтобы не дышать. В этом положении всякий благочестивый индус должен мысленно повторить некий стих с метром[670] *Гайатри*[671]: то священные и непроизносимые слова,

---

[667] Шалагра́ма-шила (*санскр.* Śālagrāma), шалигра́м (*санскр.* Śāligrām) – неканоническое представление Вишну как сферического блестящего камня темного цвета. Почитание шалаграмов распространено в шри-вайшнавизме и гаудия-вайшнавизме.

[668] Речь идет о шанкхе – ритуальном предмете в форме морской раковины больших размеров, а также священном символе в индуизме и буддизме. Чакра (*санскр.* cakra) – круг, колесо, диск.

[669] Сандхьяванданам (*санскр.* saṃdhyāvandana) – ежедневная религиозная практика в индуизме. Совершается обычно три раза в день.

[670] Метр – мера стиха, его структурная единица.

[671] Буквальный пословный перевод Гаятри-мантры (*санскр.* Gāyatrī Mantra):

«Ом! О, Земля, Небо, Сварга!

(О) том Савитаровом* наилучшем

Сиянии Божественном, размыслим

которые ни один индус не осмелится повторить громко, и даже читая их *мысленно*, удерживает насильственным образом дыхание, чтобы не вдохнуть в это время чего-либо нечистого. Дав честное слово не повторять всего стиха, я могу, однако, привести отрывочные фразы; молитва начинается так:

«Ом[672]!.. Земля!.. Небо! Да осенит меня обожаемый свет… (этого имени нельзя произносить)… Твое солнце, о *Единый*, да осенит меня, недостойного… Я закрываю глаза, затыкаю уши, не дышу… дабы видеть, слышать, дышать одним тобою… Да озарит наши мысли (снова тайное имя)»…

Любопытно сравнить с этою молитвой индусов декартовскую[673] молитву *Méditation III*[674] в его *L'Existence de Dieu* (1641)[675]. Если читатели помнят, в ней говорится следующее: *«Я теперь закрою глаза, заложу уши, отгоню все пять чувств от себя… и остановлюсь над одною мыслию о Боге, задумаюсь над его качеством и стану взирать на красоту этой чудной светозарности»*[676]…

Кончив эту молитву и держа между двумя пальцами священный браманский шнурок, индус читает, тихо и про себя, другие молитвы. Потом, смешав немного риса и сандального порошка, он берет стоящий на алтаре кувшин с водой и, отмыв старые пятна, налепливает на него свежие из только что сфабрикованного им теста. За этим следует церемония «умовения богов».

Снимая их одного за другим, по чину, он опускает их сперва в купель с водой, а затем купает в молоке в другой бронзовой купели у алтаря. Молоко перемешано с простоквашей, маслом, медом и сахаром, так что вместо купания выходит пачкотня. Но все это смывается в третий раз в первой купели и вытирается до́суха чистым полотенцем. Поставив идолов на место, индус рисует на них кольцом с левой руки сектарные знаки, употребляя для *линги* белый сандал, а для *Гёнпати* и *Сурьи* – красный. Потом он их окропляет разными душистыми маслами, посыпает цветами, принося каждый день свежие, и оканчивает длинную церемонию звоном изо всей силы идолам под нос посредством маленького колокольчика – «дабы разбудить их», говорят браманы, вероятно полагая не без основания, что боги в это время все со скуки уснули. Заметив или же воображая (что̀ иногда одно и то же), что боги проснулись, он начинает им подносить свои жертвы: зажигает курительные свечи, лампады и раскуривает им кадильницей фимиам, по временам щелкая пред их физиономиями пальцами, чтобы, как надо полагать, они «смотрели в оба». Покурив во все стороны ладаном и камфарой и набрав в руки цветов[677], он осыпает их снова, становится за скамейку и, произнося последние молитвы, проводит ладони обеих рук над пламенем свечей и ламп, трет себе руками лицо и, обойдя три раза вокруг алтаря, кладет трижды земной поклон и удаляется лицом к алтарю и идя задом.

Мысли те наши (Он) (да) вдохновит!»

[*] Са́витар (*санскр.* savitar, «побудитель», «Солнце») – солнечное божество в ведийской мифологии.

[672] «Аум (санскр.). Священный слог; трехбуквенное единство; отсюда – Троица в Одном» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 64).

[673] Рене Декарт (1596–1650) – французский философ, математик, механик, физик и физиолог.

См.: «Декарт, хотя и поклонник материи, был одним из наиболее преданных приверженцев доктрины магнетизма и, в известном смысле, даже алхимии. Его система физики была очень похожа на системы других великих философов. Бесконечное пространство состоит из флюидической элементарной материи или, вернее, заполнено ею и является единственным источником всей жизни, включая все небесные тела и держа их в постоянном движении. Магнитные токи Месмера у него замаскированы под названием декартовских вихрей, и оба основаны на том же самом принципе» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. VII).

[674] «Размышление III» (*фр.*).

[675] «Существование Бога» (*фр.*) – речь идет о труде Р.Декарта «Meditationes de Prima Philosophia, in qua Dei existentia et animæ immortalitas demonstratur» («Размышления о первой философии, в которых доказывается существование Бога и бессмертие человеческой души»).

[676] См.: «А теперь я закрою глаза, заткну уши, отвлекусь от всех своих чувств и либо полностью изгоню из моего мышления образы всех телесных вещей, либо, поскольку этого едва ли можно достичь, буду считать их пустыми и ложными, лишенными какого бы то ни было значения. Я попытаюсь, беседуя лишь с самим собой и глубже вглядываясь в самого себя, постепенно сделать самого себя более понятным и близким... Я позволю себе здесь задержаться на созерцании самого Божества, по достоинству оценить его атрибуты и вглядеться в необозримую красоту этого света...» (*Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом. Третье размышление. О Боге – что он существует).

[677] У каждого божества и богини свой любимый, привилегированный цветок. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В то время как хозяин кончает свой утренний обряд, в молельню входят женщины и, сев на низенькие, принесенные ими скамейки, начинают перебирать четки и молиться. Четки здесь играют немалую роль, как и у буддистов. У каждого бога свои особенные четки, и факиры покрываются оными[678].

Оставив женщин молиться на свободе, мы последовали за Шамраò в коровье стойло. В лице этого животного поклоняются «кормилице-земле», природе. Отперев дверь, он сел возле коровы и стал обмывать ей ноги, сперва ее же молоком, затем водой. Потом он покормил ее рисом и сахаром из горсти, выпачкал ей голову сандальным и другими порошками, украсив рога и все четыре ноги гирляндами из цветов; покадив под морду ладаном и покрутив над головой зажженною лампой, он обошел ее трижды и сел отдохнуть. Есть такие индусы, что обходят вокруг священной коровы до ста восьми раз с четками в руках. Но наш Шамраò был человеком с маленькою тенденцией повольнодумничать и слишком начитался Геккеля. Отдохнув, он наполнил кружку водой, обмакнул в нее хвост коровы и – выпил!..

Таким же образом он исполнил обряд поклонения священному растению *тульси*[679] (жене Кришны) и солнцу с тою только разницей, что так как он не мог исполнить над этим божеством обряда омовения, то, став пред светилом дня на одной ноге и набрав в рот воды, он прыснул на *Сурью* три раза, обрызгав вместо солнца всех нас.

Причина странного поклонения растению *тульси* до сих пор еще остается для нас загадкой. Знаю только одно, что хотя в сентябре каждого года совершается брачная церемония этого растения с богом Вишну, но *тульси* называется женой Кришны, быть может, потому, что Кришна – воплощение Вишну. В этот день все индусы (у которых нет ни одного дома без горшка с этим растением) разрисовывают и украшают мишурой горшки, в которых растет тульси, затем горшок становится в сад и вокруг него чертят мелом какой-то магический квадрат; браман берет идола Вишну в обе руки и, став пред растением, начинает венчание: последнее состоит в том, что двое женатых берут шаль и, раскрыв ее, держат между цветком и идолом вроде ширмы, пока браман бормочет мантры, а женщины и девушки (особенно поклоняющиеся *тульси*) бросают на растение и бога рис и шафран. По совершении брачной церемонии шаль дарится браману, идола ставят под тень его жены, все индусы хлопают в ладоши, дерут уши там-тамом[680], пускают ракеты, дарят друг другу кусочки сахарного тростника и всячески веселятся до утра…

В прошлом сентябре мы были случайно очевидцами этого венчания в собственном саду, где наш *мали* (садовник, фанатичный индус) не согласился бы ни за какие деньги дозволить иностранцам осквернить своим присутствием его священный *tête-à-tête*[681] с богами.

Но вот настал вечер, и мы опять на слонах и снова собираемся в путь, но это ненадолго. До логовища старой колдуньи (пифии Индостана) всего пять миль, и дорога хотя и пролегает через густой джонгль, но гладкая и ровная. Даже и джонгль с его свирепыми обитателями уж не пугает нас. Прежние трусливые слоны отосланы домой, и мы сидим на других, присланных нам соседним раджой. Они не раз охотились за тиграми, и рев всех зверей в околотке не испугает этих старых патриархов лесов; словно два темных холма стали они пред верандой… Итак в дорогу!.. Красноватое пламя факелов ослепляет глаза, усугубляя мрак окружающего нас со всех сторон леса. От этого яркого освещения он кажется еще чернее, еще таинственнее…

Есть что-то невыразимо заманчивое, почти торжественное в подобных ночных путешествиях по Индии. Тихо и глухо всюду: все спит кругом, внизу и над головами. Один тяжелый мерный звук гигантских шагов слона глухо раздается в тиши ночной, словно удары молота по наковальне

---

[678] Эти четки, называемые *мала*, имеют сто восемь зерен; их делают или из черных ягод вроде шиповника – *рудракши*, или же из светлого дерева *тульси*. Повторяя молитвы с четками, набожные индусы часто прячут руки в особенной формы мешок, который они зовут «коровьим ртом» (*гамукли*)[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Gomukha.

[679] Царский *Basilicum*, попросту базилик. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[680] Там-там – ударный музыкальный инструмент азиатского происхождения, представляющий собой выпуклый диск значительных размеров, изготовленный из металлического сплава (близкого бронзе). Там-там является одним из видов гонгов.

[681] тет-а-тет, разговор наедине (*фр.*).

в подземной кузнице Вулкана[682]. По временам разносятся по лесу странные голоса и звуки, будто кто-то тихо воет меж разбросанными скалами руин. «То ветер завывает, – говорим мы, – удивительный феномен акустики»… «Бхут! Бхут!» – шепчут испуганные факельщики, трижды потрясают вокруг себя зажженными факелами и быстро крутятся на одной ноге, щелкая пальцами, чтоб отогнать расходившихся духов. Жалобный вой замолк, и снова слышится одно металлическое трещание ночных сверчков, заунывное кваканье древесной лягушки да мелко выбиваемая дробь кузнечика. Временами все это умолкает, чтобы чрез минуту снова наполнить лес стройным хором… Боже мой! сколько бытия, сколько жизненной силы скрывается под каждым листиком, под малейшею травкой этих тропических лесов! Мириадами горят звезды на темной синеве неба, и словно бледное отражение далеких светил такими же мириадами светятся фосфорические искры светляков и огненных мушек, со всех сторон мигая нам на еще темнейшей зелени кустов, точно указывая и освещая наш путь…

[682] Вулкан – бог огня и покровитель кузнечного ремесла в древнеримской мифологии.

XVIII

Выехав из темного бора, мы очутились на довольно ровном месте, в котловине, окруженной с трех сторон стеной того же непроходимого леса, где, вероятно, и в полдень лежат ночные тени. Мы находились теперь на высоте около 2000 футов[683] над подошвой Виндийской[684] цепи, так как прямо над нашими головами виднелись высокие развалины стен Ма́нду.

Неожиданно подул довольно холодный ветер и чуть не погасил все наши факелы. Пойманный в лабиринте скал и кустарника, он вдруг завыл, яростно потряс зелеными перьями цветущей моринги, вырвался и, пронесшись вихрем кругом котловины, полетел по ущелью, вопя и заливаясь, точно все лесные духи выли похоронные песни по ведьмам гор…

– Мы приехали! – объявил Шамраò, слезая с лошади. – Вот деревня, а дальше ехать нельзя.

– Куда приехали?.. И где же деревня… Здесь один лес!

– Деревни и домов вы ночью не увидите. Землянки все скрыты меж кустарников, а многие, вырубленные в скалах, мало отличаются от них и днем. Огня же никто здесь не зажигает после заката солнца… Боятся духов, – пояснил он.

– А где же ваша ведьма? Неужели нам придется глядеть на нее в темноте?

Шамраò пугливо оглянулся кругом, и голос его заметно дрожал во время ответа нам:

– Прошу вас и умоляю, не называйте ее *дaккини* (ведьмой)[685]… Она может услышать вас… Теперь нам недалеко до нее, хотя вам и придется идти пешком… с полмили. Туда к *ней* и лошадь, не только что слон, не пройдет. У нее мы найдем огонь…

Сюрприз выходил довольно неприятный. Идти ночью полмили в Индии, пролезая сквозь чащи кактусов в дремучем лесу, полном зверей! Мисс Б*** решительно протестовала и объявила, что не пойдет, а останется ожидать нас, не слезая со слона, в *хауде*, где может преспокойно заснуть. Она так и сделала.

Нараян, протестовавший против этой *partie de plaisir*[686] с самого начала, хотя и не объясняя нам почему, заметил ей, что она очень благоразумно поступает в этом случае.

– Вы ничего не потеряете, отказавшись от свидания с *даккини*… И я очень бы желал, чтобы вашему примеру последовали и другие…

– Но какой же вред может выйти от этого? – настаивал Шамраò немного огорченным голосом, так как он первый затеял эту поездку. – Не говоря уж о том, что наши гости будут иметь случай увидеть чрезвычайно любопытное зрелище «воплощения богов», зрелище редкое и которое не всякому европейцу удается видеть, «кангалимм»[687] – женщина-святая… Она пророчица, и ее благословение, хотя она и язычница, не может никому повредить… Я настаивал на этой поездке из чистого патриотизма…

– Если ваш патриотизм, сааб, состоит в том, чтобы хвастаться пред иностранцами мерзейшими язвами нашей без того униженной, почти задохшейся в грязи родины, то почему же вам скорее не пришло в голову собрать властью *пателя* всех прокаженных в вашем околотке и [не] похвастаться *ими* пред вашими гостями? – отвечал со странною горечью Нараян.

Боясь ссоры между индусами, полковник заметил, что теперь уж поздно каяться. К тому же, хотя он сам в «воплощения богов» не очень верит, но знает, что так называемое на Западе *беснование* есть факт. Суд, недавно свершившийся в России над тихвинскими крестьянами, которые сожгли Аграфену-ведьму[688], – доказательство действительного существования странной и

---

[683] 610 м.

[684] Vindhya.

[685] Да́ки́ни (*санскр.* ḍākinī) – в кашмирском шиваизме и тантрическом буддизме женские духи, носительницы тайных учений.

[686] увеселительной прогулки (*фр.*).

[687] См.: «Kangālin – ведьма, колдунья» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 2238).

[688] См.: «Эпидемия кликушества в России прививалась издавна то в той, то в другой местности. <…> Одна из таких эпидемий кликушества, развившаяся в 1879 г. в деревне Врачево Тихвинского уезда Новгородской губернии, кончилась даже сожжением подозреваемой в “порче людей” крестьянки [Аграфены] Игнатьевой. “Убеждение, что Игнатьева – колдунья, находило себе поддержку в нескольких случаях нервных болезней, которым подвергались крестьянки той местности, где поселилась Игнатьева. Около Крещения 1879 г. Игнатьева приходила в дом к

таинственной болезни, называемой на Западе «медиумством», а в России «кликушеством». Полковник желал изучать всякие такие психические явления, где бы и под каким бы видом они ни являлись, с научной точки зрения…

Странное зрелище представилось бы глазам наших американских и европейских друзей, если б они могли увидать нас среди этого ночного шествия! Дорога шла узкою тропой в гору, и по ней нельзя было пройти более чем по два в ряд, а нас было тридцать человек с факельщиками. В полковнике, вероятно, проснулось воспоминание о его ночных вылазках против конфедератов[689], и он тотчас же принял на себя команду над нашею экспедицией. Эта команда, впрочем, ограничилась весьма немногим. Зарядив револьверы и ружье, он послал трех факельщиков вперед освещать дорогу, что̀ бы они сделали и сами, и скомандовал: марш! Теперь нам нечего бояться конфедерации тигров, и мы можем идти спокойно. Извиваясь огненным змием по лесу, наша процессия медленно поползла верх по тропинке.

Нельзя сказать, чтоб явившееся полчаса позднее в берлогу пророчицы Мàнду общество отличалось особенною свежестью или изяществом туалетов. У полковника и У*** дорожные блузы были в лохмотьях, как и мое платье. Кактусы собрали с нас посильную дань по дороге, а во взъерошенных волосах бабу́ копошилась целая колония светляков и длинноногих трещоток-сверчков, неотразимо привлекаемых к его голове, вероятнее всего, запахом кокосового масла. Толстый Шамраò пыхтел, как паровая машина. Один Нараян, высказав свое мнение, вернулся к своему невозмутимому хладнокровию, походя во всякое время дня и ночи, а теперь в особенности, на бронзовую статую Геркулеса с палицей.

При последнем повороте, где нам пришлось лезть вверх по огромным обломкам скал, мы очутились на тропинке, которая вела далее по ровной окраине густого леска. Когда это последнее препятствие было побеждено, наши глаза были неожиданно и несмотря на наши факелы ослеплены необычайным светом, а слух поражен самыми непривычными звуками.

Пред нами открылась другая котловина, вход в которую чрез пройденное нами ущелье маскировался только что обойденным лесом. Как мы потом сообразили, можно было ходить вокруг этого заколдованного леска неделю и даже не подозревать о котловине, в глубине которой мы увидели жилище знаменитой *кангалимм* – колдуньи и оракула всего околотка.

«Логовище» оказалось довольно хорошо сохранившеюся развалиной древнего индусского храма; вероятнее всего, он был построен гораздо ранее «мертвого города», где не дозволялось язычникам иметь своих храмов, – так как эта полуразвалина находится как раз под тем, что̀ было некогда городскою стеной и вне линии последней. Купола двух боковых небольших пагод провалились, и из алтарей храмов повырастали огромные кусты, в тот вечер исчезавшие под разноцветными тряпками, горшочками и другими талисманами народного суеверия, которое даже в них видит нечто божественное… «Разве не выросли они на священном месте? В их фибрах не течет разве сок, весь пропитанный фимиамом жертвоприношений и испарениями святых

крестьянину Кузьмину и просила творогу, но в этом ей отказали; вскоре после того заболела его дочь, которая в припадке выкликала, что попорчена Игнатьевою. Такою же болезнью была больна крестьянка деревни Передниково Марья Иванова. Наконец, в конце января 1879 г. в деревне Врачево заболела дочь крестьянки Екатерина Иванова Зайцева, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликавшая перед смертью, что попорчена Игнатьевой". Так как Иванова выкликала, что попорчена Игнатьевою, то ее муж, отставной рядовой Зайцев, подал жалобу уряднику, который и приезжал во Врачево для производства дознания за несколько дней до сожжения Игнатьевой. "Крестьянин Никифоров просил крестьян защитить его жену от Игнатьевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкликала больная Екатерина Иванова. Игнатьеву заперли в хате, заколотили окна и сожгли. 3-х участников приговорили к церковному покаянию, остальные признаны невиновными"» (*Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 83–84; см. также: Дело о сожжении колдуньи // Новости, 1879, №264, 15 октября; Народный самосуд // Новости, 1879, №266, 17 октября; *Белюстин И.С.* Порченые // Новое время, 1879, №1327, 7 ноября).

[689] Конфедеративные Штаты Америки, известные также как Конфедеративные Штаты, Конфедерация или Юг, Южане – де-факто независимое государство, существовавшее в период с 1861 по 1865 г. в южной части Северной Америки, на части территории современных Соединенных Штатов Америки. Конфедерация южных штатов образовалась в результате выхода 13 южных рабовладельческих штатов из состава США. Конфедеративные Штаты были противником Соединенных Штатов во время Гражданской войны в США. Потерпев поражение в войне, Конфедеративные Штаты прекратили свое существование.

отшельников, некогда живших и дышавших здесь?» – отвечал нам в виде вопросов на наши замечания ученый, но суеверный Шамраò.

Зато средний храм, выстроенный из красного гранита, был еще крепок, и сквозь его четыре толстые колонны чернело бы, если бы не мешала дверь, глубокое отверстие, прорытое под горой. Чтò было за дверью, никто не знал. По уверению Шамраò, еще ни одна нога живого существа из трех последних поколений не переступала за эту толстую, обитую железом дверь, ведущую во внутренность подгорного храма. Кангалимм жила там одна, и в памяти старейших обитателей *всегда* жила там. Одни говорили, что ей 300 лет; другие уверяли, будто один древний старец сознался пред смертью сыну, что старуха – *его родной дядя*! Последний удалился в пещеру спасаться и прокладывать себе дорогу к *мокше* еще в те времена, когда «мертвый город» считал несколько сот последних своих обитателей. Пустынник не принимал никого, и чем и как он жил, никто того не знал и не знает. Но вот давно, очень давно, еще в те дни, когда *беллати* не владели этими горами, старый отшельник внезапно превратился в старую отшельницу, и с тех пор она, продолжая его занятия, говорит его голосом и часто его именем и только стала принимать поклонников, чего ее предместник никогда не делал.

Мы, видно, приехали рано, и пифия еще не выходила. Но площадка пред храмом была полна людей, и весьма дикую, хотя и живописную картину представлял этот народ. Громадный костер пылал на средине двора, и вокруг него копошились, словно черные гномы, голые дикари, подбрасывая в него целые ветви посвященных «семи сестрам-богиням» дерев. Медленно и мерно подскакивали они с одной ноги на другую, повторяя хором монотонную фразу, все одну и ту же и на тот же напев, под аккомпанемент нескольких туземных бубнов и барабана. Глухо раздавалась однообразная трель последнего, и ей вторило лишь лесное эхо да истерические всхлипыванья двух девочек, лежавших под кучей листьев возле костра. Их принесли матери, надеясь, что «богини» сжалятся над ними и выгонят овладевших ими двух злых духов. Обе они, еще молодые женщины, сидели над детьми на корточках, подгорюнившись, и тупо смотрели на огонь. При нашем появлении никто из присутствовавших даже не шевельнулся. Да и во все время пребывания нашего с ними все они действовали, как бы не видя нас. Если бы на нас была надета шапка-невидимка, то и тогда вряд ли кто из них мог поступать страннее.

– Это они все чувствуют приближение богов… Вся атмосфера полна их эманациями, – таинственно объяснял нам Шамраò, благоговейно озираясь на тех, кого его возлюбленный Геккель мог бы с полною справедливостью принять за «недостающее звено» – за чад своего *«Батибиуса геккелии»*[690].

– Они просто под влиянием *тодди* и опиума, – срезал его непочтительный бабу́.

И действительно, как сонные тени двигались те из них, которые не принимали прямого участия в «представлении», а принимавшие напоминали нам одержимых пляскою Св. Витта в группе Пэджа. Один из них, длинный, белый как лунь и худой как скелет старик, отделившись при нашем приближении из толпы, распустив руки крыльями, стал вдруг крутиться на одной ноге, громко скрежеща желтыми и длинными как у старого волка зубами. На него было страшно, отвратительно смотреть! Он скоро упал, и безмолвно, почти механически его откатили *ногами* (!) в сторону, к больным девочкам. Но то ли еще ожидало нас! Ведь сказка наша впереди…

В ожидании «примадонны» этой лесной оперы мы уселись как могли на пне старого упавшего дуба у самого портика храма, приготовляясь забросать нашего снисходительного

[690] В 1868 г. Томас Генри Гексли (1825–1895), английский зоолог, палеонтолог, эволюционист и агностик, исследовал морские пробы, взятые в 1857 г. из глубин Северной Атлантики, и обнаружил в них тонкий слой вязкого студенистого осадка, содержащего гранулы, похожие на ядра клеток. Он подумал, что это и есть монеры Геккеля и назвал их Bathybius haeckelii в честь немецкого биолога. Э.Геккель обратил внимание на это великолепное подтверждение его теорий – батибиус, вне всяких сомнений, является ключом к познанию жизни в море, сущностью эволюции и недостающим звеном между неживой и живой материей. В 1872 г., спустя четыре года после открытия, сделанного Гексли, специальная экспедиция на корабле «Челленджер» отправилась в море, чтобы собрать как можно больше данных об этом веществе. Однако за три с половиной года плавания и бесконечных отборов проб со дна морей, никаких его следов обнаружено не было. После возвращения «Челленджера» из экспедиции специалисты провели множество опытов и установили, что батибиус образовался в результате добавления спирта в морскую воду для консервации образцов животных. Реакция спирта и морской воды дала аморфный осадок сульфата кальция. Все эти «монеры» и «батибиусы» оказались простыми комочками гипса.

хозяина вопросами. Но не успели мы сесть, как с нервным чувством неподдельного изумления и даже отчасти ужаса я быстро откинулась назад…

Предо мною стоял остов чудовищной головы зверя, подобного которому я ничего не находила в моих зоологических воспоминаниях.

Эта голова была гораздо более головы слоновьего скелета… То был, однако, слон, если судить по искусно приделанному хоботу, конец которого изгибался гигантскою черною пиявкой почти у моих ног. Но у слона нет рогов, а у этого целых четыре! Передняя пара на плоском лбу торчала, слегка закручиваясь вперед и раздаваясь в обе стороны, как рога быка, а за ними другие два, массивные, с широкою, как у оленя, перепонкой у корня, которая постепенно суживалась почти до середины рога, откуда они разветвлялись в обе стороны на такую гигантскую вышину, что могли бы, кажется, украсить головы десяти обыкновенных оленей. В пустых впадинах черепа были вделаны два подобия глаз из выделанной желтой и прозрачной как янтарь кожи носорога[691], а за этим подобием глаз горели две зажженные плошки, что̀ придавало голове еще более ужасный, просто дьявольский вид.

– Да что̀ ж это такое, наконец! – послышалось общее восклицание. Даже полковник не встречал ничего подобного и не мог узнать зверя.

– *Сиватериум*[692], – отвечал Нараян. – Разве вы не видали остовов этих допотопных зверей в европейских музеумах[693]?.. Странно; в Гималайских горах их находят в большом количестве, хотя и в раздробленном состоянии… Они так названы в честь бога Шивы.

Признаюсь, мне в первый раз доводилось видеть это страшилище, которое Сенковский[694] позабыл представить нам в своем допотопном романе наряду со спасающим влюбленную чету мамонтом[695]. Но лучше поздно, чем никогда. И вот мы теперь стояли лицом к лицу с этим интересным чудовищем.

– Если коллектор (collector), когда узнает о существовании этого остова у вашей ведьмы, – вставил словцо бабу́, – то недолго он станет украшать сие святилище…

Возле остова и на полу портика лежали рассыпанные кучи белых цветов, если не совсем допотопных, то, по крайней мере, неизвестной нам, профанам в ботанике, породы. Они были величиной с большую розу и посыпанные красным порошком «лал»[696] – неизменною принадлежностью всех религиозных церемоний сей страны. Далее валялись кокосовые орехи, стояли медные блюда с рисом, в которых горели воткнутые в рис разных цветов свечи, а посреди портика курилась окруженная высокими в больших медных канделябрах свечами странной формы жаровня, на которую мальчик в белом одеянии и такой же белой *пёггри* на голове то и дело подбрасывал ладан и другие порошки.

– Эти люди, – рассказывал нам Шамраò, – хотя и поклоняются кангалимм как воплощению богинь, не принадлежат ни к ее, ни к его секте. Они чертопоклонники и индусских богов не признают, а живут разбросанные на маленькие общины в горах и принадлежат к одной из многочисленных в Индии рас, известных под именем «холмовых» или «горных племен», *hill tribes*. Они не употребляют, как то делают шанары[697] в Южном Траванкоре и Тиневелли[698], кровь приносимых ими в жертву чертям животных и зверей; не строят особенных храмов этим *бхутам*[699], храмов, которые они называют *пé-ковилем*, или «чертовым домом», но почему-то

---

[691] В Раджистане из такой кожи делают щиты. Они очень дорого сто́ят и носятся только богатым классом раджпутов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[692] Сиватерии (*лат.* Sivatherium) – род ископаемых млекопитающих семейства жирафовых.

[693] музеях (*англ.* museum).

[694] Осип Иванович Сенковский (1800–1858) – востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения».

[695] Речь идет о повести О.И.Сенковского «Ученое путешествие на Медвежий остров» (1833).

[696] См.: «Lāl – красный» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 1768).

[697] Шанары (*санскр.* Shânâr) – одна из низших каст в Южной Индии; главным наследственным занятием ее членов служит возделывание кокосовой и пальмировой пальм и добывание их сока.

[698] Тинневелли (*англ.* Tinnevelli).

[699] Эти «черти», по понятиям *шанаров*, не особенные духи, а просто души умерших злых людей. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

воображают, что богиня Кали, супруга Шивы, с незапамятных времен питает к ним злобу и поэтому посылает своих избраннейших, служащих ей злых духов мучить их. За этою разницей они верят в то же, во что̀ верят и шанары. Они не признают Бога и взирают *даже* на Шиву как на простого духа. Но главная их вера в души умерших людей. Эти души, как бы они добры и честны ни были при жизни, тотчас же после смерти делаются злыми чертями, радуясь и чувствуя себя счастливыми, когда могут мучить людей и скот. В этом-то и состоит награда их добродетельных земных подвигов; и напротив, если человек был очень злым на земле, то он, делаясь поневоле *добрым* «чертом», мучится своим бессилием и делается весьма несчастным. Результаты этой странной логики вовсе недурны, однако. Эти дикари и чертопоклонники – добрейшее и честнейшее из всех холмовых племен в Индии, так как они стараются всеми силами заслужить величайшую посмертную награду – быть произведенными в злейших чертей!

И развеселенный собственным остроумием, Шамраò, рассказывая нам это, держал себя за бока от сдерживаемого из уважения к святости места хохота.

– Я ездил в прошлом году по делам в Тиневелли, – продолжал он, – и, живя у одного приятеля моего шанара, был допущен видеть одну из таких церемоний в честь чертей. Из европейцев, несмотря на хвастанье миссионеров, еще пока ни один не был допущен на подобный обряд, хотя между обращенными в христианство шанарами есть и описывавшие им эти церемонии. Приятель мой был богатым человеком, и черти на него, должно быть, особенно за это взъелись. Они мучили его семейство, отравляли скот, портили посевы, заставляли гнить кофейное дерево и истязали его многочисленную родню, посылая на своих жертв солнечные удары, безумие и эпилепсию, каковыми болезнями они особенно заведуют. Эти злющие черти поселились во всех углах его обширных владений: в лесах, в развалинах и даже в его хлевах. Поэтому он покрыл всю свою землю храмами – пирамидами из глины, вымазал и выбелил их и, украсив каждую портретом одного из чертей… то есть не портретом, а только абрисом человеческой головы, стал молиться, покорнейше прося их каждого собственноручно изобразить свой портрет в абрисе, так, чтоб его можно было узнать, обещая после этого поклоняться оному и чтить узнанное лицо духа как полного хозяина той пирамиды, на которой он начертит свою физиономию… И что̀ ж вы думаете? На другое же утро все пустые места были найдены зарисованными! На каждом был изображен до невероятия похожий портрет одного из местных покойников. Почти все были узнаны моим приятелем; между прочими он нашел портрет и своего отца!

– И что̀ ж?.. Рад он был этому?..

– Конечно, он остался доволен. По крайности, мог всегда знать затем, как угодить черту-покойнику. Об отце-то он не очень беспокоился, потому что старик был при жизни крутого характера… Раз чуть не сломал сыну обеих ног, треснув его изо всей силы железною перекладиной… Ну, стало быть, и не мог быть очень опасным чертом. А вот другой портрет, найденный на самой удобной и красивой из пирамид, так очень поразил моего приятеля и заставил его сильно струсить… Весь околоток узнал в нем одного задолго до того умершего английского офицера – капитана Пола (Pole)[700], добрейшего при жизни джентльмена!..

– Как?.. Неужели же он и ему стал поклоняться?

– А как же? Мистер Пол был таким достойным, справедливым и честным чиновником, что разом должен был заслужить после смерти одно из высших мест в сонме шанарских чертей. Он так и остался председающим[701] демоном всей этой деревни, и когда я приехал, жители всего околотка поклонялись ему. Посвященный ему *пé-ковиль* стоит рядом с *пé-ковилем Бхадракали*[702] (Гекаты[703] шанаров), место которой на том свете недавно получила жена некоего немецкого миссионера – тоже прекрасная при жизни леди и поэтому чрезвычайно опасная теперь… как женского пола черт.

– А как же им поклоняются? Расскажите, в чем состоит их обряд?

---

[700] Исторически известный всем в Индии факт. Капитан Пол до сих пор у них главный демон. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[701] председательствующим (*устар.*).

[702] Бхадракали («благая Кали») – одна из ипостасей богини Кали.

[703] Геката (*др.-греч.* Ἑκάτη) – древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего таинственного.

– Обряд этот заключается, главное, в пляске, песнях и жертвоприношениях. Шанары не имеют каст, и священные обычаи индусов ими не соблюдаются. Они едят всякое мясо… Народ собирается возле назначенного жрецом *пé-ковиля*, начинает бить в барабаны и резать домашнюю птицу, баранов, козлов. Поклоняясь мистеру Полу в знак особенного уважения к нему самому, его вкусам при жизни и особенно национальности, всегда резали быка или корову… В тот вечер обряды совершались главным жрецом. Он явился с ногами, покрытыми до колен звенящими браслетами, с покрытым колокольчиками жезлом, с распущенными волосами, в черной мантии, вышитой фигурами разных страшнейших чертей, и с красными и белыми цветами на шее. При звуках рогов, барабанного боя и глубокого тона «чертова смычка»[704], – секрет фабрикации которого сохраняется между одними шанарскими жрецами, – он вышел и, подождав минуту, пока мистеру Полу угодно будет вселиться в его недостойное тело, вдруг высоко подпрыгнув на месте, приблизился к жертвенной корове и заколол ее на месте. Напившись горячей крови, он стал плясать… Но чтò это была за пляска! Вы знаете, я далеко не суеверен… (я возрадовалась в душе, что мисс Б*** спокойно спит за полмили от нас слоне!), но когда я увидал этого, словно вдохновляемого всеми демонами *нараки* (ада) жреца, вертящегося с поразительною быстротой волчка на одном месте, со мной чуть не сделалось дурно. Вдруг при бешеных криках и вое толпы он стал наносить себе окровавленным жертвенным ножом глубокие раны по всему телу. Видеть его, как он с пенящимся ртом и развевающимися волосами купается в крови закланной жертвы, смешивая ее с собственною, стало, наконец, выше сил моих. Со мною стало происходить нечто вроде галлюцинации. Мне представлялось, будто то я сам верчусь. И вот все быстрее и быстрее[705]…

Шамраò вдруг прервал свой рассказ и разом онемел на месте.

Пред нами стояла кангалимм.

Мы все было смутились, до такой степени появление ее было неожиданно. Под влиянием рассказа Шамраò мы не видали ни как, ни откуда она явилась; и если б она выросла из-под земли, то этот факт не застал бы нас более неприготовленными и удивил бы не более, чем удивила нас ее поразительная личность. Нараян вытаращил на нее свои большие черные глаза, а бабý смущенно щелкнул языком…

Вообразите себе трехаршинный[706] рост, обтянутый коричневым сафьяном скелет, на костлявых плечах которого посажена крошечная мертвая головка восьмилетнего ребенка! Глаза, глубоко впавшие и вместе с тем такие огромные, до такой степени пронизывающие вас насквозь своим дьявольским жгучим пламенем, что вы чувствуете под этим взглядом, как ваш мозг перестает работать, мысли начинают путаться, а кровь холодеет в жилах… Я здесь описываю свои личные чувства и описываю довольно слабо. Но и полковник, и У*** сильно побледнели, а У*** так даже плюнул.

Конечно, это впечатление длилось не долее нескольких секунд: и когда ее мертвенно-пристальный и вместе жгучий взгляд оторвался от нас, чтобы перенестись на простертую пред ней толпу, оно также мгновенно изгладилось, как и явилось. Но все наше внимание сосредоточивалось теперь на этом замечательном создании…

Триста лет? Почем и как кому это знать? Судя по ее наружности, ей можно было дать с таким же вероятием или невероятием и тысячу лет. Пред нами стояла неподдельная, живая или, скорее, одаренная движением мумия, до того высохшая, что она казалась как бы застывшею с самого сотворения мира. Ни время, ни невзгоды жизни, ни самые стихии не могли ни коснуться, ни даже повлиять более на эту статую смерти. Всесокрушающая рука времени, коснувшись ее в свой предназначенный час, сделала свое дело и – остановилась. Она не могла продолжать оного, ибо окончила его. Такою явилась пред нашими глазами колдунья «мертвого города».

И со всем тем ни одного седого волоска! Длинные, черные как смоль, блестящие от кокосового масла и отсвечивающие каким-то зеленоватым блеском волосы тяжело падали

[704] Род балалайки с тремя толстыми струнами из человеческих – как говорят – жил, на которых водят смычком из бамбука. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[705] См.: *Eastwick E.* A Handbook for India. Part I. Madras. London, 1859. P. 141–142 (*Иствик Э.* Справочник для Индии. Часть I. Мадрас. Лондон, 1859. С. 141–142).

[706] 2,13 м.

прямыми как стрелы густыми космами вдоль спины и до самых колен… «Говорят, у покойников… у вампиров растут в могилах волосы и отрастают ногти», – мелькнуло у меня в голове. И в то же время к величайшему моему стыду старалась разглядеть ногти на руках и ногах отвратительно страшной старухи… А она?

Она стояла по-прежнему неподвижно, словно превратилась в безобразного бронзового идола, и устремив свои углем горящие глаза в толпу, раболепно лежащую в пыли у ног ее. В одной руке она держала небольшое медное блюдце, на котором пылал большой кусок горящей камфоры, а в другой горсть риса. Желтоватое бледное пламя, развеваясь по ветру, почти касалось ее лица, лизало ей подбородок и освещало ее мертвенную голову, но она, казалось, не чувствовала и огня. Вокруг ее морщинистой, как гриб, тонкой, как косточка, шеи лежал тройной ряд не то медных, не то золотых медальонов, а голову окружала такая же змея. На жалком подобии тела – кусок шафранного цвета[707] кисеи, вокруг торчащих ребер такой же…

Девочки, приподняв головы, вдруг завыли пронзительным животным воем, и их примеру последовал и старик. Тогда ведьма, судорожно встряхнув головой и будто приподымаемая на пружинах, медленно начала свою заклинательную молитву.

– *Ангатти энне-ангатти*[708]*!..*[709] – шептал Шамраò, с которого лился крупный пот. – Богиня… одна из семи сестер уже вселяется в нее… Смотрите!..

Рекомендация была излишнею – мы смотрели во все глаза.

Сперва медленно, судорожно и как-то неровно засеменила ногами колдунья; затем постепенно ее движения стали плавнее; и вот, будто приноровившись к выбиванью барабанной дроби, нагнувшись всем длинным телом вперед и угрем извивая его во все стороны, она понеслась с невероятною быстротой вокруг пылающего костра… Сухой лист, погоняемый вихрем, несется не быстрее. Беззвучно падают на скалистую почву ее босые костлявые ноги; черные космы разлетаются, как стая змей, во все стороны, хлещут простирающих к ней руки больных зрителей, извиваются, словно живые… Кого ни заденет черная прядь на голове этой фурии, тот так и падает на землю, рыча от счастья, благодаря богиню и считая себя излеченным!.. То ведь не развевающиеся косы ведьмы хлестнули его, то сама *богиня*, одна из «семи», дотронулась до избранного!..

Быстрее, все быстрее летят дряхлые ноги; молодые, крепкие руки барабанщика еле поспевают за ними, а старуха все мчится вперед… Устремив неподвижный, мертвенный взор свой во что-то для всех невидимое, для нее одной присущее, она лишь по временам и на одно мгновение заглядывает в лица стоящих, пронизывая их насквозь этими взглядами; и на кого взглянет она, на того и бросает зернами сухого риса. Маленькая горсточка кажется неистощимою, словно в морщинистой ладони спрятан мешок самого Фортуната[710]. Но вот она вдруг останавливается будто вкопанная. После этой длившейся, по часам, ровно 12 минут бешеной скачки вокруг костра, вы думаете, она шатается, падает?.. Ничуть. Ни малейшего знака утомления, ни капли пота на мертвенном лице! Она остановилась лишь на две секунды, дабы дать время богине выскочить из нее. И вот в один прыжок, не посрамивший бы и дикой кошки, она перескакивает через костер и в один взмах уж очутилась в глубоком танке возле портика по горло в воде. Окунувшись один раз с головой, где под водой ею овладевает другая сестра-богиня, она снова выскакивает из колодца и ждет – олицетворенное подобие головы Медузы[711]… Мальчик в белой одежде подает ей другое блюдечко с другим куском зажженной камфоры. И вот она опять несется.

---

[707] Шафрановый цвет – это цвет желто-оранжевых тонов.

[708] Angati (*санскр.*) – Брахма, Вишну, огонь.

[709] Буквально «входит в человека». Самое же выражение означает, что дух, бес или какая другая невидимая сила начинает входить в избранное им тело. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[710] Фортунат – герой одноименного романа конца XV в., одного из наиболее популярных народных книг в Германии. Из всех замечательных даров, которые предлагает Фортунату встреченная в лесу волшебница, Повелительница счастья, он выбирает волшебный кошель, где всегда можно обнаружить десять золотых монет.

[711] Горгона Медуза в древнегреческой мифологии – наиболее известная из трех сестер горгон (змееволосых чудовищ), чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, ее взгляд обращал человека в камень.

И снова в продолжение уже 14 минут, по часам полковника, она мчится, и скачет, и прыгает, после чего окунается *два* раза с головой в колодце в честь *второй* сестры. И так с каждым новым «беснованием» она прибавляет по одному разу, пока дело не доходит до шести исчезновений под водой.

До сих пор мы еще не слыхали ее голоса. Ее губы крепко сжаты и она их еще не разжимала. Теперь ровно *полтора часа* как она бегает, мчась во весь опор и ни разу не переводя духа. Во все это время она остановилась шесть раз, всего на несколько секунд при каждом перерыве… «Сестры» не мешкают; они знают свое дело… На то они и богини!

– Да что̀ это, черт или женщина!.. – восклицает вполголоса полковник, в то время как голова ведьмы исчезает в шестой раз под водой.

– Будь я проклят, если знаю! – ворчит У***, нервно дергая себя за бороду. – Знаю только, что зерно ее чертова риса попало мне в горло и застряло там… Я не могу его выплюнуть…

– Тише… пожалуйста, тише!.. – шепчет Шамраò. – Вы испортите все дело…

Я взглядываю на Нараяна и теряюсь в догадках… На его бронзовом, всегда столь спокойном, даже суровом лице теперь лежит тень глубокого, неподдельного страдания. Его губы судорожно сжимаются; болезненно прищуренные глаза светятся сквозь черные ресницы фосфорическим блеском глаз дикого зверя, а зрачки, расширенные, как у человека под влиянием морфия, и, по-видимому, устремленные на черный лес пред нами, смотрят куда-то далеко, в неведомые и, быть может, никем невиданные страны… «Что̀ это с ним?» – думается мне, но я не успеваю его спросить, потому что колдунья, оставляя за собою ручьи воды, снова пускается в бешеную погоню за собственною тенью. Но на этот раз она изменяет программу. Она уже не бежит, а порывисто скачет. То, пригнувшись к земле с движением черной пантеры, она подскакивает к одному больному и, дотронувшись пальцем до лба дрожащего поклонника, смеется неслышным смехом, скаля зубы как гиена, то, отпрянув как бы от собственной тени, она кружится над нею, манит к себе, заигрывает с нею, являясь какою-то адскою карикатурой Диноры[712] в ее «вальсе с тенью». Потом выпрямившись в один прыжок – она уже опять у курящегося под портиком алтаря, где она простирается пред ним, стукаясь лбом о гранитный помост; другой скачок – и она у остова чудовищного сиватерия и, падая перед ним ниц, снова разбивает камни лбом с глухим стуком пустого бочонка о мостовую. Последний прыжок – и она стоит, выпрямившись во весь огромный рост, на голове сиватерия между его четырьмя рогами…

С чувством ужаса и отвращения, который мы уже и не стараемся скрывать, мы все быстро пятимся назад, все, кроме Нараяна.

Он остается один возле чудовищной головы; сложив руки на груди, он смотрит в упор в лицо страшной колдуньи…

Но что̀ это? Кто это вдруг заговорил таким глубоким, густым басом? То ее губы шевелятся, то из груди ужасной старухи вылетают эти быстрые отрывистые фразы, а между тем голос звучит глухо, точно он вылетает из-под земли…

– Тсс… тсс… – снова шепчет Шамраò, дрожа всем телом. – Она пророчествует!..

– Либо она... либо «дядя»… – бурчит У***, скаля зубы и с улыбкой, которая должна казаться толстяку чисто демонскою в эту торжественную минуту.

– Горе, горе… вам! – гудит *голос*. – Горе вам, дети нечестивых «Джаи» и «Виджаи»[713], насмешливых, неверующих придверников великого Шивы, проклятых восьмьюдесятью тысячами святых мудрецов[714]! Горе вам, неверующим в богиню Кали и отвергающим нас, ее семь божественных сестер!.. *Азуры*… плотоядные, желтоногие коршуны!.. Друзья притеснителей нашей страны!.. Собаки, не гнушающиеся есть из одного корыта с погаными *беллати*!!

---

[712] Динора – героиня одноименной оперы немецкого и французского композитора Дж. Мейербера (1791–1864).

[713] История этих *ракшазов*, падших духов, найдется далее. Она весьма интересна[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] В «Московских ведомостях» далее: так как доказывает до некоторой степени тождество главных религиозных преданий народов.

[714] Джая и Виджая – по индуистскому преданию, двое слуг Вишну, которые оскорбили великих мудрецов четырех Кумаров и в наказание за это вынуждены были родиться три раза на земле как асуры и сразится с Вишну в одном из его воплощений.

– Ваша пророчица, как видно, пророчествует задним числом… – произносит У***, философически закладывая руки в карманы. – Это в ваш огород камешек, почтенный Шамраò…

– Гм!.. Да, кажется, и в наш с вами, – бурчит немножко сконфуженный полковник.

Злополучный Шамраò обливается пóтом ужаса и перебегает под черною тенью леска, где мы приютились, подальше от ведьмы, от одного к другому, уверяя нас, что мы ошибаемся, что мы не довольно хорошо понимаем язык…

– Это она не о вас… Поверьте, не о вас!.. Это обо мне, потому что я служу… Она неумолима!..

– Ракшазы!.. Азуры!!.. Осмелившиеся явиться пред нами, богинями… в *обуви*… стоять в сапогах из кожи священной коровы… Будьте вы прокля…

Но ее проклятию не суждено было родиться в сей мир. Одно мгновение – и огромная фигура Нараяна, навалившись плечом на сиватерия, перевертывает его вверх дном вместе с хоботом и беснующеюся на нем пифией. Еще секунда – и нам кажется, будто ведьма летит по воздуху – с помелом или без него, про то лучше знать Шамраò – по направлению к портику, а какой-то плечистый с бритою головой брамин катится кубарем вниз в провалье… Не проходит и третьей секунды, как мы приходим к грустному заключению, правда, благодаря происшедшему общему смятению, скорее по стуку тяжело захлопнувшейся двери подземелья, нежели чему другому, что представительница на земле «семи богинь» обратилась в постыдное бегство, скрылась навсегда от наших любознательных взоров в своем низменном царстве!.. И что, наконец, ее густой, неземной и подземный голос – действительно голос чьего-нибудь «дяди»!..

О, Нараян!.. Как неряшливо, неаккуратно вращаются миры вокруг нас! Я начинаю серьезно оспаривать их действительность. С этой минуты я начинаю глубоко верить, что все в мире иллюзия – одна *майя*! Я делаюсь ведантикой… Я сомневаюсь, наконец, найдется ли в нем что-либо объективнее индусской «ведьмы», вылетающей *в трубу*!..

Проснувшаяся мисс Б*** пожелала узнать, чтò такое случилось. Ее разбудил шум многих голосов и топот ног убегающей толпы голых людей по направлению к ущелью. Все они, казалось, бежали без оглядки, как бы боялись какой погони и казались очень испуганными…

Затем, облегчив себя рассказом о своих впечатлениях и посушив зубную клавиатуру при свете звезд между благосклонною улыбкой и зевком, она снова безмятежно уснула.

На другое утро на заре мы нежно прощались с добродушным Шамраò. Он уже успел придти в себя после такого поражения и успокоиться от ночного потрясения. Позорно легкая победа Нараяна сильно смущала его. После подобной капитуляции «семи богинь», очистивших поле битвы при первом толчке от простого смертного, его вера была сильно поколеблена и в «сестер», и в святую отшельницу. Вследствие этого он горячо, хотя и немного сконфуженно, пожал нам руки, и с лучшими пожеланиями его и семейства наши слоны с восседавшими на мощных их спинах героями сего правдивого повествования направили свои тяжелые стопы к большой дороге и Джабельпуру[715].

Путь нашего самопросветительного паломничества по первоначальному плану лежал на Северо-Западные провинции, эти *status in statu*[716] Англо-Индии, где о вице-короле знают, но стараются его игнорировать, приказания его принимаются, но мало кто их исполняет, – провинции с правительством деспотическим, подозрительным и неугомонным. Но о них после…

Чтобы снова попасть на джабельпурскую линию, с которой мы сошли в нескольких милях от Насика, нам приходилось возвращаться на Акбарпур, затем ехать по проселочным дорогам на станцию Саневад, на железную дорогу Холькара, соединяющуюся с Большою индийскою пенинсулярною[717] дорогой. Древние пещеры Багх (Bagh) находились всего за пятьдесят миль от нас, на востоке от Мáнду, и являлись сильнейшею приманкой. Мы колебались, не сделать ли нам крюк и снова переехать Нербудду[718]. У нашего бабýя за Кандешом, как и везде, оказывалось кумовство, которое здесь зовется «однокастничеством», и мы наперед могли знать, что встретим и

[715] Джабалпур (*англ.* Jabalpur).

[716] государства в государстве (*лат.*).

[717] полуостровной (*англ.* Peninsular).

[718] Нарма́да, Нарбада (Нербудда) – река на полуострове Индостан, протекает по Центральной Индии и впадает в Аравийское море.

в Мальве вездеприсущих, услужливых бенгальских бабу́, рассыпавшихся по землям индостанским, как у нас рассеяны жиды[719] по России. Кстати же, к нашему «полку» прибыл еще один товарищ.

Накануне мы получили чрез странствующего и богомольствующего *саньязи* письмо от суамиджа Дайананда. В Хардваре холера усиливалась с каждым днем, и наш еще не знакомый нам союзник снова откладывал наше с ним свидание до конца мая в Дера-Дуне (Dehra-Dun)[720], у подножия Гималая, или же в манящем туриста своей прохладною прелестью Сахарампуре[721], в сорока милях от последнего. Странник вместе с письмом принес нам от *суами* букет самых странных цветов, о которых, полагаю, в Европе не имеют и понятия. Они растут лишь в известной местности в гималайских долинах, обладают удивительною способностью изменять к полудню цвет и, засыхая, по наружности не увядают. Это прелестное растение (Hibiscus mutabilis[722]) от зари до 10 часов утра распускает цвет, представляющий ночью один клубок сжатых зеленых лепестков, и густо покрывается белоснежными цветами, как большие белые розы, но к полудню розы начинают алеть: все более и более краснея, они, наконец, к четырем часам пополудни делаются темно-пунцового цвета, как пионы. Цветы эти посвящены *азурам* (род пери или ангелов в индийской мифологии)[723] и богу *Сурье* (солнцу). Последнее божество, влюбленное с сотворения вселенной в азуру, постоянно нашептывает цветку, в котором приютилась его возлюбленная, о своей пламенной любви. Но азура – девственница и посвятила себя с начала времен служению богине чистоты, патронессе всей монашествующей братии. Любовь Сурьи напрасна: азура не слушает его… Но цветок краснеет и теряет наружно свою лилейную чистоту под впивающимися в него огненными стрелами влюбленного бога… Туземцы называют это растение lajaloo (скромницей)[724].

В ту ночь мы кочевали в долине на берегу ручья, разбив палатки под тенистою смоковницей. Нарочно свернув с пути в Бомбей, чтобы повидаться с нами и исполнить поручение суамиджа, саньязи сидел с нами далеко за полночь, рассказывая о своих странствованиях и чудесах своей когда-то великой родины, о старом «льве» Пенджаба Рунджите Синге[725] и его геройских подвигах. Странные, загадочные субъекты встречаются между этими пилигримами. Многие из них чрезвычайно учены, говорят и читают по-санскритски, видимо, следят за современною наукой и политическими событиями и все-таки остаются верными своим древним философским воззрениям. Обыкновенно совершенно нагие, за исключением желто-кровавого куска опоясывающей им бедра кисеи (да и то по приказанию полиции в городах, где живут европейцы), они странствуют от пятнадцатилетнего возраста по день смерти, умирая почти всегда в глубокой старости, не заботясь о завтрашнем дне и живя буквально, как птицы небесные и лилии в долине[726]. До денег они не дотрагиваются, а живут подаянием и довольствуются горстью риса. Все мирское имущество их состоит из маленькой тыквенной бутылки для воды, четок, медной чашки и посоха. Саньязи и суами большею частью *сикки* из Пенджаба и монотеисты. Они презирают идолопоклонников и ничего не имеют с ними общего, хотя последние также часто величают себя этими именами.

Но наш новый знакомый был уроженцем Амритсара в Пенджабе и воспитан в «Золотом храме», что̀ на *Амрита-Сарасе* (озере Бессмертия). Там находится их верховный *гуру* – учитель

---

[719] В XIX веке слово «жиды» широко употреблялось в русском языке в значении иудеи (исповедники иудаизма) и не несло отрицательных коннотаций.

[720] Дехрадун (*англ.* Dehradun).

[721] Сахаранпур (*англ.* Saharanpur).

[722] Гибискус изменчивый.

[723] Этих *азур* не следует смешивать с *азурами* или «дьяволами», которых мифологическая история Индии называет первым вторгшимся в страну неприятелем и которые, по всей вероятности, были древними ассириянами[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] А́шшур (А́ссур) – бог войны, бог-воитель, главное божество ассирийцев в древности, вошедшее затем в пантеон шумеро-аккадских богов.

[724] Lājāḷū (*маратхи*).

[725] Ранджит Сингх (Ranjit Singh, 1780–1839) – махараджа Пенджаба, создатель независимого сикхского государства.

[726] Матф. 6, 26, 28.

сикков, который никогда не выходит за пределы своего храма, где он сидит целые дни, изучая священное писание этой странной, воинственной секты – книгу *Адигранта* (Adigrantha)[727]. Сикки взирают на него, как тибетские ламы взирают на своего Далай-ламу. Как последний есть воплощение Будды для лам, так амритсарский маха-гуру – воплощение основателя секты для сикков, Нанака, хотя по их понятиям Нанак никогда не был божеством, а только пророком, вдохновляемым духом Единого Бога. Таким образом, наш саньязи не был одним из вышеописанных нагих пилигримов, но настоящим *акали* – одним из шестисот священников-воинов, приставленных к «Золотому храму» для божественного служения и его охраны от нападения жадных мусульман. Звали его Рам-Рунджит-Дасом, и его наружность вполне соответствовала принадлежащему ему титулу «Божьего воина», как себя величают храбрые акали. Его наружность была чрезвычайно замечательной и типичной, и он скорее походил на геркулесоподобного центуриона[728] древних римских легионов, нежели на кроткого служителя алтаря, хотя бы и сиккского[729].

Рам-Рунджит-Дас предстал пред нами верхом на прекрасной лошади в сопровождении другого сикка на почтительном расстоянии, по-видимому, послушника либо слуги. Еще издали он был признан нашими индусами за акали по совершенно отличному от других туземцев костюму. На нем была ярко-голубая туника-безрукавка совершенно такого покроя, как мы видим на изображениях римских воинов; на его мускулистых огромных руках были широкие стальные браслеты и щит за спиной. На голове конической формы синий тюрбан, а вокруг стана вместо пояса несколько тяжелых стальных обручей, о которых злые языки и враги сикков говорят, что при случае эти священные пояса становятся в руках опытного «Божьего воина» опаснее, будто бы, всякого холодного оружия.

Кому не известна история сикков, самой воинственной и храброй секты во всем Пенджабе? Слово «сикк» (Sikh) означает «ученик». Основанное в XV столетии богатым и благородным брамином Нанаком, новое учение так быстро прививалось к северным воинам, что в 1539 году (год смерти основателя) их насчитывали уже до ста тысяч человек, а теперь эта секта, тесно связанная пламенным религиозным мистицизмом и своими воинственными наклонностями, исповедует свою веру по всему Пенджабу. Она основана на принципах теократического правления и ее тайные догматы почти неизвестны европейцам, а англичанам так и совершенно незнакомы. Их учение, взгляды, обряды – все содержится и совершается в величайшей тайне. Знают только одно: сикки строгие монотеисты, не имеют каст и не признают их, едят все, что̀ и европейцы, и – редкое исключение между индусами – *хоронят* покойников. Второй том *Адигранты* учит: «Боготворить Единого Бога, избегать суеверий, *помогать умершим* (?) вести строгую нравственную жизнь и *жить мечом*». Один из их великих *гуру* (Говинд[730], сын махараджи), дабы сделать их вполне отличными от мусульман и других индусов, ввел между ними обычай никогда не брить ни бороды, ни усов и носить длинные волосы. После многих отчаянных сражений сикки, врагами коих являлись теперь индусы столько же, как и магометане, остались победителями. Их вождь, знаменитый Рунджит Синг, установив собственное верховное владычество в Верхнем Пенджабе, заключил в начале этого столетия трактат с лордом Аукландом[731], и его владения были признаны независимым государством. Но после смерти «старого льва» снова возникли из-за его престола междоусобия между самими сикками. Махараджа Дулип Синг (его побочный сын от публичной танцовщицы)[732] оказался до того слабым, что допустил своих сикков, остававшихся

[727] «Ади Грантх» или «Гуру Грантх Сахиб» – основной священный текст сикхов, написанный в период сикхских гуру с 1469 по 1708 г. Представляет собой собрание религиозных гимнов сикхизма, описывающих качества Бога и говорящих о необходимости медитации на имена Бога.

[728] Центурион (*лат.* centurio сотник) в римской армии – командир центурии (военного подразделения римской армии).

[729] См. «Дурбар в Лахоре», *Русск[ий] вестн[ик]*, май, июнь и июль 1881 года. – *Примечание Е.П.Блаватской.* См.: *Радда-Бай.* Дурбар в Лахоре. Из дневника русской // Русский вестник, 1881, №5–7.

[730] Гуру Хар Гобинд (1595–1644) – шестой гуру сикхов.

[731] Договор о дружбе между Англией и государством сикхов был заключен в 1809 г. с Ч.Меткалфом (1785–1846) от имени генерал-губернатора Индии Г.Эллиота (граф Минто, 1751–1814). Дж. Иден (граф Окленд (Аукленд), 1784–1849) был генерал-губернатором Индии в 1836–1842 гг.

[732] Далип Сингх (Duleep Singh, 1838–1893) – последний правитель сикхского государства.

дотоле верными союзниками англичан, попытаться отвоевать от них весь Индостан, как когда-то они завоевывали пограничные деревни и крепости в Афганистане. Попытка окончилась плачевно как для буйных сикков, так и для слабого Дулипа Синга, который, чтобы спастись от своих солдат и заслужить прощение от англичан, принял христианство и был тайно перевезен в Шотландию. Его заменил Гулаб Синг[733]. Верный слову и политической программе Рунджита Синга, он отказался сделаться изменником, за что̀ и получил в награду прелестную Кашмирскую долину от перепуганных сикками англичан, а сикки перешли в неволю к ним, как и остальные индусы.

Но еще остаются *куки*, ветвь от надломленного старого дуба *сиккизма*. «Куки» – секта сикков и самый опасный элемент в подземном течении индийской народной ненависти. Эта новая секта была основана около 30 лет тому назад Балуком Рамом[734] и образовалась возле Аттока, в Пенджабе, на восточном берегу Инда, где последний, наполняясь водой из Кабульской речки, впервые делается судоходным. Цель Балуки Рамы была двойная: вернуть религию сикков к ее первобытной чистоте и организовать вместе с тем тайное политическое общество, готовое в данную минуту на все. Это братство, состоящее более чем из 60000 человек, связано самыми страшными клятвами и залогами: во-первых, никогда не выдавать своих тайн, а во-вторых, не отказываться ни от какого могущего явиться со стороны начальников приказания. В самом Аттоке, где с жителями крепости еле насчитывают две или три тысячи человек, их мало. Нас уверяли, будто «куки» рассеяны по Индии; несмотря ни на какие старания, их совершенно невозможно уличить в чем-либо противозаконном, до такой степени их общество хорошо организовано. Их начальники также неизвестны[735].

Наш акали подарил нам в тот вечер – только не от суами Дайананда, а от себя – стклянoчку[736] из горного хрусталя, наполненную священною водой из озера Бессмертия. В случае глазной боли или другого недуга он советовал нам помочить ею больное место, уверяя, будто одной капли оной довольно для излечения самой упорной болезни. Вода в стклянке была необычайно чиста и прозрачна, от того ли, что в Амритсарском *тулао* (резервуаре) воды, по причине множества в нем родников, постоянно переменяются, или от чего другого, но озеро Бессмертия славится во всей Индии необычайною прозрачностью и чистотой своей воды, несмотря на то, что сотни людей ежедневно окунаются в нем. Когда мы посетили это прелестное озеро или, скорее, бассейн в 150 кв. ярдов[737], то каждый камешек и малейшее на нем пятнышко на довольно глубоком дне виднелись, словно чрез чистейшее стекло. Амрита-Сарас – прелестнейшее из всех мест Северной Индии. Отражение «Золотого храма» в водах озера представляет нечто волшебное, восхитительное. Один Айвазовский[738] был бы в состоянии передать эту картину на полотне.

Итак, нам приходилось еще около семи недель колесить с места на место на выбор: по Бомбейскому ли президентству, по Северо-Западным провинциям или же по Раджистану. Что́ выбрать? Куда ехать? Пред подобным изобилием интереснейших местностей мы колебались как известное животное между двумя стойлами[739]. Мы так много наслышались о дворцах

---

[733] Гулаб Сингх Джамвал (1792–1857) – основатель династии Догра и первый махараджа княжеского государства Джамму и Кашмир, второго по величине княжеского государства в Британской Индии, которое было создано после поражения Сикхской империи в Первой англо-сикхской войне. Во время этой войны Гулаб Сингх оставался в стороне, что привело к победе британцев. Амритсарский договор (1846) официально закрепи продажу англичанами Гулабу Сингху за 7500000 рупий всех земель Кашмира, которые были переданы им сикхами по Лахорскому договору.

[734] Балак Сингх (Balak Singh, 1797–1862) – индийский религиозный лидер сикхов, основатель секты намдхари (куки). Баба Рам Сингх (Baba Ram Singh, 1816–1885) – преемник Балака Сингха.

[735] Фрагмент «Кому не известна история сикков… Их начальники также неизвестны» был напечатан в газете «Одесский вестник» (1880, №99, 3 мая).

[736] скляночку (*устар.*).

[737] 137 м.

Ярд – британская единица измерения расстояния, равная 0,9144 м.

[738] Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) – художник-маринист.

[739] Буриданов осел – философский парадокс, названный по имени французского философа Жана Буридана (ок. 1300 – ок. 1358), несмотря на то, что был известен еще из трудов Аристотеля, где был поставлен вопрос: как осел, которому предоставлены два одинаково соблазнительных угощения, может все-таки рационально сделать выбор?

Гайдерабада[740] и Голконды, прямо переносящих путешественника в волшебную обстановку из *Тысячи и одной ночи*, что серьезно стали было собираться повернуть наших слонов к Верхнему Синдху[741] и ехать в Гайдерабад в территорию низама[742]. Нам хотелось посмотреть на этот «город льва»[743], построенный в 1589 году великолепным Мухамедом Кули Кутб-шахом[744], которому все так приелось на свете, что ему могла надоесть даже Голконда с ее волшебными за́мками и сокровищами. Гайдерабад славится своими зданиями, остатками прежнего величия; по словам Мир-Абу-Талиба, хранителя царских сокровищ, Мухамед Кули-шах истратил на украшение города в первые годы своего 34-летнего царствования баснословную сумму в 2800000 фунтов стерлингов на английские деньги, хотя самая работа сооружений не стоила ему ни одного *пайса*[745]… Теперь, за исключением этих памятников величия, Гайдерабад имеет вид кучи сора и навоза, но зато, по отзывам очевидцев, «Британская резиденция» по-прежнему славится в нем на всю страну и недаром зовется Версалем Индии. История этой резиденции весьма курьезна и ясно характеризует англо-индийские нравы.

В 1788 году, вероятно вообразив себя калифом – anch'io son pittore[746] (резиденты суть настоящие калифы), – ирландец, полковник Киркпатрик[747], занимавший в те дни эту выгодную при низаме должность, задумал начать постройку настоящей резиденции, конечно, за счет гайдерабадского властелина. Здание явилось одним из чудес света. Оно соединяет волшебные сады Семирамиды[748] с роскошью французских дворцов времен регентства[749]. Двадцать две ступени, каждая из цельного куска розового гранита громадных размеров в ширину, украшенные по обеим сторонам колоссальными сфинксами, ведут к портику, во всю ширину коего гигантские коринфские колонны из чистого белого мрамора возносятся до самого верхнего этажа главного здания. Эти колонны на 8 вершков[750] выше колонн знаменитой «Залы тысячи колонн» челамбрамского[751] храма в Мадрасской резиденции. Полы из черного и белого мрамора; над всеми дверями вделаны гербы Ост-Индской компании и Англии; в иных куски чистого золота заменяют бронзу львов. Если ведущая под портик лестница справедливо считается «величайшею и роскошнейшею лестницей в Индии», то приемной зале резиденции может позавидовать любая зала царских дворцов Европы. Она занимает фасад дворца во всю длину, и по обеим ее сторонам,

---

[740] Хайдарабад (*англ.* Hyderabad).

[741] Синд (*англ.* Sindh).

[742] Низам – наследный титул правителей династии Хайдарабадов.

[743] *Хайдар* – по-арабски лев, а *абад* – поселение, жилище. Гайдерабад назывался прежде *Бхагнагаром*[*] (счастливым городом), получив свое имя от любимой наложницы шаха Мухамеда Кули, которую звали Бхагмати, но после ее смерти изменили название[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Bhagyanagar.

[**] См.: *Eastwick E.* A Handbook for India. Part I. Madras. London, 1859. P. 72, 81.

[744] Мухаммад Кули Кутб-шах (1565–1612) – пятый султан Голконды из династии Кутб-шахов (1580–1612), основатель Хайдарабада. Известен также как выдающийся поэт, писавший на языках урду, фарси и телугу.

[745] В тексте: риса.

Пайс (*англ.* pice) – мелкая монета в Индии до 1950 г., 1/64 часть рупии.

[746] Я тоже художник (*ит.*) – восклицание, вырвавшееся у Корреджо при виде картины Рафаэля «Сикстинская мадонна» и вошедшее в поговорку как проявление уверенности художника в своем призвании и его мастерстве в той или иной области.

[747] Джеймс Киркпатрик (1764–1805) – британский резидент в Хайдарабаде (1798–1805).

[748] Висячие сады Семирамиды – одно из Семи чудес античного мира, которое представляло собой инженерное сооружение в Вавилоне с каскадом многоуровневых садов, где росли многочисленные породы деревьев, кустарников и виноградных лоз, производившее впечатление большой зеленой горы. Единственное из Семи чудес, местонахождение которого окончательно не установлено и, более того, подвергается сомнению сам факт его существования, поскольку не сохранилось никаких вавилонских текстов, в которых упоминаются эти сады, описания садов имеются лишь у поздних древнегреческих и римских авторов, а археологические раскопки в районе предполагаемого местонахождения садов также не дали результатов.

[749] Стиль Регентства – историко-региональный художественный стиль в искусстве Франции 1715–1723 гг., периода правления герцога Филиппа Орлеанского, племянника короля Людовика XIV, председателя Регентского совета при малолетнем Людовике XV. По историческим меркам период Регентства был краток, но к удивлению историков искусства за это короткое время возник и полностью сформировался оригинальный художественный стиль, так называемый «стиль Регентства», переходный от классицизма к рококо.

[750] 36 см.

[751] Чидамбарам (*англ.* Chidambaram).

как в знаменитых соборах, тянутся в два ряда мраморные колонны. Как в Челамбраме, где «зала тысячи колонн» так названа, вероятно, потому, что в ней 936 колонн, так и зала резиденции именуется «стоколонною залой», ибо в ней лишь по 32 колонны в ряд, итого 64, что́ и так весьма почтенно. Но кроме колонн резной мраморной и бронзовой работы, в этой зале находятся ниши, в которых поставлены статуи индусских и греческих богов и богинь – произведения лучших того времени скульпторов Италии. Все портьеры из малинового, шитого золотом бархата; красного дерева с инкрустациями мебель покрыта такою же материей; 60 зеркал между окнами, цельные, во всю стену, от потолка до пола, в самых дорогих оправах, и три люстры, которым индусы, строившие этот дворец, одно время поклонялись как богам, были выписаны за баснословную цену из Франции. Таковы главные черты этого достойного Алладина дворца, в котором ныне проживают резиденты, обязанность коих – по известному благородному предлогу, выбранному Англией для присоединения себе индийских провинций, – стоять защитниками и посредниками между притесненным народом и их «не умеющими управлять» влиятельными князьями Индии. Народ, между тем, периодически умирает целыми миллионами *с голоду*, тогда как одно освещение британской резиденции в приемные вечера, по *официальным отчетам*, обходится казне в 1000 фунтов за один вечер…

О, Тартюф[752]! Не Великобританией ли ты прозываешься?..

Но это еще пустяки в сравнении с прошлым. В *Истории Гайдерабада* (Эдуарда Иствика) мы читаем следующее: «В то время как резиденты принимали мужчин, их супруги увеселяли женский пол в отдельном и столь же, если не более, великолепном дворце, отстоящем в нескольких саженях от главного и известном под названием “Ранг-Махалла”[753]. Как и первый, он был построен полковником Киркпатриком, бывшим министром при дворе низама. Вступив в брак с индийскою принцессой[754], он соорудил нарочно для нее эту очаровательную обитель. Обнесенный по азиатскому обычаю высокою стеной, центр сада украшен большим мраморным бассейном со сценами истории Рамаяны, выложенными мозаикой на стенах. Павильоны, галереи, террасы – все в этом саду украшено в самом богатом вкусе восточной архитектуры, то есть с изобилием мозаики, живописи, позолоты, слоновой кости и мрамора. На празднествах, даваемых мистрис Киркпатрик, являлись “нотчи” (профессиональные танцовщицы) в великолепных одеяниях – подарки “великодушного” резидента. На некоторых из нотчей насчитывали более чем на 30000 фунтов стерлингов драгоценностей, и они, положительно, сияли с головы до ног алмазами и другими камнями»…[755]

Слава Ост-Индской компании, во времена которой компанейские резиденты могли так «великодушничать» на счет принцев, уже поблекла: теперь ни резидентам, ни самим принцам ничего не осталось. Как древние алхимики, англичане расплавили, в надежде найти философский камень политики, все золото Индостана; и даже самую Индию – «драгоценнейший алмаз в короне Англии» – истолкли в прах, растопили и обуглили. Счастливы еще будут они, если Афганистан ограничится тем, что вместо ожидаемой «придачи», для вящего блеска к их обугленному «алмазу» Индии, он их самих не истолчет в мелкий порошок в своей заколдованной ступе[756]…

Рассказы о чудесах гайдерабадских разжигали наше любопытство, и мы стремились увидеть воочию эту волшебную страну. И Нараян, и бабу́, оба, несколько раз побывали там, а у Нараяна находились там даже и родственники. Особенно прельщал он нас своими рассказами и описаниями, так как был знаком с каждым уголком Центральной Индии. Грустно отражалось в его красноречивых сказаниях все великое прошлое Индии, великое еще так недавно – в прошлом столетии, в сравнении с ее горьким настоящим положением. Как низко упала эта красавица Востока, к ногам которой стремились некогда все мудрецы Греции и богатствам коей завидовали все цари земные!.. Попранное в прах, забитое – все в ней теперь глохнет, постепенно замирает и исчезает, начиная от малейшего национального порыва, тотчас же подавляемого ревнивою,

[752] Тартюф – действующее лицо в одноименной комедии Мольера, лицемер и ханжа, его имя стало нарицательным.

[753] Rang Mahal.

[754] Khair-un-Nissa.

[755] См.: Haidarabad // *Eastwick E.* A Handbook for India. Part I. Madras. London, 1859. P. 81–85.

[756] Речь идет о Второй англо-афганской войне 1878–1881 гг.

подозрительною Англией, и кончая когда-то роскошными, девственными лесами… ныне падающими сотнями десятин[757] разом под топором железнодорожных промышленников…

Было нечто необычайно пленительное в этих простых рассказах бедного индуса. Словно последнею песней лебедя звучала в них нота патриотизма, забитого, сдержанного, но столь же пламенного, как и любовь к родине его славных дедов, заставлявшая их когда-то жертвовать не только богатством и собственною жизнью, но даже жизнию всех им близких – жен, детей – во славу отечества под победоносным знаменем Сиваджи. Напрасно англичане воображают, что своими строгими мерами и западным воспитанием, с одной стороны, и отвратительным поддакиванием и покровительством идолопоклонству, с другой, они выбрали самую благоразумную систему управления. Посредством первого они успешно заменяют, конечно, фальшивую, но все же искреннюю религию положительным атеизмом, а вторым они только угождают невежественным массам, которых им решительно нечего бояться. Если бы с этой стороны существовала хоть малейшая опасность, то обезоруженные ими идолопоклонники могли бы давно без всяких ружей и кинжалов, а одними бронзовыми и каменными идолами, высылаемыми сюда ежегодно из Бирмингама[758] тысячами, побить ненавистных им *феринговв* и утопить их в море. Опасность, стало быть, является со стороны *образованных* патриотов, самое святое чувство коих – любовь и преданность к родине – англичане попирают ногами при всяком удобном случае. Чем образованнее, развитее становится индус, тем горше для него делается сравнение настоящего с тем, чтò было. Приведем один пример из тысячи: индусы более всего гордятся своею прошлою цивилизацией, величием родины в те дни, когда Европа еще была погружена чуть ли не во мраке каменного периода. По единодушному мнению путешественников и особенно антикваров, интереснейшим зданием в Гайдерабаде считается «Чахар-Минар»[759], когда-то знаменитая коллегия в Индии, построенная султаном Мухамедом Кули-ханом на развалинах еще древнейшей коллегии. Она выстроена на перекрестке четырех главных улиц на четырех арках; под ними свободно проходят высоко навьюченные верблюды и слоны с башнями. Над этими арками возвышается на несколько ярусов само здание коллегии; каждый ярус был предназначен особенному отделу науки. Увы! Прошли те дни, когда Индия изучала философию и астрономию у ног своих туземных мудрецов. Теперь эти ярусы превращены англичанами в складочные магазины. В зале, где изучали астрономию и стояли курьезные инструменты средневековой эпохи, теперь сложен опиум, а залу философии наполняют огромные ящики с ликерами и запрещенными как Кораном, так и браманами ромом и напитком «вдовы Клико»[760].

Мы совсем было собрались в Гайдерабад, когда наши чичероне и товарищи одним словом привели нас в ужас, расстроив разом все наши планы. Дело в том, что в продолжение шести так называемых «жарких» месяцев в году термометр в Гайдерабаде (в Нижнем Синдхе) стоит на 98° в тени (по Фаренгейту)[761], а температура воды в Инде достигает теплоты крови; в Верхнем же Синдхе, где чрезвычайная сухость воздуха вместе с бесплодностью песочного грунта делают из климата этой страны нечто схожее с прелестью температуры африканских пустынь, термометр беззастенчиво доходит до 130° в тени (по Фаренгейту)[762].[763] Недаром несчастные миссионеры испытывают здесь такую постоянную неудачу: понятно, что среди населения, спокойно вращающегося при таком пекле, самые красноречивые дантовские «описания ада» не в состоянии произвести на местного жителя ничего, кроме разве «прохлаждающего» впечатления.

Рассчитав, что отправиться в Багх нам нет препятствия, но что нечего и думать ехать теперь в Синдх, мы успокоились. Затем мы решили общим советом покинуть всякую идею о заранее определенном маршруте и путешествовать наудачу, куда глаза глядят. Вследствие такого плана

---

[757] Десятина – старая русская единица земельной площади. Применялось несколько разных размеров десятины, в том числе «казённая», равная 2400 квадратным саженям (109,25 соток, 1,09 га) и использовавшаяся в России до введения метрической системы.

[758] Бирмингем (*англ.* Birmingham) – крупный промышленный центр Англии.

[759] Чарминар (*англ.* Charminar).

[760] «Вдова Клико» – французское белое шампанское.

[761] 37° С.

[762] 54° С.

[763] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 254.

мы отослали на другой же день наших слонов и незадолго до солнечного заката подъезжали уже в *тонгах* к слиянию Вагреи и Гирны, двух знаменитых в летописях индийской мифологии речонок, блистающих чаще всего своим отсутствием, особенно летом. Пред нами, словно притаившееся у противоположного берега чудовище, зияла своими четырьмя отверстиями гора, будто моргая в сумрачном тумане своими впалыми, черными глазами… То были пресловутые Багхские пещеры…

Мы могли бы тотчас же перебраться к ним на пароме, но на этот раз благоразумие взяло верх над привлекательною перспективой ночи, проводимой, как в Карли, в пещерах древних отшельников. К тому же наши индусы и даже *тангавалы*[764] с паромщиками отказались наотрез сопутствовать нам. Первые – потому что даже днем опасно посещать пещеры, не послав туда предварительно людей с факелами и вооруженных *шикари* (охотников). Эта часть Амджирского[765] раджа изобилует дикими зверями, особенно тиграми, которых, как видно, наравне с бенгальскими бабу́, можно встретить всюду по Индии. Вторые же протестовали потому, что после заката солнца ни один индус не согласится подойти на милю к пещерам. Одни *беллати* со своими «глупыми географическими понятиями» видят в реках Вагрее и Гирне простые речки; в сущности же, то боги-супруги, Шива и Парвати; это во-первых. А во-вторых, багхские тигры не простые тигры, как думают *саабы*, а слуги *садду*, святых чудодеев, уже много веков обитающих в этих пещерах; они – частенько даже и «оборотни» этих самых вековых старцев; и никто из них – ни боги, ни садду, ни оборотни, ни тигры – не любят, чтоб их тревожили ночью…

Нечего было делать. Грустно взглянув по направлению пещер, мы снова полезли в наши допотопные экипажи и поплелись далее. Бабу́ с Нараяном решили, что мы переночуем у некоего «кума» в городке Багх, от которого мы находились всего в трех милях.

Изумительны и непонятны, как и многое другое в Индии, географические и топографические распределения несметных территориальных владений в этой стране. Здесь политические соображения словно постоянно играют в «кастет»[766], изменяя, убавляя, прибавляя; у одного отымая, другому передавая. Что́ вчера принадлежало одному радже или такуру, сегодня находится уже в руках другого. Например: мы находились тогда в радже, или штате, Амджир, в Мальве, и ехали в Багх-городок, который также принадлежит Мальве и включен в Амджирский радж. Мальва (на словах) составляет независимое владение Холькара, однако же, радж Амджирский принадлежит не Тукоджи Рао Холькару, а сыну независимого раджи Амджирского, которого англичане в 1857 году «по ошибке» повесили, а затем позабыли возвратить радж его наследникам. Городок Багх и пещеры принадлежат, по какому-то странному стечению обстоятельств, махарадже Синдии Гвалиорскому, который, впрочем, сам не владеет оными, а подарил Багх с его 9000 рупий дохода одному бедному родственнику, у которого, между тем, отнял его один раджпутский такур, да так и не отдает. Багх находится на дороге из Гуджерата в Мальву в самом так называемом Уйдепурском ущелье, и поэтому ущелье составляет собственность махараны Уйдепурского. Построенный на вершине заросшего лесом холма, Багх пока как спорная собственность не принадлежит никому, но зато маленькая крепость его, в толстые ворота которой мы скоро и въехали, составляет *частную* собственность вместе с находящимся в нем базаром некоего «дхани», то есть вождя бхилалаского[767] племени, по словам нашего бабу́, «великого вора и разбойника», который вдобавок оказался его «кумом»…

– Да как же вы ведете нас к человеку, на которого указываете как на вора и разбойника? – робко осведомились мы.

– Он «вор и разбойник» в *политическом* только смысле. Иначе он превосходный человек и самый верный друг. А без него мы и с голоду умрем: ведь базар его собственность, – очень хладнокровно отвечал бенгалец.

Кум оказался, впрочем, в отсутствии; нас принял его родственник и, насколько мы поняли, помощник *бхамии* (начальника). Нам отвели сад, и едва мы успели разбить палатки, как со всех

[764] Возчики; тонга или танга – легкая повозка, запряженная одной лошадью.

[765] Аджмер (*англ.* Ajmer).

[766] Кастет (*фр.* casse-tête) – игра головоломка-мозаика, представляющая собой набор выточенных геометрических фигур и книги с нарисованными изображениями; задача играющих – сложить фигуры так, чтобы повторить рисунок в книге.

[767] Bhilala.

сторон стали приносить нам провизию. Каждый выходящий из палатки бросал на землю через плечо бетель и мелкий сахар – приношение иностранным духам, которые-де непременно должны были нам всюду сопутствовать. Наши индусы просили нас, впрочем, *не смеяться*, говоря, что это здесь, в глуши, очень опасно.

Рассуждать с этим народом оказалось напрасным. Мы были в Центральной Индии, гнезде всех суеверий страны, и окруженные *бхиллями* (Bhils). Вдоль всего горного хребта Виндия, от Джумны, на западе «мертвого города» и кругом всей Раджпутаны, страна густо заселена этим племенем, самым храбрым, разбойничьим и суеверным из всех полудиких племен Индии. Несколько слов о них окажутся, может быть, небезынтересными.

Ориенталисты уверяют, будто название «бхилль» происходит от санскритского корня *bhil* (отпадать, разлучаться); сэр Дж. Мальколм полагает поэтому, что бхилли суть раскольники, отпавшие от браманской религии и затем выгнанные из касты[768]. Все это, быть может, и так, но их племенные предания говорят иное. Конечно, здесь, как и везде, к истории примешана мифология, и до их родословного дерева приходится добираться чрез густую чащу вымысла. Проведший с нами вечер родственник отсутствующего бхамии рассказал нам следующее:

Бхилли или *билли* – потомки одного из сыновей *Махадевы* (бога Шивы) от прекрасной чужеземной женщины с голубыми глазами и белым лицом, которую бог нечаянно встретил за *кала пани* (за черною водой, за морями) в лесу. Из нескольких родившихся от этого союза сыновей один, столь же замечательный своею красотой, как и порочностью, убил любимого быка Махадео и был за это изгнан родителем опять *за моря*, в Джодпурскую[769] пустыню. Загнанный в самый южный ее угол, он здесь женился, и вскоре его потомки переполнили страну. Они рассыпались по всему протяжению Виндийского хребта и начали селиться на западной границе Мальвы и Кандеша, а позднее на лесистых и диких берегах рек Махи, Нармады и Тапти. И все они, наследовав красоту прародителя, наследовали вместе с голубыми глазами и светлым цветом лица разбойничьи наклонности и всю порочность его. «Мы воры и грабители (наивно говорил нам родственник честного «кума» бабу́), потому что так приказал отец нашего прародителя – могучий Махадео-Шива. Послав его каяться в пустыню, он (то есть бог) сказал ему: “Иди окаянный, убийца невинного брата твоего, моего сына, быка[770] Нанди[771]. Иди… и живи изгнанником и

---

[768] См.: *Malcolm* J. A Memoir of Central India: Including Malwa, and Adjoining Provinces. Vol. I. London, 1823. P. 519 (*Малькольм Дж.* Воспоминания о Центральной Индии: включая Малву и прилегающие провинции. Т. I. Лондон, 1823. С 519).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 431.

[769] Джодхпур (*англ.* Jodhpur).

[770] Странно, что бык *Апис*[*], священное животное у египтян, в такой же почести и у последователей Зороастра, как и у индусов. Бык *Нанди*, создание Шивы, эмблема жизни в природе, – сын творческого отца или оживотворяющий дух его. Ормазд сотворяет быка, а Ариман убивает его. Аммиан Марцеллин в одном из своих сочинений упоминает о книге, в которой рассчитан *точный возраст* быка Аписа[**] – ключ к тайне мироздания и исчислениям по циклам. Браманы тоже объясняют аллегорию о быке Нанди – аллегорией о продолжении *жизни* на земном шаре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: «Апис или Хапи-анкх (егип.). “Живой усопший” или Озирис, воплотившийся в священного белого Быка. Апис был Быко-Богом, которого, по достижении двадцати восьми лет, возраста, когда Озирис был убит Тифоном, предавали смерти с большой церемонией. Поклонялись не Быку, а символу Озириса, – так же как христиане в своих церквях ныне становятся на колени перед Агнцем, символом Иисуса Христа» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 48).

[**] См.: «Среди животных, которым издревле воздается культ, наиболее известны Мневис и Апис. Первый посвящается Солнцу, но о нем ничего невозможно сообщить примечательного; второй – Луне. Апис должен иметь различные врожденные отметины, особенно его отличает пятно в виде полумесяца на правом боку. Когда, прожив некоторое число лет, он издохнет, будучи погружен в священный источник, а продолжать его век дальше определенного срока не позволяют тайные указания мистических книг, убивают с подобными церемониями и ту корову с определенными отметинами, которую к нему приводили» (*Аммиан Марцеллин.* История, книга XXII, 14).

См.: *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. XI.

Цит. по: *Champollion-Figeac J.J.* Egypte ancienne. Paris, 1839. P. 138 (*Шампольон-Фижак Ж.Ж.* Древний Египет. Париж, 1839. С. 138).

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – после 395) – древнеримский историк.

Жак-Жозеф Шампольон-Фижак (1778–1867) – французский библиограф, профессор палеографии и археолог, старший брат Жан-Франсуа Шампольона.

разбойником на страх братиям твоим”… Так как же мы осмелились бы ослушаться приказаний нашего великого бога? Наши малейшие действия совершаются сообразно с распоряжением наших *бхамий*, а так как последние суть потомки Надира Синга, первого *бхилалы* (плод от супружества раджпута с бхилльскою женщиной), то бхамии и считаются нами прямыми посредниками между нашим народом и Махадео-Шивою»[772]…

Такова власть над бхиллями этих «посредников», что самые ужасные преступления совершаются по одному их слову. Само племя нашлось вынужденным, дабы хоть сколько-нибудь обуздать их безусловную власть, назначить род советников в каждой деревне; этих советников они называют *тарви*, иногда сдерживающих этих безумно-разбойничьих *дхани,* или лордов. Но их честное слово свято, а гостеприимство безгранично[773].

Истории и летописи раджпутских принцев Джодпура и Уйдепура подтверждают эту легенду о бхилльской эмиграции из их первобытной пустыни, но откуда они явились туда, никто не знает. Тод положительно уверяет, что «бхилли» – аборигены Индии, как мины, мерасы, гоанды[774] и те племена, что̀ обитают в нербуддских лесах. Только почему же рядом с почти африканскими типами прочих холмовых племен бхилли гораздо светлее прочих и даже часто с голубыми и серыми глазами? Что все эти аборигены довольствуются названиями *бхомапутра*[775] и *венапутра*[776], то есть «сыны земли» и «дети лесов», в то время как раджпуты, их первые покорители, именуют себя *сурьяванзами*, а браманы *индупутрами*[777] – потомками солнца и луны, еще очень не многое доказывает. В настоящем случае, как мне кажется, их наружность, подтверждающая их предания, имеет гораздо более веса и значения, нежели филология. Как весьма логично выразился Dr. Кларк[778], «обратив должное внимание на следы древних суеверий народа, мы гораздо легче и вернее доберемся до их первобытных прадедов, нежели научными наблюдениями над их языком, ибо суеверия их привиты к самому корню, а язык подвержен всевозможным изменениям».

Но до сих пор все то, что̀ мы знаем из истории этого народа, сжато в нескольких словах вышеприведенного предания да в самых древних песнях их бардов. Поселясь в Раджистане, эти барды, или *бхаты*, навещают бхиллей ежегодно, дабы не терять из виду подвигов своих соотчичей. Их песни – та же история, так как бхаты существуют в их племени с незапамятных времен, воспевая эти подвиги для грядущих поколений, что̀ составляет их прямую и наследственную обязанность. Заметим кстати, что нет во всей Индии мало-мальски воинственного племени, у которого бы не было своих народных бардов. А в самых древних песнях бхилльских *бхатов* их начало происходит «из-за морей», то есть где-нибудь в Европе. Некоторые ориенталисты, особенно Тод, желают доказать, что раджпуты, покорившие бхиллей, – пришельцы-скифы, а бхилли – аборигены Индии. В доказательство этого они приводят черты, общие обоим народам, как, например: 1) поклонение оружию – мечу, копью, щиту и коню; 2) поклонение и жертвоприношение солнцу (которому скифы, поклонявшиеся мечу как главному божеству, между прочим, вовсе и не поклонялись); 3) страсть к азартным играм (которая у китайцев и японцев развита еще более); 4) обычай пить кровь врага из черепа (что̀ делают и

---

[771] На́ндин (*санскр.* Nandin, «счастливый») или На́нди – в индуистской мифологии слуга и друг Шивы, считается символом и ваханой Шивы и часто изображается в индуистской иконографии как белый бык или существо с бычьей головой.

[772] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 431.

[773] Здесь в издании «Из пещер и дебрей Индостана» 1912 года появилось примечание: «Совершенно как у кавказских татар».

[774] Гонды.

[775] Бхумипутра (*санскр.* Bhūmi-putra).

[776] Ванапутра (*санскр*. Vana-putra).

[777] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast’han. Vol. I. Madras, 1873. P. 478.

[778] *Travels in Scandinavia*, Vol. I, p. 33. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Clarke E.D.* Travels in Various Countries of Scandinavia. Vol. I. London, 1838. P. 33 (*Кларк Э.Д.* Путешествия по разным странам Скандинавии. Т. I. Лондон, 1838. С. 33).

Цит. по: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast’han. Vol. I. Madras, 1873. P. 477.

Эдвард Даниэль Кларк (1769–1822) – английский священник, естествоиспытатель, минералог, путешественник, писатель.

некоторые краснокожие аборигены Америки) и т.д.[779] Конечно, здесь не место входить в научные этнологические диспуты, но все же невозможно не заметить, как странно иногда рассуждают ученые люди, когда им приходится защищать излюбленную ими идею. Довольно вспомнить, до какой степени история *древних скифов* запутана и темна сама по себе, чтоб убедиться, как неосновательно делать подобные выводы, основываясь лишь на слабых исторических данных, которые мы имеем под рукой о тех народах, коих обыкновенно включают в общее название *скифов*. Что между обычаями древних скандинавов, поклонников Одина[780] (страна коих была действительно занята скифами за 500 лет до Р.Х.), и обычаями раджпутов есть много поразительно общего, это неопровержимо. Только такая тождественность дает, по крайней мере, столько же, если не более, права раджпутам указывать на *нас* как на «колонию ушедших на запад сурьяванз», как и нам уверять, что раджпуты – «перекочевавшие в Индию скифы»[781]. Скифы Геродота[782] и скифы Птоломея и римских писателей – две совершенно различные народности. Первый называет Скифией страну от устья Дуная до Азовского моря (по Нибуру[783]), до устья Дона (по Роулинсону[784]), а Скифия Птоломея – страна исключительно азиатская, включающая всю Северную Азию от Волги до Серики (Китая)[785]. К тому же, эта Скифия была разделена западною частью Гималаев, называемою римскими историками «Imaus», на Скифию intra[786] Imaum и на Скифию extra[787] Imaum. При подобной неопределенности, быть может, раджпуты и действительно *азиатские скифы*, а скифы – *европейские раджпуты*. Только нынешние раджпутские воины никак не соответствуют описанию наружности скифов, какое находим у Гиппократа: «Тела у этих людей (говорит отец медицины) толстые, грубые, приземистые; суставы их слабы и вялы, животы отвислые, волос на них почти нет и каждый из них походит на другого». Кто, познакомившись с воинами Раджистана, с этими стройными, гигантского роста молодцами, с длинными волосами и обросшими бородой лицами, узнает в них портреты скифов по Гиппократу? К тому же, скифы – кто бы они ни были – *хоронили* своих покойников, чего раджпуты, если судить по их древнейшим летописям, никогда не делали. Скифы были кочевым народом и описаны Гезиодом[788] как «люди, живущие в кибитках и повозках и питающиеся кобыльим молоком» (кумысом). Раджпуты же народ испокон века оседлый, живущий в городах и имеющий свою историю, по крайней мере, за

---

[779] См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 479–584.

[780] Óдин – Верховный Бог в германо-скандинавской мифологии.

[781] «Наше презрение к татарам уменьшилось бы на добрую долю, – говорит Пинкертон[*], – если бы мы только не забывали, в каком мы близком с ними родстве, что наши предки выходцы из Северной Азии и что наши обычаи, законы и образ жизни были первоначально одни и те же, чтò и у них, словом, что мы не более как колония татар… Кимвры, кельты и галлы, завладевшие северною частью Европы, – разные имена одного и того же вышедшего из Татарии народа. Кто были готы, гунны, шведы, вандалы, франки, как не рои одного улья? Хроники Швеции указывают на Кашгар как на родину, из которой вышли шведы. Сходство между языками саксов и кипчаков поразительное, а кельтский язык, существующий доселе в Бретани и Уэльсе, служит лучшим доказательством того, что их жители потомки татарских наций»[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Джон Пинкертон (1758–1826) – шотландский историк, географ, нумизмат, писатель.

[**] См.: The Translator's Preface // A General History of the Turks, Moguls and Tatars, Vulgarly Called Tartars. The genealogical history of the Tatars, Translated from the Tatar Manuscript written in the Mogul language by Abu'l Ghâzi Bahâder, Khân of Khowârazm. Vol. I. London, 1730. P. III (Предисловие переводчика // Всеобщая история тюрков, моголов и татар, обычно называемых татарами. Генеалогическая история татар, переведенная из татарской рукописи, написанной на могольском языке Абу'л-Гази Бахадером, ханом Хорезма. Т. I. Лондон, 1730. С. III).

Цит. по: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 56.

Абульгази-хан, Абу-л-Гази-хан (Абул-гази, Багадур-хан, Абульгази Бахадурхан, 1603–1664) – хивинский хан из узбекской династии шейбанидов, историк и писатель.

[782] Геродот Галикарнасский (ок. 484 – ок. 425 до н.э.) – древнегреческий историк.

[783] Георг Нибур Бартольд (1776–1831) – немецкий историк античности, филолог и государственный деятель.

[784] Генри Роулинсон (1810–1895) – британский археолог, ассириолог, лингвист и дипломат.

[785] Серика, также Серес (от *греч.* Σῆρες – собственно, страна шелка от *кит.* sī – шелк) – название в античных источниках части Северного Китая в эпоху династий Чжоу, Цинь и Тан, в которую можно было попасть наземным Великим шелковым путем в противоположность топониму «Сине, Хине», куда направлялись морским путем.

[786] Интра (*лат.*) – внутри.

[787] Экстра (*лат.*) – вне, снаружи.

[788] Гесиод (VIII–VII до н.э.) – первый исторически достоверный древнегреческий поэт.

несколько сот лет до Р.Х. (ранее времен Геродота). И если они празднуют *асвамедду*[789] (жертвоприношение лошадей), то уж до «кобыльего молока» никогда не дотронутся и презирают монголов. Геродот говорит, что скифы, называвшие себя сколотами[790], ненавидели более всего чужеземцев и выгоняли их из своих мест, а раджпуты – один из гостеприимнейших в мире народов… Наконец, история довольно ясно указывает нам скифов в войне с Дарием (516 лет до Р.Х.)[791], а в те времена скифы еще сидят на своих местах возле Дуная. В те же времена раджпуты уже были известны в Индии и имели свое царство. Что же касается *асвамедды* (жертвоприношения лошадей солнцу), на котором Тод основывает главное свое доказательство, напоминая, что скифы тоже приносили в жертву лошадей, то этот обряд упоминается как в *Риг-Веде*[792], так и в *Айтарее Браманам*. О последнем же сочинении Мартин Хауг говорит, что, по всем вероятиям, оно уже существовало за 2000–2400 лет до Р.Х.[793]

Сознаюсь, от кума бабу́ до скифов и раджпутов допотопных времен – отступление довольно долгое. Опасаясь усыпить читателя, спешу вернуться к пещерам.

Пока местные *шикари* под водительством воинственного акали отправлялись вытравливать могущих находиться в пещерах тигров и оборотней, наш бхилль получил для нас позволение присутствовать при совершавшейся в городе свадебной церемонии. Браман выдавал замуж дочь, и ее в тот же день венчали. Эти новые для нас церемонии были так занимательны, что день прошел незаметно. Когда мы вернулись домой, то было уже поздно ехать в пещеры, и мы отложили поездку до следующего дня. Между тем опишу виденные нами празднества, тем более занимательные, что обряды сватовства, обручения, свадьбы и т.д. не изменялись в Индии, по крайней мере, за последние два тысячелетия. Они совершаются по предписанию Ману и без малейшей вариации на древнюю тему. В своих религиозных воззрениях Индия как бы кристаллизовалась, и кто видел брак индусов в 1879 году, знает его наверное и в древней Ариаварте за 1000 лет до настоящей эры.

---

[789] Ашвамéдха (*санскр.* aśvamedhá – «жертвоприношение коня») – одно из наиболее важных царских жертвоприношений ведийской религии, детально описываемое в «Яджурведе».

[790] См.: *Геродот.* История, IV, 6.

[791] См.: Scythia // The New American Cyclopædia. Vol. XIV. New York, 1862. P. 465–466.

[792] «Ригведа» (*санскр.* ṛgveda «веда гимнов») – собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы на ведийском языке. «Ригведа» входит в число четырех индуистских религиозных текстов, известных как Веды. «Ригведа» была составлена, видимо, около 1700–1100 гг. до н.э. и является одним из древнейших индоарийских текстов и одним из древнейших религиозных текстов в мире.

[793] См.: «А вот другой ученый – Хауг, который приписывает *Айтарейя-брахмане* (брахманическому комментарию к *Ригведе*, гораздо более позднего происхождения, чем сама *Веда*) давность между 1400 и 1200 годами до Р.Х., тогда как *Веды* помещаются им между 2000 и 2400 годами до Р.Х.[*] Макс Мюллер осторожно указывает на некоторые затруднения в этом хронологическом вычислении, но все же не совсем отрицает его[**]» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. II, гл. IX).

[*] См.: The Aitareya Brahmanam of the Rigveda. Containing the Earliest Speculations of the Brahmans on the Meaning of the Sacrificial Prayers, and on the Origin, Performance and Sense of the Rites of the Vedic Religion. Edited, Translated and Explained by Martin Haug. Vol. I. Bombay, 1863. P. 47–48.

[**] См.: *Müller M.* Chips from a German Work Shop. Vol. I. London, 1867. P. 114 (*Мюллер М.* Стружки из немецкой мастерской. Т. I. Лондон, 1867. С. 114).